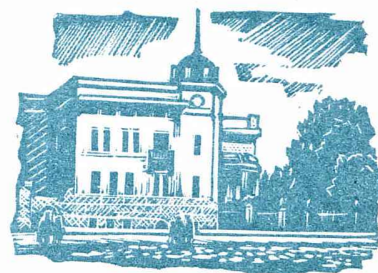

Колос
11
НОЯБРЬ
1971

Костёр

11
НОЯБРЬ

1971

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Дети, будьте,
как маяк!

12

— Мы — народ
отчаянный, — говорят
ребята в повести
Голявкина

14

150 лет со дня
рождения Достоевского

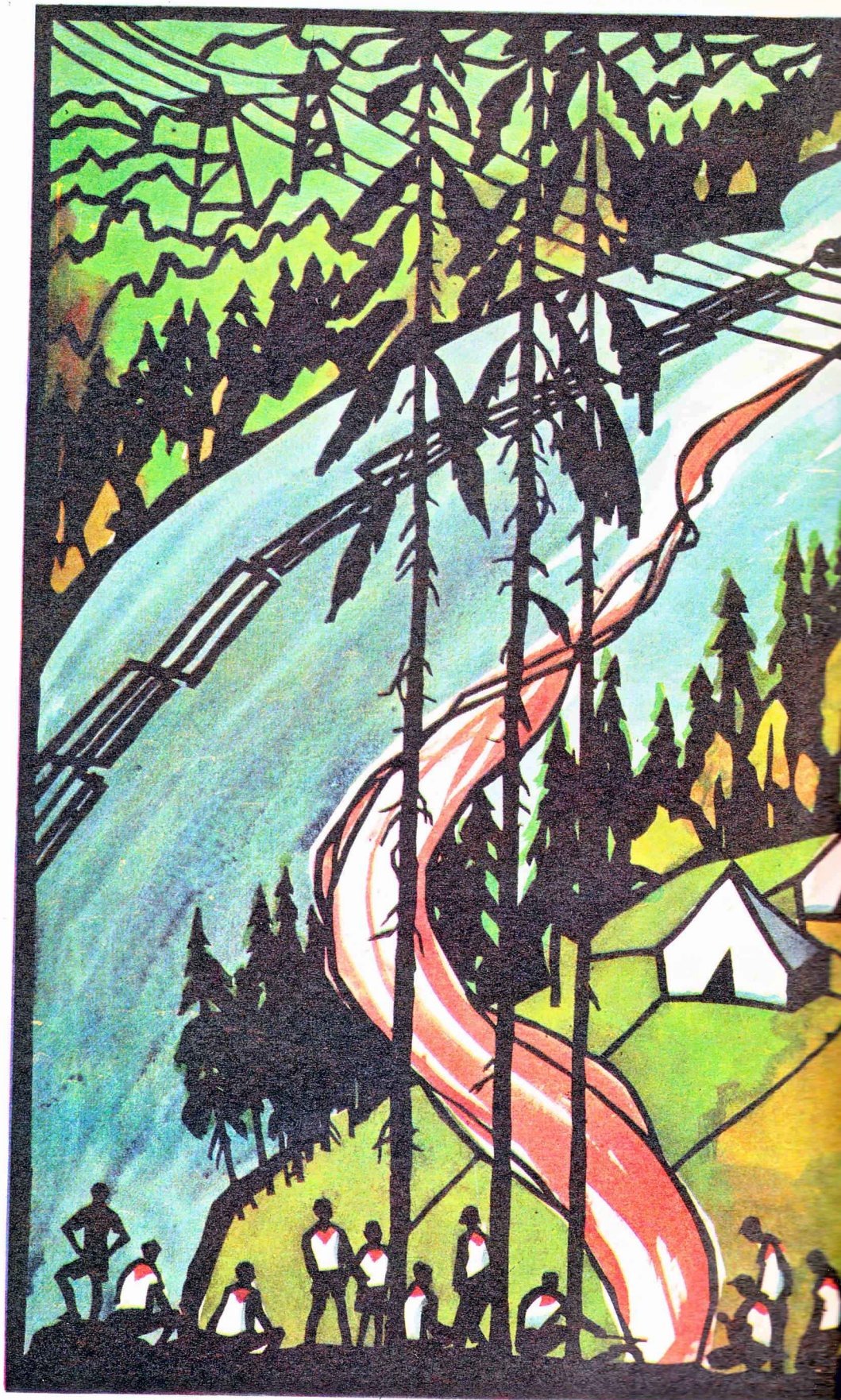
26

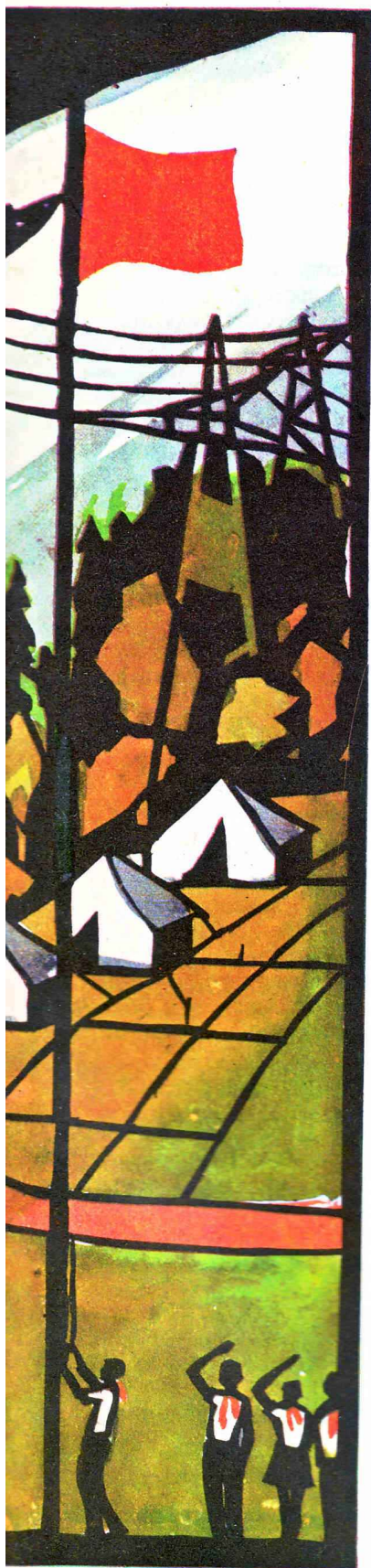
В рассказе — как
в жизни и как
в сказке

30

Шторм в открытом
море

37

К 50-летию пионерии в издательстве «Детская литература» выйдет книга архангельской журналистки Веры Румянцевой «Штаб на Двине». Мы печатаем отрывок из этой книги.

ШТАБ НА ДВИНЕ

Что-то случилось со шнуром, и флаг застрял на полпути к потолку.

Строй молча ждал. Это был необычный строй. Необычный потому, что вместе с пионерами в строю стояли комсомольцы, вместе с ребятами — взрослые. И все — в пионерских галстуках.

Десять лет работает Архангельский городской штаб школьников — АГШШ. Первые штабисты из пионеров стали комсомольцами, окончили школы и институты — и остались друзьями и помощниками штаба. Вот откуда взрослые в строю.

Строй терпеливо ждал. Слишком многое было сделано и пережито под этим флагом, полинявшим и выгоревшим под солнцем и дождем, на крепком двинском ветру. Ни один человек в строю не шевельнулся, не улыбнулся, не зашептался с соседом. Серые, синие, голубые глаза смотрели на флаг.

И флаг, дрогнув, пополз вверх и поднялся к самому потолку.

А сделано и в самом деле было немало.

...Архангельск тонул в снегу.

Круглые сутки работали снегопогрузчики, загребая рыхлые кучи широкими кривыми лапами. Ревели моторы грузовиков. Шаркали лопаты дворников. Люди и машины двигались по глубоким траншеям, выкопанным в снегу. Человека не видно — над снежным валом плывет меховая шапка.

Во Дворце пионеров, в комнате штаба, пятеро склонились над самодельной картой города. Входили и выходили гонцы из школ. Звонил телефон. Карта покрывалась условными значками: вот здесь выйдут в бой со снегом ребячьи отряды.

А ночью ударил жестокий мороз. От уличных фонарей потянулись вверх столбы студеного света. Носа на улицу не высунешь.

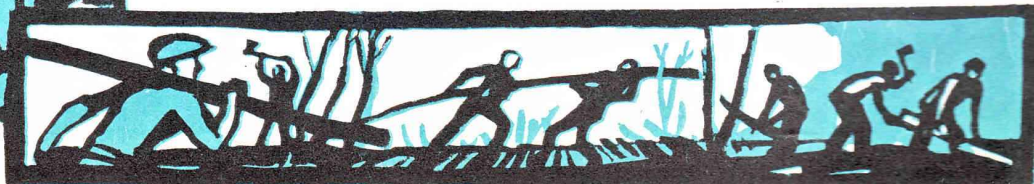
И все-таки семьсот ребят, сменяя друг друга, по очереди забегая отогреться в ближайшие дома, работали ломami и лопатами. И на самых важных перекрестках и проездах города снег отступил.

...В далеком сельском районе сгорела детская библиотека. Новую сразу не выстроить. Сотни мальчишек и девчонок остались без книг.

В газете «Северный комсомолец» был напечатан приказ штаба. Об операции «Книга» узнал весь город. Вместе с пионерами работали комсомольцы, в штаб звонили то из техникума, то из мореходной школы, то из института. Думали собрать три тысячи — собрали десять тысяч томов. Книг хватило не только на то, чтобы восстановить сгоревшую библиотеку, но и на то, чтобы открыть еще одну, новую, в другом районе...

Это только две операции штаба. А их были десятки.

Штаб носит имя Аркадия Гайдара. Одно время Аркадий Петрович жил в Архангельске, работал в газете, написал свою знаменитую «Школу». Есть фотография: молодой Гайдар с букетом северных ромашек.

Каждый год лучшие штабисты отправляются в гайдаровскую поездку: Киев, Канев, Леплява. Молчаливые ребята кладут на могилу Гайдара северные ромашки. Каждой такой поездке предшествует год напряженной работы штаба.

Летом штаб разбивает на берегу Северной Двины, в ста тридцати километрах от Архангельска, в Копачеве, палаточный лагерь. Начинается коммунарский сбор.

Дневник самого первого летнего сбора — это обыкновенная школьная тетрадка в клеточку, за две копейки. Зеленая обложка выцвела. Раскрываем тетрадку и читаем:

«25 июня. В 12.00 наш старый теплоход «Ласточка», нагруженный матрацами, палатками и прочим скарбом, ткнул носом в копачевский берег. До начала сбора десять дней. Мы должны подготовиться к приему всех ста пятидесяти коммунаров.

26 июня. Болото, местами по пояс. Заедают комары. Ищем обходный путь. Нашли. Среди болота — остатки развалившейся изгороди. По ней выбираемся на поляну. Уже час ночи. Мы решили рубить просеку. Рубили, пилили, ломали, выдергивали небольшие кустики. Сорок минут работы — и мы на берегу. Прорубились через сто двадцать метров кустарника. Сели на груды бревен и, не обращая внимания на комаров, все как один заснули.

27 июня. Прорубленный нами коридор решили назвать «дорогой жизни». Но это еще не дорога. Дорогу начали делать. В болотную жижу укладываем длинные толстые бревна — лаги. Поперек укладываем настил из тонких бревен и досок. Каждые десять метров дороги строим сутки. Устаем, но чувствуем себя отлично.

Поляна понемногу приобретает жилой вид. Поставлены первые палатки.

28 июня. Работы еще много. Не достроено полдороги. Нужно соорудить столовую, крыть навес. Решено просить подкрепление. Послали телеграмму в штаб. Через сутки приехали четыре человека.

5 июля. Все коммунары — в Копачеве.

Едим по-походному, сидя на траве. После завтрака — линейка. Распределяемся по отрядам и тут же организуем строительные бригады. Это оказалось не так-то просто. Вызывают: «Десять человек на строительство дороги!» Выходит в несколько раз больше. Да еще возмущаются, если не всех берут. Наконец, бригада принимается за работу. Сегодня нужно сделать навесы над плитой, над столом для посуды. Кончить дорогу, поставить мачту, сделать разметку линейки, футбольного поля и волейбольной площадки. Работы на весь день. Вечером в отрядах сборы. На них каждый рассказывает о себе. Ужинаем за столами, правда, еще стоя. Скамейки сделать не успели.

После ужина первый «огонек». Поем песни, некоторые выступают с сольными номерами.

6 июля. Сегодня торжественное открытие сбора, а недоделок куча. Мальчишки под руководством двух Володей — Турова и Насонова — прокладывают последние метры дороги. Другие кроют навесы. Девочки и малыши носят еловый лапник, окапывают палатки. Есть у девчонок еще забота: нужно успеть выгладить пионерскую форму для всех отрядов. А тут еще дождь пошел. И все-таки к пяти часам в основном все было готово.

Началась линейка. Дежурные командиры отрядов сдали рапорты. Саша Сахаров командует: «Внести знамя!» Знамя городской пионерской организации проносят вдоль строя. Теперь — подъем флага сбора.

Флаг — на мачте!

7 июля. Два отряда работали с девяти до часу на каменоломнях.

два — на прополке и скотном дворе. Каменоломни нас немного разочаровали. Мы представляли себе известняковый обрыв, в котором вырублены глубокие пещеры. Оказывается, на берегу Двины лежит пласт желтовато-белого известняка, который надо колоть на куски. Пять лопов и одна кувалда на шестьдесят человек — мало.

В четыре часа начали работу клубы «Комсомолец» и «Пионер». Старшие заняли столовую, младшие ушли на костровую площадку. У пионеров разговор шел о том, что должен делать председатель совета отряда, дружины. Комсомольцы говорили о новых формах работы. Ребята еще не освоились. Слушают и молчат.

8 июля. Четыре отряда уже придумали себе названия: «Ветерок», «Тайга», «Двина», «Орленок».

После сбора вернулись в лагерь. Смотрим, четверо ребят с рюкзаками направляются в сторону Копачева. Дезертиры? Что ж, нам таких не надо.

На «огоньке» мальчишки «Тайги» исполнили песню на собственный текст — «Копачевские вечера».

9 июля. Перед отбоем отвели полчаса на выкуривание комаров. Все отряды уже завели «кадилки» из консервных банок. Саша Карпунин из «Прометея» ходит с целой кастрюлей тлеющих углей. Девочки из этого отряда успели сочинить про Сашу песенку, где есть такие слова:

Он выгонял их не час, не два
Скорбным своим трудом,
Только выкурил нас сперва,
А комаров потом.

10 июля. На «огоньке» проходил суд над песней «Эй, моряк!» из кинофильма «Человек-амфибия». Ее все время поют. Все было как полагается, выступил прокурор, защитник, свидетели. Суд был разыгран как смешная пародия. Приговор: песня, может быть, и не самая плохая, но ее искажают при пении. Поэтому петь ее на сборе запрещается...

12 июля. Сегодня работал только один десант — на прополке. Ждем гостей из четырех лагерей.

После обеда слышим горн. Это пришел отряд из Орлецов. Шли они десять километров, устали. Все собрались на костровой площадке. Володя Василенко рассказал о нашем сборе, о коммунарах. Жаль, что гости мало видели своими глазами.

С сегодняшнего дня десант, вернувшись с работы, не разбегается, а строится на линейке, и старший сдает рапорт. Только тогда можно идти купаться. Всем новый порядок понравился.

Начались соревнования по легкой атлетике, входящие в первую коммунарскую спартакиаду. Прыжки в длину и высоту, бег, метание мяча. Каждый имеет право участвовать в двух видах.

15 июля. Прополку кончили досрочно.

16 июля. Один из дней сбора решили сделать ленинским. Этот день сегодня.

Работа объявлена ударным коммунистическим субботником. Работали здорово, норму выполнили на 130 процентов.

В четыре часа — торжественная линейка. К нам пришли председатель колхоза, лучшие колхозники. Рассказали о колхозе, его планах, о коммунистах и комсомольцах хозяйства. Председатель поблагодарил нас за помощь, пригласил остаться на сенокос и, конечно, приехать на следующий год. Окончилась встреча, и всех отправили купаться. Уж очень жарко было.

17 июля. Жара невыносимая. Работаем без перерыва, чтобы не расслабляться. Сделали не меньше, чем в прежние дни.

В «Комсомольце» — диспут: «Ровесники, ровесницы, девчонки и мальчишки». Бурные споры. Почему в школах мало мальчишек-активистов? Вот ведь в штабе — почти одни мальчишки.

19 июля. Закрытие сбора.

Завтра в 11 утра придет наш теплоходик. Не хочется расставаться, да еще плохая погода на ребят действует.

В 4 часа — сборы отрядов: «Каждый о сборе и каждый о каждом». Кое-кому и покраснеть пришлось. Но времени оказалось маловато. «Прометей» договорился продолжить разговор на теплоходе.

В шесть часов — торжественная линейка. Выбрали оргкомитет следующего, третьего коммунарского сбора. Володя Василенко опускает флаг. Отряды идут на прощальный ужин. От обычного он отличается только настроением сидящих в столовой.

После ужина — игры, танцы. Отбой сегодня — по желанию.

Коммунарский сбор окончен...»

— Миновали годы, и выпела зеленая тетрадка-дневник. Нынешним летом в Копачеве состоялся двенадцатый коммунарский сбор.

Я побывала на этом сборе. Многие на нем повторилось, многое было новым. Когда идешь по «дороге жизни», видишь на бревнах зарубки-цифры. Это номера сборов. Каждый сбор добавляет в общую дорогу свои бревнышки.

Я шла и думала о двух тайнах штаба на Двине.

ТАЙНА ПЕРВАЯ. Почему штаб не боится высоких слов, которые не так-то просто произнести: «Родина, партия, подвиг»? Почему у штаба такой гордый девиз? И почему все высокие слова звучат у коммунаров в полную силу?

Я хотела поговорить об этом с коммунарами. Но у них не было времени на разговоры. Они рубили камень и строили силосную траншею, дежурили по кухне и слушали лекцию о работе совета дружины, выступали в концерте и играли в футбол. Недаром сказал основатель штаба, секретарь горкома комсомола Владимир Анатольевич Сотрудинов: «Каждый участник сбора должен в чем-то себя проявить. И не с одной стороны!»

Но вот окончился день. Уже спели последние песни. Уже комиссар сбора, подняв руку в пионерском салюте, провозгласил девиз:

— Наша цель — счастье людей!

Все девяносто три коммунара подхватили:

— Мы победим. Иначе быть не может!

Взметнулись в салюте руки. И сама собой открылась первая тайна.

Руки-то были — трудовые, перевернувшие за день гору всякой работы. Право на высокие слова эти руки заработали. И завтра заработают снова.

ТАЙНА ВТОРАЯ. Что будет делать штаб через день, через год?

Это так и осталось тайной. Сами штабисты знают только ее краешек.

Например, идут упорные разговоры о том, что пора менять место коммунарских сборов. В Копачеве уже завоевано уважение колхозников, лагерь обжит, — и новички попадают на готовенькое. А они должны все завоевать сами. Добиться, преодолеть и победить!

Значит, — опять трудности, неудачи, заминки?

Штаб их не боится. Помните, как застрял флаг на торжественной линейке? Ни один человек в строю не шевельнулся, не улыбнулся, не зашептался с соседом.

Они знали, ребята из штаба на Двине: их флаг обязательно поднимется!

Рисунки В. Орлова

Солдатская каша

РАССКАЗ

Борис Никольский

Рисунки М. Беломлинского

Ручаюсь, в каждой роте наверняка отыщется свой запевала-заводила, остряк, мастер на все руки — и песню спеть, и на гитаре сыграть, и веселую историю рассказать, — не может рота жить без такого человека. И свой художник тоже найдется в каждой роте. И силач свой — штангист или борец, своя гордость, своя знаменитость, чемпион ротный тоже обязательно обнаружится.

Но в той же роте непременно есть и свой неудачник, некий козел отпущения, на долю которого вечно достаются насмешки и наряды вне очереди.

Был такой человек и в третьей роте.

И фамилия у него была очень подходящая — Уточкин. Миша Уточкин. Ему скажут «сбегай», и он бежит, скажут «принеси», и он приносит, хотя те, кто говорил ему так, были такими же, как и он, солдатами и, конечно, никакого права командовать Уточкиным не имели. А еще посмеивались потом над ним же: тюхтя, тихоня, маменькин сынок. Причем Миша Уточкин был и не слабее и не глупее других, просто тихий, послушный, безответный, что называется, человек.

История, которую я хочу рассказать, произошла с Мишей Уточкиным зимой во время больших учений, когда полк перебрасывали по железной дороге в район маневров.

Вторые сутки тряслись солдаты в теплушках. Несколько часов подряд эшелон шел не останавливаясь. Уже наступило время ужина, уже солдатский аппетит давал себя знать, а колеса вагонов все выстукивали и выстукивали свою песню.

Солдаты с нетерпением выглядывали в дверь теплушки, подставляли лица ледяному ветру, ждали станцию. А некоторые уже вынули котелки и ложки.

Но прошел еще час, прежде чем эшелон, наконец, затормозил на каком-то маленьком полустанке. И как только вагон остановился, солдаты сразу зашумели, стали спорить, кому бежать за кашей. И, конечно, кто-то сказал:

— Пусть Уточкин сбегает...

И тогда все столпились возле Уточкина и заговорили разом:

— Ну, давай, давай, Уточкин, беги, — торопили его солдаты. — Одна нога здесь, другая — там. Ты же у нас спортсмен, что тебе стоит! Сколько людей спасешь от голодной

смерти — сам подумай! Министр обороны тебе благодарность объявит. Ну, беги!

— Так приказа еще не было... — нерешительно возразил Уточкин.

— Ну да, не было! Вон из других вагонов уже побежали. Беги, Уточкин, беги!

Все уговаривали Уточкина, а сержант Караваев, который был старшим в вагоне, делал вид, что ничего не слышит, потому что, конечно, не положено без разрешения начальника эшелона выскакивать из вагона, но сержант тоже был голоден. «А может быть, — говорил он себе, — и разрешение уже есть, только до нас еще не дошло...»

Уточкин послушно натянул шинель, взял большой плоский термос с лямками, который надевался за спину, точно ранец, выпрыгнул из теплушки и побежал к вагону, где размещалась походная кухня.

Он благополучно добрался до этого вагона и, терпеливо выслушав наставительную воркотню повара, получил овсяную кашу, хлеб и сахар, и теперь уже с грузом заторопился обратно к своей теплушке.

Не остановись он на минуту, чтобы поправить крышку термоса, наверно, все кончилось бы хорошо, без происшествий. Но он остановился.

И как раз в этот момент эшелон вдруг тронулся. Уточкин сначала даже не заметил этого, потому что возился с термосом. Он только услышал, как лязгнули буфера. А когда поднял голову, вагоны уже медленно проплывали мимо него. Ему бы немедленно подхватить термос и сунуть его в первый попавшийся вагон, а потом прыгнуть самому, но он растерялся: руки у него были заняты — в одной хлеб, в другой — термос, а вагоны двигались все быстрее и быстрее. Вот уже предпоследний вагон. Уточкин бросился к нему, но двери теплушки, как назло, были закрыты. Еще и тут он мог успеть вскочить на последнюю площадку, если бы бросил свой термос. Но как бросить такой прекрасный, такой новенький термос с горячей, только что сваренной овсяной кашей! Эта мысль даже и не промелькнула у него.

А поезд уже удалялся, только светились в сумерках красные огоньки последнего вагона.

Уточкин стоял на насыпи и смотрел ему вслед, еще не веря в то, что случилось. Всегда больше всего он опасался отстать от эше-

лона, всегда послушно забирался в вагон одним из первых, едва только раздавалась команда: «По вагонам!» И вот — на тебе!

Еще оставалась надежда, что ребята там, в вагоне, всполошатся, поднимут тревогу, и тогда эшелон остановят. Но потом Уточкин сообразил: конечно же, все уверены, что он успел вскочить в какой-нибудь другой вагон и на следующей остановке, как ни в чем не бывало, явится к ним, так что шуметь, поднимать переполох совершенно не к чему — только попадет от начальства за то, что без команды отправился Уточкин за кашей. Ясное дело, сидят они сейчас и помалкивают, ждут его. И, конечно, не подозревают, что он стоит одиноко на этом несчастном полустанке и смотрит вслед поезду...

Впрочем, надо было что-то предпринимать. Не торчать же вечно на этом полустанке!

Уточкин разыскал дежурную железнодорожницу, и она рассказала ему, что ближайший поезд, который останавливается здесь, будет только утром и что до следующей большой станции отсюда ровно шестнадцать километров.

— И как это тебя угораздило, парень? — сочувственно сказала она.

Только этого сочувствия ему сейчас и не хватало! Он и так винил себя за то, что отстал от поезда и оставил солдат без ужина, и отлично представлял, как встретят теперь его товарищи. Насмешки, остроты уже звучали в его ушах.

— Ночуй здесь, — сказала дежурная. — Делать нечего, завтра догонишь.

— Нет-нет, — торопливо сказал Уточкин. — Нет.

Он уже прикинул в уме: шестнадцать километров — это примерно часа три. А там на станции он разыщет коменданта, и комендант поможет ему догнать эшелон. Все лучше, чем томиться здесь до утра.

Он вскинул за спину злополучный термос и зашагал вдоль железной дороги.

Сначала идти было легко, но потом тяжесть термоса стала давать себя знать. Несколько раз Уточкин проваливался по колено в снег. Морозный ветер обжигал ему щеки. Конечно, за время солдатской службы Уточкину не раз приходилось совершать переходы и маршброски в полной солдатской амуниции, и это было ничуть не легче, чем теперь тащить кашу. Но одно дело — бежать вместе со всеми, а совсем другое — брести вот так, одному. Да еще знать, что впереди тебя ждут одни неприятности — нагоняй от начальства и упрёки товарищей.

От таких мыслей термос с кашей становился тяжелее и ляжки нещадно врезались в плечи.

Дважды, обдав снежной пылью, его обгоняли составы, и Уточкин с завистью смотрел им вслед.

Сколько же он будет тащиться с этой кашей?.. Ну, хорошо, он доберется до станции, а эшелон, наверняка, уже ушел — и что дальше? Догонять на попутных? И всё с кашей? Глупо, в конце концов...

А как легко будет идти, если...

Уточкин поставил термос на снег и решительно открыл крышку.

Но тут он представил себе горку каши на обочине тропинки, целый холмик каши, растекающийся в разные стороны. Нет, он не мог этого сделать. Не мог, и все. Это было все равно что наступить на хлеб. Или плюнуть в колодец.

Уточкин вздохнул и снова поднял тяжелый термос.

Вот уж не везет, так не везет. Отстал бы он от эшелона с гранатометом, или с ящиком патронов, или, на худой случай, с автоматом. А то — с кашей! «Уточкин? Опять Уточкин? Вечно этот Уточкин! Уточкин с кашей! Что делал Уточкин на маневрах? Уточкин тащил кашу! Ха-ха-ха!»

Так он шагал и шагал вдоль железной дороги, то по тропинке в снегу, то по скользким шпалам, занятый своими невеселыми мыслями. И когда ему стало казаться, что конца не будет этому пути, впереди вдруг возникла станция.

Совсем близко весело светились огни.

В заснеженных сапогах, с термосом за спиной, промерзший Уточкин предстал перед комендантом станции. Комендант, пожилой капитан, молча и неодобрительно выслушал Уточкина.

— Значит, отстали? — переспросил он.

— Так точно, — сказал Уточкин.

— А это что у вас, товарищ солдат? — и комендант подбородком указал на термос.

— Каша, — сказал Уточкин.

— Каша?! Какая каша?

— Овсяная, товарищ капитан, — сказал Уточкин.

— Да мне один черт — овсяная или гречневая! Я не спрашиваю «какая», я...

— Как это не спрашиваете? — обиделся Уточкин. — Вы только что сами сказали: «Какая?»

— Да я в другом смысле спрашивал «какая», — сказал капитан. — Откуда она у вас и куда вы ее несете?

— Это он, товарищ капитан, прихватил с собой, чтобы в пути не проголодаться, — вставил лейтенант, помощник коменданта.

Уточкин обиженно промолчал.

— Ну вот что, — сказал комендант. — Считайте, что вам повезло. Вам и вашей каше.

Сейчас я посажу вас на скорый, на следующей узловой станции догоните эшелон.

... Было уже совсем темно, когда на запасном пути Уточкин отыскал свой эшелон. Дверь теплушки была задвинута, и он сильно забарабанил в нее кулаком.

— Кто там? Свои все дома! — раздался жизнерадостный голос сержанта Караваева, и в следующий момент дверь с грохотом отъехала в сторону.

— Братцы! — закричал Караваев. — Кого я вижу! Уточкин явился.

Навстречу Уточкину из теплушки потянулось сразу несколько рук.

Уточкин взобрался в вагон. Потом медленно снял и опустил на пол тяжелый термос.

— Вот... — сказал он. — Каша...

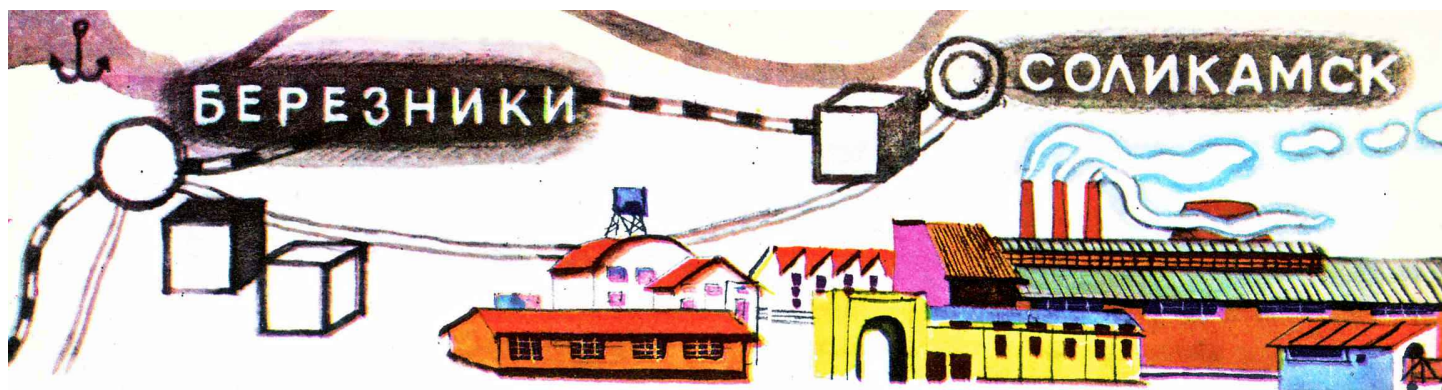
И только тут он увидел в сторонке сложенные горкой грязные миски. А чуть поодаль возле печки стояла миска, накрытая плоской алюминиевой тарелкой.

— Это тебе ужин, — сказал Караваев. — Еще не остыл.

Уточкин хотел что-то ответить, но его уже окружили солдаты, затормошили, задержали, радостно загалдели, не дали сказать ни слова...

... Начиная с этого дня, отношение к Уточкину заметно изменилось. Теперь, если в роте появлялся новичок, то среди других историй, прославивших третью роту, ему непременно рассказывали и историю о том, как Уточкин отстал от эшелона и как шестнадцать километров тащил солдатскую кашу...

ОБ „УТЮГАХ“, „ШАПКАХ“, „СТВОЛАХ“ И О МНОГОМ, МНОГОМ ДРУГОМ, ИЛИ КАК Я СПУСКАЛСЯ В ШАХТУ

Б. Феноменов

Рисунки А. Януса

— Встретимся завтра в девять у шапки.

— Где?!

...Оказалось, «шалкой» шахтеры называют здание горно-бытового комбината потому, что оно расположено сверху над входом в ствол, как надземная станция у входа в метро, как шапка на голове человека.

Мне предложили переодеться в спецодежду и сапоги (иначе в шахту не пускают), достали каску, твердую, легкую, и пригласили в ламповую. Там на стеллажах, как книги в библиотеке, стоят шахтерские лампы, каждая под номером, а к стеллажам подведено электричество: пока шахтер отдыхает, аккумулятор его лампочки заряжается для следующей смены.

Выдали лампу и мне. Коробку аккумулятора я прикрепил по примеру спутников к поясу, лампочку на прочном резиновом шнуре держал в руках.

Четыре длинных, три коротких звонка. Это означает, что люди в клету готовы к спуску. Не успел я оглянуться, как уже оказался на глубине в четьреста метров...

Здесь всё как и в других шахтах. Главная дорога — межшахтная транспортная сбойка — ярко освещена. По просторному, с высокими сводами, коридору проложены пути. Воздух сухой. Дуют

сквозняки. Многолюдно. Около электровазона, например, колдуют два слесаря-механика; из приоткрытой двери диспетчерской слышен громкий разговор по телефону. Слева, за решетчатыми дверями, — электрическая подстанция, на решетке табличка: «Посторонним вход воспрещен!» Справа инструментальная кладовая: девушка с веснушками выдает слесарям инструменты. Шахта как шахта, — и при этом особенная. Не уголь в ней добывают, не железную руду, а соль.

В краеведческом музее в Соликамске выставлены почерневшие от времени, изъеденные щербинами деревянные трубы. Толстые, ручные ковки, железные кольца охватывают эти трубы для прочности.

Есть в музее и древние потрескавшиеся бадьи (ими подымали рассол из скважины), и грубые железные черпаки, и крючья, и цепи с ошейниками и без ошейников: первые — для кабанчиков-ослушников, вторые — для подвешивания над огнем огромной четырехугольной железной сковороды — црены (или чрены). В црене выпаривался рассол. Тут же висят рубаха и порты из мешковины, лежат лапти и онучи. Вот, пожалуй, и весь инструмент и спецодежда самых первых промышленных предприятий на пермской земле.

Русские умельцы вручную бурили скважины до 80—100 метров глубиной и выходили-таки на соляной пласт, размываемый грунтовыми водами. Продавали соль-«пермянку» по всей стране, да и за границу: только в конце XIX века пермянку стала вытеснять более дешевая соль, добываемая из озер Баскунчак и Эльтон.

В наше время пермянка навсегда исчезла с обеденного стола, но отнюдь не кончилась история пермской соли!

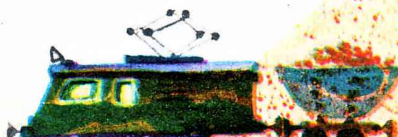
Стараюсь не терять из виду своего провожатого. Евгений Александрович Белобородов спешит, спешит на свой участок, у него там уйма дел. Он уже привычно не замечает здешней красоты, от которой мне, новичку, невозможно оторвать взгляда!

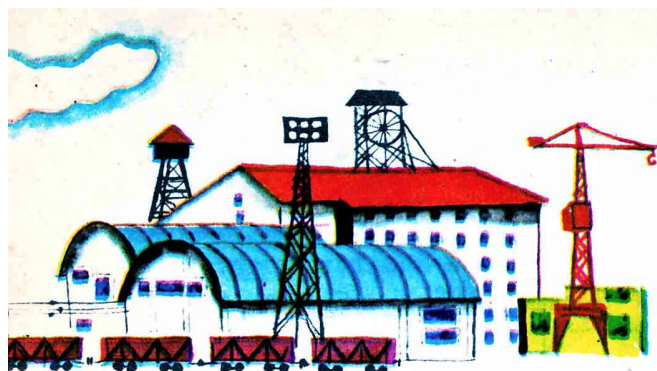
Помню наш школьный химический кабинет. Ряды пробирок и банок с притертыми пробками. В баночке — мелкокристаллическая, почти как порошок, очень белая соль. «КСl — хлористый калий» — значилось на этикетке. Тут, в руднике, я ощутил буквально внутри хлористого калия. Он всюду: и под ногами, и над головой, он оседает хрустящей пылью на лицо и плечи, движется на бесконечных лентах транспортеров, лежит горами на складах, дробится в барабанах гигантских стержневых мельниц, низвергается потоками густой красноватой жидкости (которую называют пульпой), чтобы затем в огромных флотационных машинах всплыть в пузырьках красной пены.

Слово «сильвинит» здесь звучит на каждом шагу. Может быть, это потому, что и сам город стоит на сильвините.

Главный геолог Второго Березниковского калийного комбината Клавдий Иванович Коновалов мне рассказывал:

— Сильвинит — это горная порода, составленная из двух минералов: сильвина и галита. Галит — это каменная соль, иначе — поваренная, хлористый натрий, тот самый, что в солонке на любом столе. А сильвин — тоже хлористый, но не натрий, а калий.

«Ускорить строительство Третьего Березниковского и Соликамского калийных комбинатов...

Довести в 1975 году поставки сельскому хозяйству минеральных удобрений до 74 млн. тонн...»

Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.

— Хлористый калий? — переспросил я. — Но почему же он красный, бурый, желтоватый, только совсем не такой, каким я запомнил его в школьной пробирке?

— То-то и оно! — воскликнул Клавдий Иванович. — Сильвин — штука во многом загадочная. Считалось, что окраска сильвинита зависит от примесей окиси железа. Соли, растворенные в воде древнего Пермского моря, тысячелетиями осаждались слой за слоем, причем каменная соль осаждалась преимущественно летом, а сильвин выпадал в осадок ближе к зиме. Но железо-то приносилось в морские лагуны тальми водами весной, следовательно, оно должно было окрашивать прежде всего каменную соль, — а она как раз чаще всего бесцветная. Что же повинно в причудливой окраске сильвина?

Оказывается, в толще калийных солей «законсервировались» миллиарды древних микроорганизмов — бактерий, водорослей, простейших грибов. И, между прочим, так хитро законсервировались, что могут при случае и ожить!

Невероятно!

Вот многие ученые тоже так думают и оспаривают открытие Николая Константиновича Чудинова. Чудинов, геолог-петрограф, изучая состав калийной соли, столкнулся с загадочными явлениями. Разобраться в них помог случай. Как-то банка с раствором калийной соли осталась стоять у батареи центрального отопления, и тут началось непонятное: красная окраска стала сменяться зелено-ватой-серой, кристаллы приняли очертания облака, от него вытянулись отростки, стали заметны зеленоватые ядрышки. Вот ядро лопнуло и дало росток. Кристалл стал превращаться в живой организм. И впоследствии, когда опыты по оживлению древних организмов были поставлены со всей научной строгостью, — результат был одинаков: организмы оживали!

Об открытии Чудинова я в свое время читал. Но тут с притворной небрежностью сказал:

— Все это любопытно, конечно, но какой практический смысл для калийщиков от этого открытия? Добывали соль, не зная, что в ней обитают доисторические жители, и с тем же, вероятно, успехом будут добывать и впредь.

— Не с тем же, — обиделся Клавдий Иванович, — а с гораздо-гораздо большим успехом! Вот, к примеру, рудничный газ в калийной шахте. Коварный враг! Понемногу накапливается он в толще породы и потом в самых неожиданных местах выбрасывает породу, погребая все, что в данном месте случайно окажется. А тут, зная характер окраски сильвинита, можно предусмотреть кое-какие меры безопасности. Или вот еще способ обогащения руды. Он тоже зависит от окраски калийной соли, но этот вопрос сугобо специальный, и я не буду вдаваться в подробности...

Мои воспоминания прервал Евгений Александрович. Он осветил фонариком стенку подземного коридора и произнес:

— Идем в слое «Красный-2». Здесь красные сильвиниты. Молочно-белые прослойки между ними и прозрачные кристаллы — это каменная соль. Черные прослойки — глина. Толщина слоя 3,7 метра. На добыче работает угольный комбайн «Караганда». Своей, калийной, модели пока еще нет.

И снова замолчал.

Повинуясь его приглашающему жесту, я стал взбираться по крутому склону. Далеко-далеко, на самой его вершине одиноко светилась лампочка. Не всякий мальчишка решился бы с такой горки съехать на лыжах.

— Куда идем?

— Переходим из слоя «Красный-2» наверх, в слой «АБ». Толщина два и пять десятых метра, залегают пестрые сильвиниты. Пласт разрабатывается проходческим комбайном ПК-8.

— Значит, комбайны работают и здесь, и внизу, там где мы были? В два этажа?

— Да. Разные по характеру пласты — разная технология и разные машины.

— А не боитесь провалиться в нижний слой?

— Сами не провалитесь! — вдруг крикнул Евгений Александрович и оттолкнул меня от легкой загородки, ограждающей отверстие, похожее на уличный канализационный люк.

Я заглянул туда и не увидел никаких признаков дна.

— Что это? — спросил я с невольной дрожью в голосе.

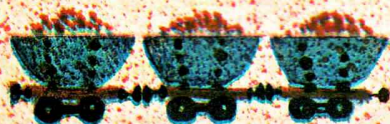
— Течка. Сюда самоходные вагоны сыпают добытую руду, и она попадает внизу на транспортер.

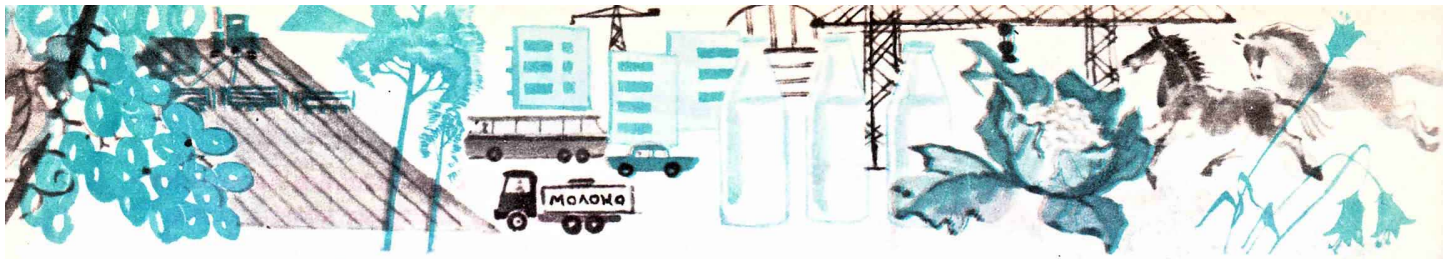
«Знакомый незнакомец!» — думал я, шагая по бесконечным коридорам, вырубленным в сильвинитовой толще.

Разъезжая по стране, я часто встречался с сильвином на запасных путях железнодорожных станций, где сильвин ожидал разгрузки: сильвин проносился в кузовах грузовиков, лежал на колхозных складах, о сильвине с жаром говорили директора совхозов и председатели колхозов, овощеводы и хлеборобы. И еще я видел пустые колоски и мелкие сухие зерна ржи, видел потемневшие и скрюченные листья на плодовых деревьях, с которых уже не собрать урожая: мне случалось выкапывать картофель величиной с голубиное яйцо, мне встречались целые поля с короткими слабыми стеблями льна. Так было там, где не хватало сильвина.

Калий в почве повышает урожай. А в сахарной свекле он накапливает больше сахара, в картофельных клубнях становится больше крахмала. Хлопковое волокно делается длиннее и шелковистей. Холода и болезни не могут справиться с растениями, получившими калий. Овощи, выращенные на удобренной почве, дольше сохраняются. Вот почему калийщики Березников и Соликамска день и ночь достают из земных кладовых эту чудесную соль и добывают ее становится все больше и больше.

— Шарипов! — бросил Евгений Александрович куда-то

в темноту. — Ты почему не укрепил утюги у седьмой и восьмой камеры?

— Сейчас, Евгений Александрович, сделаю! — откликнулся невидимый Шарипов.

— Что за утюги? — тихонько спрашиваю Белобородова.

— Когда комбайн начинает проходить новую камеру, он врубается в стену шахты. Это место зарубки горняки называют утюгом. Утюг обязательно надо укрепить, потому что здесь порода может и отслоиться. Свалится кусочек кому-нибудь на голову — и каска не спасет. Посмотрите, перед вами утюг.

И вправду: при входе в черную пещеру камеры образовались углы, сильно напоминавшие острые концы утюгов.

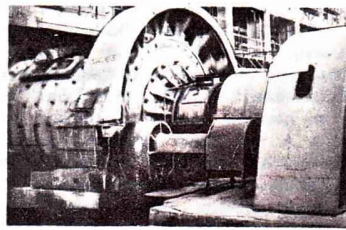
Вошли в камеру. Впереди слышен все нарастающий грохот. Воздух настолько насыщен пылью, что луч фонарика приобретает материальную упругость. Он, как длинная блестящая спица, накаливает на себя встречные предметы. Брови, ресницы, щеки покрываются тончайшей белой пудрой. Все это означает — впереди работает комбайн.

За два дня до спуска в шахту я стоял в музее у макета. За стеклом был 1927 год. Потрескивали от мороза стволы деревьев. Заиндевелые лошадки тащили розвальни, груженные кирпичом, бревнами, мешками с цементом... Мне чудилось, что я слышу натужный визг полозьев по укатанному снегу и хриплые возгласы возниц. Крошечные фигурки из пластилина и ваты, с кирками и лопатами в руках, оставаясь неподвижными, казалось, пришли в движение.

Это советские люди в разоренной стране закладывали первый в мире

по мощности и оборудованию калийный рудник. И рудник был построен. И даже когда строительство еще не было доведено до конца, добыча сильвинита уже началась.

В Березниках главная улица называется улицей Пятилетки. Просто — Пятилетки. Но все знают, что это ули-

Стержневая мельница дробит куски сильвинита

ца Первой Пятилетки, потому что именно тогда родилась современная индустрия Верхнего Прикамья и вместе с ней рос и развивался город Березники, город пятилеток.

На обогательную фабрику пришли школьники

Вы видели хлебоуборочный комбайн? Он, как корабль, быстро движется по золотым волнам пшеницы. А комбайнер, как капитан на мостике, обзревает пшеничное море.

Машинист рудничного комбайна на своей машине не едет. Куда уедешь на машине, которая за шестичасовую смену продвигается на десять, от

силы на пятнадцать метров? Но если учесть, что двигаться ему приходится в сплошной твердой породе, то и эта скорость довольно-таки большая!

Рудничный комбайн похож не на корабль, а на ископаемого ящера: приземистый, вытянутый, массивный, на могучих лапах-гусеницах. Впереди него во всю ширину прохода — щит, непробиваемый, как лоб гигантского, совершенно невероятного ископаемого — трилобита. А перед лбом вынесены всепокрушающие челюсти — четыре луча, на концах которых режущий механизм; по бокам, вплотную к стенам тоннеля, — так называемые бермовые фрезы; по дну — резовые доски. Особый механизм, винтообразный рудозахватчик, подбирает руду и подает ее на транспортер, проходящий внутри комбайна. Оттуда руда непрерывно сыплется в бункер, а из бункера руду перегружают (тоже автоматически) в самоходный вагон. Вагон этот ничего общего с вагоном в общепринятом смысле не имеет. Это скорее всего огромный кузов на больших автомобильных колесах.

Но если говорить правду, то ничего из описанного выше я сначала не увидел. Стоял грохот, пыль была столбом, и в пыли с трудом проглядывались огоньки от лампочек машиниста и его помощника.

Раз в сутки на три часа останавливают комбайн, чтобы проверить (а где нужно, отремонтировать) узлы и механизмы этой сложной машины, очистить ее от густого слоя соляной пыли. Мне повезло: я

попал как раз в такой момент, когда комбайн заканчивал работу и становился на техосмотр. Иначе мне бы не удалось подробно все осмотреть и поговорить с машинистом.

Итак, машинист выключил все пять электродвигателей своей машины, снял с лица противопылевую маску и протянул мне руку:

— Попков Михаил, — представился он.

Вот он — на фотографии. Только сделана она позже, не в шахте, а уже наверху.

... Я снова становлюсь в клеть. Захлопывается стальная решетка, раздаются четыре длинных и два коротких звонка: **ЛЮДИ В КЛЕТИ, ПОДЪЕМ.**

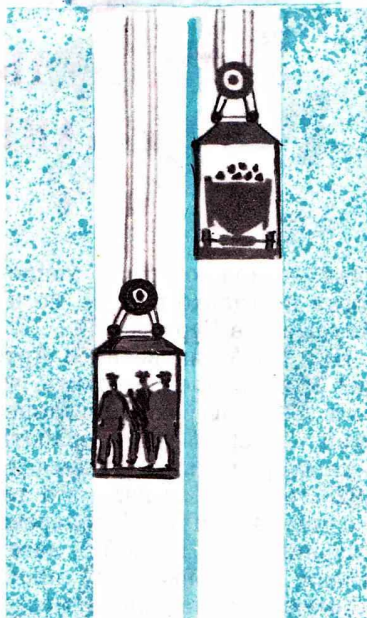
Я иду по залитому солнцем городу. На перекрестке улиц Пятилетки и Ленина на стенде четко читается надпись: «11,5. млн. тонн минеральных удобрений дадут стране Березники в 1975 г.».

Первый Березниковский комбинат строился сорок лет назад.

Второй Березниковский еще набирает силы, его строительство только-только закончено. Третьего еще нет. Третий возникнет в ближайшие годы.

Игорь Михайлович Иванов директор строящегося Третьего калийного комбината, говорил мне:

«Шестнадцать строительных организаций заняты на этой стройке. Трудностей на пути строителей — много, а преодолеть их необходимо быстро. Главная трудность — проходка стволов калийной шахты. Задача в том, чтобы войти в калийный слой обязательно

Михаил Попков — машинист рудничного комбайна

сухим стволом. Ведь для нашей шахты самый страшный враг — вода. В одном кубометре воды растворяется четыреста килограммов породы. Если в ствол семиметрового диаметра прорвутся грунтовые воды, то это будет примерно десять тысяч кубометров воды в сутки: добывать окажется нечего, — запасы уйдут в раскол. Вот и приходится грунт замораживать. Работать нам при тридцатиградусном морозе нелегко. Замерзнуть тут, впрочем, не успеешь: только поворачивайся — надо укрепить стенки ствола бетоном, по бетону уложить чугунные кольца тюбингов, швы между ними залить свинцом.

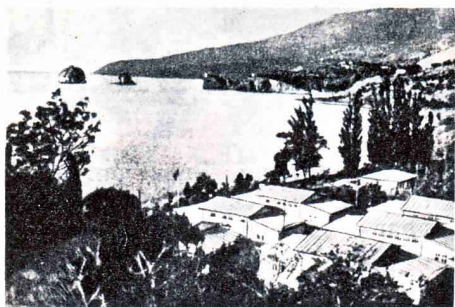
А проблема отходов производства, так называемых шламов? Ведь 200—300 гектаров земли, где сейчас растет лес, надо будет занять под шламохранилища, и этого хватит только на 5—6 ближайших лет, а дальше? Нельзя же бесконечно губить природу! Инженеры и ученые думают, как сделать, чтобы как можно меньше вредных отходов выходило на поверхность».

Комбинаты завтрашнего дня, возможно, будут обрабатывать руду полностью под землей. Высоченные горы технической соли будут загнаны обратно вниз, в пустые шахтные выработки, — тогда можно будет разрабатывать сильвинит, оставшийся в шахте в виде перегородок между камерами.

Много сложных задач стоит перед калийщиками. Но все они подчинены одной, главной — всю свою деятельность направить на благо человека.

Фото автора

Всесоюзная здравница Артек
в двадцатые годы

ДЕТИ, БУДЬТЕ, КАК МАЯК!

Вл. Маяковский,
1929 год

Откуда эти строчки?

Веди

*светло и прямо
к работе и к боям,
Моя*

*большая мама —
республика моя!*

Вспомнили? Ну, конечно, это из «Песни-молнии», написанной Владимиром Маяковским к первому Всесоюзному слету пионеров. И если нашу республику поэт называет «большой мамой», то папа нашей советской детворы — «стальной рабочий класс». И заканчивает «Песню-молнию» так:

Вперед,

*отряды сжатые,
по ленинской тропе!
У нас*

*один возжатый —
товарищ ВКП.*

Маяковский много писал о детях и для детей в последние годы жизни.

В 1926 году, после поездки в Крым Маяковский закончил сценарий кинокомедии «Дети». В одном письме он говорил о фильме так: «Весь смысл его в показе реальных вещей», — и пояснял: «Сценарий «Дети» и «Слон и спичка» сделаны по определенным материалам. Пионерская колония Артек и курортная жизнь Ялты...»

Известно, что в середине июля 1926 года Маяковский провел две недели в санаториях Ялты. Афиши о предстоящих выступлениях поэта — рассказ о поездке в Испанию и Аме-

рику — можно было увидеть тогда не только в Ялте, но и в Алуште, и в Гурзуфе...

Был ли Маяковский в Артеке? Можно предположить, что был. Ведь Всесоюзный пионерский лагерь Артек работал уже второе лето (открылся в 1925 году). Называли его тогда по-разному. «Пионерская колония», «Детский лагерь имени Соловьева», просто «Артек», по названию местечка возле Гурзуфа. Летом 1926 года пионерлагерь принимал необычных гостей: на целую смену приехали немецкие пионеры. Артек становился интернациональным.

О жизни пионеров Артека как раз и рассказывает сценарий «Дети». Реальные факты тогдашней артековской жизни идут впережежку с занятыми приключениями героев...

Из разных мест земного шара едут в Крым люди. В Никитский ботанический сад едут американский бизнесмен, его супруга, сынок-«американчик». «Тебе найдется, где закалиться. Помни: человек человеку волк. Один на всех и все на одного!» — поучает папаша-бизнесмен своего наследника перед отъездом в Советскую Россию.

Едет в Артек дочь английского шахтера — «англичаночка». В кармане у нее справка: «Тов. Ирма Джонс выбрана пионерами всех школ... делегаткой в Россию на осмотр жизни русских пионеров». (Семья, в которой родилась Ирма, живет по принципу: «Один за всех и все за одного»). Ирма мечтает посетить страну, где жил Ленин.

Едет в Артек и сын Петра Забойщикова, русского рабочего. И под международным вагоном едет «заяц» — беспризорник. Едет и сосет сигарку...

— А дальше — рассказ об артековской жизни...

Видимо, Маяковский все-таки побывал в Артеке: очень уж достоверно описывает разные мелочи артековского быта.

...Вот ребята читают стенную газету: требуются тритоны для ежика... И начинается ловля тритонов. Не обходится без приключения. В бассейн с тритонами падает «американчик», выбраться сам не может. Помогают ему выкарабкаться пионеры, и он по-своему пытается отблагодарить их. Но пионеры отказываются от денежной благодарности. Недоумевающего «американчика» волокут к клубу...

Пионер — «сын питерца» — говорит про «американчика»: «Ладно, у костра потолкуем».

Обычай беседовать у костра ввел Зиновий Петрович Соловьев, первый начальник Артека, человек, хорошо известный Владимиру Ильичу. По свидетельству сестры Ленина Елизаровой-Ульяновой, тоже знавшей Соловьева, «Зиновий Петрович был одним из самых близких соратников Ленина».

Вот каким человеком заинтересовался автор сценария о жизни пионеров. А в те годы Артек носил имя З. П. Соловьева. Именно Соловьев выбрал место для Артека у подножия Аю-Дага и мечтал о будущем Артека...

В кинокомедии много смешных приключений. Вот, например, беспризорник стащил костюм «американчика», пока тот барахтался в море. Двое бродяг похищают вместо «американчика» беспризорника в новеньком костюмчике. Завязывают своей жертве рот, увозят в горы...

А в Артеке жизнь идет своим чередом. «Американчику» дают пионерский костюм вместо украденного. «Американчику» всё так нравится, что он знаками показывает: «Я останусь здесь». Папаша в гневе заявляет: «Такого мне и даром не надо!..»

Фильм по сценарию Маяковского был принят Ялтинской киностудией в августе 1926 года. Школьники Шура Будников, Юра Крестинский и Толя Лукашевич снимались в этом

фильме. Окончательное его название «Трое». Известны только фамилии юных киноартистов, но почему не попытаться разузнать об их дальнейшей судьбе?

Стоило бы разыскать бывших артековцев из смены 1926 года, ребят из Ярославля, Тулы, Воронежа, Пензы, Москвы, Ленинграда... Наверное, у кого-то сохранились фотографии. В областных газетах тех лет можно было бы найти сообщения о поездке пионеров и пионят (так Маяковский называет в сценарии малышей) на отдых и лечение в Артек.

Материалы о смене 1926 года, рассказы бывших артековцев помогли бы выяснить, был ли Маяковский в Артеке. А тут нужна ваша помощь, красные следопыты!

Поиск будет, конечно, успешнее, если вы, следопыты, внимательно перечитаете то, что поэт написал осенью 1926

Прочтите по-новому стихи «Эта книжечка моя про моря и про маяк». Помните?

*Кличет книжечка моя:
— Дети, будьте, как маяк!*

*Всем,
кто ночью плыть не могут,
освещай огнем дорогу.
Чтоб сказать про это вам,
этой книжечки слова
и рисуночков наброски
сделал*

*дядя
Маяковский.*

Рукопись стихов была сдана в Детское издательство в сентябре 1926 года, вскоре после возвращения из... — так и хочется сказать — из Артека. Но пока скажем — возвращения из Гурзуфа. Хотя — как вам теперь кажется? — мог ли Владимир Владимирович быть в Гурзуфе и не познакомиться с новорождённой пионерской республикой? Ведь он всегда радовался всему новому в советской стране. Артек же был значительной новостью!

В стихотворении «Крым» В. В. Маяковский писал:

*Пылают горы-горны,
и море синеблудится.
Людей*

*ремонт ускоренный —
в огромной
крымской кузнице.*

Именно о «ремонте» ребячьего здоровья и говорится в заключительном кадре сценария «Дети»: «Из вас растёт комсомол, а комсомол — смена старой гвардии. Железом станетесь в нашей кузнице здоровья».

Может быть, именно так говорил З. П. Соловьев на торжественной линейке в Артеке? Ведь первый начальник Артека считал здоровье молодого поколения «одним из ответственных участков социального строительства».

*Л. Пожидаева-
Рисунки И. Казаковой*

ПОЛОСЫ

ПОВЕСТЬ

Виктор Голявкин

В электричке сначала все шло спокойно, мы сели, ноги вытянули, согнуть-то мы их не могли.

Какой-то дядька смотрел на нас, смотрел, разглядывал, разглядывал, а потом и говорит:

— Могли бы свои ноги подогнуть.

Переглянулись с Вовкой и слегка ноги вбок потянули — он в одну сторону, я — в другую.

Дядька говорит:

— Смотрите, смотрите, издеваются, а? Над взрослым человеком издеваются. Молодчики какие. У меня двое сыновей, и за подобные шуточки я им спуска не даю. Посмотрите, граждане, они, ей-богу, норовят, чтобы мы об их ноги споткнулись.

Какая-то старушка говорит:

— У них что-то есть в штанинах, мать честная.

— Чего у них может быть? — говорит тот дядька и смотрит на наши ноги.

— Ой, честное слово, дуло какое-то, — говорит бабушка, — дуло.

Мы с Вовкой встаем, изо всех сил помогая друг другу, и выходим на площадку. Не хватает, чтобы весь вагон на нас внимание обращал.

— У них что-то в штанинах, совершенно верно, — замечает один пассажир, — смотрите, как они идут, какая у них подозрительная походка.

— Вы у них верно дуло видели? — спрашивает тот дядька? — Что за дуло?

— Ай, я не знаю, — говорит старушка, — может, мне показалось, какое мне дело. Больно мне ваше дуло нужно.

Понемногу в вагоне успокоились. Не надо нам было садиться, стояли бы на площадке, никто бы не заметил.

Продолжение. См. «Костер» № 10, 1971 год.

НА ОКНАХ

Рисунки автора

Сошли с электрички. Идти дальше так невозможно. Купили сегодняшние газеты, завернули автомат и карбин. По одному карабину в штанинах оставили.

Попрощался я с Вовкой.

Возле дома стоял Ливерпуль.

— Откуда плетешься? — спрашивает.

— Вы теперь без повязки ходите? — спрашиваю. — Брату моему отдали, а как дежурить ходите?

— Тьфу, — говорит, — твоя повязка. Будто я без нее дежурить не могу. Без повязки я могу дежурить, а вот повязка без меня

не может. Мальчонке зато радость.

Я уйти хотел, а он меня остановил:

— Постой, постой, что это у тебя в штанах?

— Ничего там нет, отпустите.

— Эге... в штаны чего-то спрятал, а ну-ка, ну-ка, подойди...

Я бы от него вырвался и убежал, если бы не карбин.

Он похлопал меня по ноге своей палкой и удивился.

— Чего это там у тебя звучит? Отвечай, что это у тебя в ноге звучит?

— Ничего, — говорю, — не звучит.

— А что в руках у тебя? Покажи.

Ну и влип. Как быть? Обидно. Возле самого дома попался...

— Зайдемте, — говорю, — в парадное, здесь неудобно. Чтоб другие не видели. А то скандал будет.

Вошли с ним в подъезд. Я ему и сознался.

— Автомат у меня, — говорю, — в газете. Немецкий пистолет-пулемет.

Он как разозлится:

— Ты мне брось шутить! Я тебе дед, а ты мне внук, да я таких внуков иметь не хочу, пошел вон! Нет, погоди, показывай!

Я развернул газеты, отошел, газеты бросил, направил на него автомат и как заорю:

— Руки вверх!

— Тыфу ты! — говорит Ливерпуль, и поднял руки. — А ну, покажь!

Неужели, думаю, отнимет? Попрошу, может, не отнимет, внутри ведь автомат пустой, одна болванка.

А он повертел его в руках, понюхал, вернул мне.

— Тыфу, гадость. Фашистом пахнет. Где ты его достал?

— На свалке.

— Ну и катись, — говорит, — со своим дрянным фашистским ржавым автоматом на все четыре стороны.

Я поднял с полу газеты. Аккуратно свернул их. И стал подниматься по лестнице, подтягивая ногу с карабином. А он смотрел мне вслед.

— Ну и шутник, — сказал он.

— Не шутник я... Вот научусь стрелять, устроим мы вместе с Вовкой неприступную оборону, тогда увидите.

ПАТРОНЫ

Каждый раз Вовка заходит за мной перед школой. Но сначала интересуется патронами. Поди их достань, отечественные патроны! В классе с Вовкой нас рассадили, и теперь я сижу с Толиком. Но как только звонок, мы сейчас же друг к другу и о патронах начинаем. «Вашей дружбе, — сказал учитель, — можно позавидовать, но о вашей дисциплине можно пожалеть». Пожалел бы нас Пал Палыч, достал бы нам патроны...

Опоздали с Вовкой в класс, стоим за дверью и проблему патронов обсуждаем. Фронт близко, а мы без патронов. Лучше в класс не пойдем в таком случае, мало ли может быть в военное время уважительных причин. Домой Вовке нельзя, бабушка изведет, а ко мне можно. Карабины проверим, на каски полюбуемся. Недавно мы эти каски со свалки привезли.

... Во дворе на ступеньках бомбоубежища дядя Павел играл с управдомом в шашки. Дядя Павел вернулся с войны, ходил с палкой, в военной форме без петлиц, и носил желтую нашивку тяжелого ранения. Никто с нашей улицы не возвратился еще с войны и не носил такой нашивки.

До войны он возил хлеб с пекарни. Мы бежали гурьбой за его фургоном и цеплялись сзади. Фургон останавливался у магазина, и мальчишки разбегались в разные стороны. От горячего хлеба шел пар, и он вкусно пахнул.

Сейчас Павел был инвалид. До сих пор мне не приходило в голову спросить у него патроны. Неужели он с фронта не привез ни одного патрончика? Но как спросить? Управдома куда-то позвали, и я заменил его у шашечной доски. Дядя Павел расставил шашки.

— Сознаться, — сказал он вдруг, подняв голову и разглядывая нас, — вы ко мне цеплялись на фургон?

— Цеплялись, — сознались мы, — да когда это было!

Он даже обрадовался, что мы к нему до войны на фургон цеплялись.

— Не гнал я вас, ребята, верно?

— Когда гнали, а когда и нет.

— Очень редко гнал.

Задумался он, как будто это сейчас значение имело.

— Вообще-то редко, — говорим.

Он оживился:

— Катались на моей лошадке будь здоров!

— А нас за фургоном и не видно было, — говорю, — вы и гнать-то не могли.

— Так что же вы думаете, я вас не чувствовал? Я вас прекрасно чувствовал. Эх, если бы сейчас я на фургоне ездил, не гнал бы вас совсем, ребята... Катались бы, сколько вашей душе угодно.

— Да мы на вас не обижаемся, — сказал Вовка.

— Да мы и забыли, — сказал я.

— Но я-то не забыл.

Он долго хвалил свою лошадь, расписывал ее достоинства, извинялся перед нами, что не давал нам кататься, не мог отделаться от воспоминаний.

Я думал о патронах.

— Играть-то будешь? — спросил Павел.

— Не, — сказал я.

— Чего ж садился?

— Патроны хотел у вас спросить.

— С ума вы все посходили, — сказал он, — какой раз спрашивают у меня патроны!

— Мы первый раз у вас спрашиваем.

— Просили ребята вроде вас.

— Нет, нет, мы не просили.

Он вздохнул.

— Полюбуйтесь, что сделали со мной патроны. Малейшей тряски не могу переносить по булыжной мостовой, прощай, моя лошадка...

— Так это же немецкие, — сказал я. — Фашистские патроны нам не нужны, правда, Вовка?

— Нам нужны отечественные, — сказал Вовка.

Павел качал головой, собирая шашки.

Вовка тянул меня за рукав, и мы с Павлом попрощались.

— Зря у него спрашивали, — сказал Вовка.

— У всех надо спрашивать, — сказал я. — У всех подряд. Иначе наше оружие заржавеет. Патроны мы из-под земли выкопаем.

— Пуля дура! — сказал мне вслед Павел. — Погибнешь без войны от своих патронов.

— Не бойтесь, не погибну! — отвечал я, поднимаясь по лестнице.

Дома вытащили кабраины, каски в ряд расставили, пощелкали затворами. Эх, нам бы патроны!

Я вынул звездочку из бархатной коробки. Вовка не мог поверить, что я ее сам сделал.

— Приедет с войны мой папа, — сказал я мечтательно, — снимет свою гимнастерку и повесит на стул. А я незаметно приколю ему звездочку. Станет он надевать гимнастерку, увидит звездочку и глазам своим не поверит...

— А у моего отца два ордена Красного Знамени, — сказал Вовка, — мой папа летчик.

Я знал, что отец его летчик, но про ордена не слышал.

— Редкий у тебя папаша, — позавидовал я.

— Он получит еще, — сказал Вовка. — Он только начал самолеты сбивать. Ему сейчас новую машину дали. А та у него старая была, вся в дырках. Папаню в ней поранило, но все равно машину посадил. Мой папа Героя Советского Союза тоже получит. Раз у него новая машина. — Поразительно он верил в своего отца.

Как бы угадывая мои мысли, он сказал:

— А если его собьют случайно, он на парашюте спустится. Он может лететь, лететь, а парашют не раскрыть. Перед самой землей раскрыть. Знаешь, как этот прыжок называется? Затяжной называется.

— А мой папа капитан, — сказал я и спрятал звездочку.

— А мой папа старший лейтенант.

Старший лейтенант, а два ордена Красного Знамени. Но мой зато капитан...

Зазвонил телефон.

— Есть патрон! — прошептал в трубку Толик. — Новый патрон!

— Откуда?

— Потом объясню.

— Жми сюда! Сра-
зу! Мы ждем!

— Куда?

— Ты куда звонишь?

— А-а-а! Понял.

Не очень-то сообразительный: звонит сюда, а куда идти, не знает. Посадили его со мной за парту вместо Вовки, а он нам патрон достал, замечательно получается! Откуда он достал? Я же говорил, у каждого надо спрашивать.

Примчался Толик, красный, запыхался. Папаша у него раньше сторожем работал. На каком-то складе. Сейчас он на войне. Винтовку он сдал, конечно, а патрон в ящике остался. Открыл Толик ящик случайно, а там патрончик валяется.

— А что вы мне вза-

мен дадите? — спрашивает Толик.

— Каску, — говорю. — Немецкую каску с фашистским знаком. Вещь стоящая, наденешь на голову — настоящий фриц, поглядишь в зеркало — себя не узнаешь.

— На кой мне нужна ваша каска! — обиделся Толик. — Зачем мне ее на голову надевать?

— Вещь-то стоящая, согласись. Только в школьном музее и есть, а у тебя будет своя собственная. Может, тебе еще что в придачу дать? Могу повязку дежурного предложить. Ходи, где хочешь, во время тревоги, загоняй всех в бомбоубежище, на!

— Не надо мне ничего, — говорит Толик. И вынул из кармана патрон.

— Друг ты наш, Толик, бесценный друг, выручил ты нас, Толик!

— На испытания оставайся, — сказал Вовка, — официально оставайся, а хочешь, неофициально, как тебе удобней.

— Да мне все равно, — сказал Толик.

— Как почетный гость оставайся. Папаше твоему салют устроим. Молодец он, патроны оставил. Ржавело бы наше оружие до лучших времен, если б не твой папаша. Сначала испытание устроим, а потом фрицам праздничек устроим. Из их же оружия, представляешь, нашими патронами праздничек устроим!

Толик крутил головой во все стороны:

— Неужели вы серьезно здесь стрелять собрались? В квартире не стреляют...

— А у меня стреляют, — сказал я гордо.

— Пригласили тебя на испытание, помалкивай, — сказал Вовка, — человек свою квартиру не жалеет, а ты еще недоволен.

— Очень доволен, но моя мама стрельбу в квартире ни за что бы не разрешила.

— Опять ты нас учишь? А его мама разрешает.

— Во какая мама! — восхитился Толик. — А соседи переполох не устроят?

— Всего один выстрел, опомниться не успеют, не собираемся же мы палить до утра.

— А мне палнуть потом дадите?

— Дадим, — сказал я.

— Не опасно? — спросил Толик, разглядывая карабин.

— Да не бойся ты, гляди! — я отвел затвор и вложил патрон в патронник. — Видал? — щелкнул затвором. — Ну? Только нажать. И — огонь! Все нормально. Не дрейфь.

— Как же его в руках держать? — сказал Толик. — Приклада нет. Вдруг в руках разорвет? Дал я вам патрон — сами и стреляйте. Шутники нашлись.

— Он дело говорит, — сказал я, — откуда мы знаем, разорвет или не разорвет?

— По-моему, не разорвет, — сказал Вовка.

— А если разорвет?

— Ну, тогда... — сказал Вовка, — тогда разорвет.

— Мудрый у нас Вовка, — сказал я, — все рассудил.

— У меня есть идея, — сказал Толик. — Давайте укрепим карабин на стуле. К спусковому крючку веревочку привяжем. А дергать будем на расстоянии.

Верно ведь сообразил. Дернем за веревочку — не разорвет, значит, можно и без веревочки.

Друг-то наш соображает, а мы его ругаем.

— Сорвите с балкона бельевую веревку, — командовал я, — и привяжите карабин к стулу, чтобы не шатался. Тащите ящик с кошачьим песком, а теперь прижмите карабин ящиком. Укрепляйте карабин, не спешите, времени у нас хватает. Готовьтесь к бою. Утюг возь-

мите, придавите тумбочкой. Двигайте сундук, кладите сверху побольше. Эх, и расколотим мы эти проклятые каски в пух и прах!

Каски установили на чемоданах.

— А если пуля срикошетит? — завокнулся Толик.

— Дадим тебе самый конец веревки, — сказал Вовка, — стой на улице и дергай. Только следи, чтобы прохожие ногами не наступали. А то не дернет.

— Неужели вы всерьез думаете, что каски пробить можно? Зачем же каски надевают в таком случае?

— Дураки, поэтому и надевают, — сказал Вовка, — видел каски в школьном музее? Все с дырками.

— В музее осколками пробиты, — сказал Толик, — неужели не заметил? Спорим, каска выдержит!

— Ладно, хватит, — сказал я, — посмотрим, выдержит или не выдержит.

— Я все-таки за дверь выйду, — сказал Толик, — на всякий случай из коридора буду дергать.

— Залезь в шкаф и оттуда дергай, — сказал Вовка.

— Ничего себе команда собралась, — сказал я, — три мушкетера, один в шкаф, а другой куда? Вместе будем дергать. Тоже мне артиллеристы, противно смотреть на такую команду!

— Во-первых, я никуда не собираюсь... — обиделся Вовка.

— Вот и хорошо, что не собираешься! Огонь по Берлину! — И я дернул. Но выстрел не вышел. Задержали ребята — ничего.

Я заорал:

— Одна у нас дорога, на Берлин! Идут в атаку танки! Подпустить их! Пусть еще подойдут! Идут танки! Вы поняли? Танки идут!!

— Да поняли мы, — сказал Толик, — ну, танки, ну и что?

— ... Колонны машин приближаются! Так... так... придвигаются... давайте, давайте... ближе, гады... еще... так, еще...

— Скоро они, наконец, придвинутся? — спросил Вовка. — Я целюсь в самолет. Он пикирует на отца!

— Пока не стрелять! — орал я. — Спокойненько...

— Чего спокойненько? — не выдержал Вовка.

— Спокойненько, фашисты придвигаются, ползут! — каски я принимал за танки, входя в раж все больше и больше, — подпускайте их ближе!

— Давно уже подпустили, — сказал Толик.

— Не бойтесь! Пусть идут! Пусть, пусть они идут! — я прыгал и орал.

— Пусть они идут, а мы в таком случае пойдем домой, — сказал Толик.

— Стоять на месте! — надрывался я. — Ни в коем случае не отступать!

— Никто и не думает отступать, — сказал Вовка, — хватит тебе кривляться.

— Огонь! — крикнул я, и мы дернули за свою веревочку, но выстрела опять не получилось.

— Танки горят! — завопил я. — Колонна остановилась!

— Чего это они у тебя горят, если выстрела не было? — спросил Толик.

— Горит колонна! — Колонна сейчас горела, фашистская колонна пылала, вот что было важно!

Толик все твердил, что каски это не танки. Вовка уверял, что сбил самолет. Каждый размахивал руками, шуму больше, чем на войне.

— За сбитый стервятник, — сказал я, — за спасение своего отца... — и повесил на грудь Вовке геройскую звездочку.

Он походил по комнате со звездой Героя, такой молодой и прославленный, звездочка покачивалась и поблескивала, а он вышагивал довольный, гордый, будто и в самом деле Герой.

— Теперь мне, — сказал я.

Награждались по очереди, ведь звездочка была одна. И Вовка нехотя снял свою награду за подбитый самолет и повесил мне за разгром танковой колонны.

— А мне? — спросил Толик.

— А тебе за что? — сказал Вовка.

— Дергал с вами вместе, значит, и мне полагается.

— Куда же ты стрелял?

— По каскам.

— Он стрелял по каскам, — засмеялся Вовка, — и за это ему полагается звездочка? Да кто же получает такую награду за стрельбу по каскам, ты в своем уме?

— А вы куда стреляли? — разволновался Толик. — Не по каскам?

— В самолет я стрелял, в «мессершмитт»! Сбил его. А он танки подбил. Петя подбил танковую колонну, пока ты каски колошматил.

— Несправедливо поступаете! — взвыл То-

лик. — Вместе мы дергали, не выдумывайте, чего не было!

— Ну, сколько ты фрицев уничтожил? — подсказывал я. — Ты бил по пехоте? Ведь верно, ты бил по пехоте?

— По каскам, а не по пехоте, — тарачил глаза Толик.

— Ну, и ничего тебе не полагается, — сказал Вовка, — неужели ты не можешь сказать, что бил по пехоте? Как же мы тебя награждать можем, если ты такое заявляешь. Да за это тебя надо с войны выгнать, раз ты по каскам шпаришь, а не по фрицам.

Но Толик тарачил глаза и не понимал. Не мог он понять, бедный Толик, что не имеем мы морального права награждать его таким званием за стрельбу по каскам.

— Сговорились и выдумали каких-то фрицев, — обиделся он.

— И ты выдумай, — обрадовался я, решив, что теперь-то он понял, в чем дело.

— Выдумывайте сами, — сказал он обиженно.

— Пальнем-ка еще, — предложил я.

— Я не хочу, — сказал Толик.

— Вот за это мы тебя не любим, — сказал Вовка, — вечно увиливаешь, какой ты герой.

— А если буду — наградите?

— Торгуется как на базаре, — сказал Вовка, — да ну его! Герои не ради наград совершают свои подвиги, пора бы знать.

— Я вам патрон дал, а вы...

— Где это слыхано, чтобы за патрон званием Героя награждали?

Он вдруг надулся, стал красный:

— И не надо! Все у вас не настоящее, и звездочка у вас не настоящая, а у меня патрон настоящий!

— Ты звездочку не тронь, — сказал я. — Не наша это звездочка. Ничья. Не Вовкина и не моя.

— Чья же это звездочка?

— Не твоего ума дело, — сказал я и спрятал звездочку в коробку.

— Вот народ, ну и народ! — замахал Толик руками. — С таким народом лучше не связываться.

— Мы — народ отчаянный, — сказал я, — с нами лучше не связываться.

— Ну и до свиданья, — обиделся Толик, собираясь уходить.

— А патрон-то! — крикнул я, и Толик остался.

Я вынул патрон из карабина, но Вовка у меня его выхватил.

— Тяжеленький... — сказал он, подбрасывая патрон на ладони.

— А вдруг он холостой, — сказал я, — мало ли что тяжеленький. Может, он учебный или еще какой.

Попробовали вытащить пулю, но нам не удавалось.

— Минуточку, — сказал я, — давайте-ка его сюда. Мы его сейчас проверим.

— Ты куда? — крикнул Вовка.

Но я уже был в кухне. Положил патрон на железную подставку. Зажег газ.

Ничего с этим патроном не случилось. Лёжал себе и грелся, и я перевернул его, чтоб он погрелся с другой стороны, а острие пули направил на чайник. Пусть в чайник, не в меня.

Сел на стул возле плиты.

— Что ты там делаешь? — закричал Вовка.

Я смотрел на патрон. Ничего я не делаю, сами-то они чего там делают. Подсунул нам Толик холостой патрон, без всякого сомнения. Не может боевой патрон так спокойно на подставке жариться.

Звал меня Вовка. Они там чему-то смеялись, а я смотрел на патрон.

Как вдруг дверь стала медленно открываться и вошел Павел.

В это время раздался грохот, а потом звон в ушах, будто зазвенели вдалеке колокольчики. Настоящий взрыв!

Влетели Вовка с Толиком.

— Бабахнуло... — сказал я.

Они бросились осматривать стены. На железной подставке порядочная вмятина. Стены в дырках — гильза в куски разорвана. Кругом осколки гильзы.

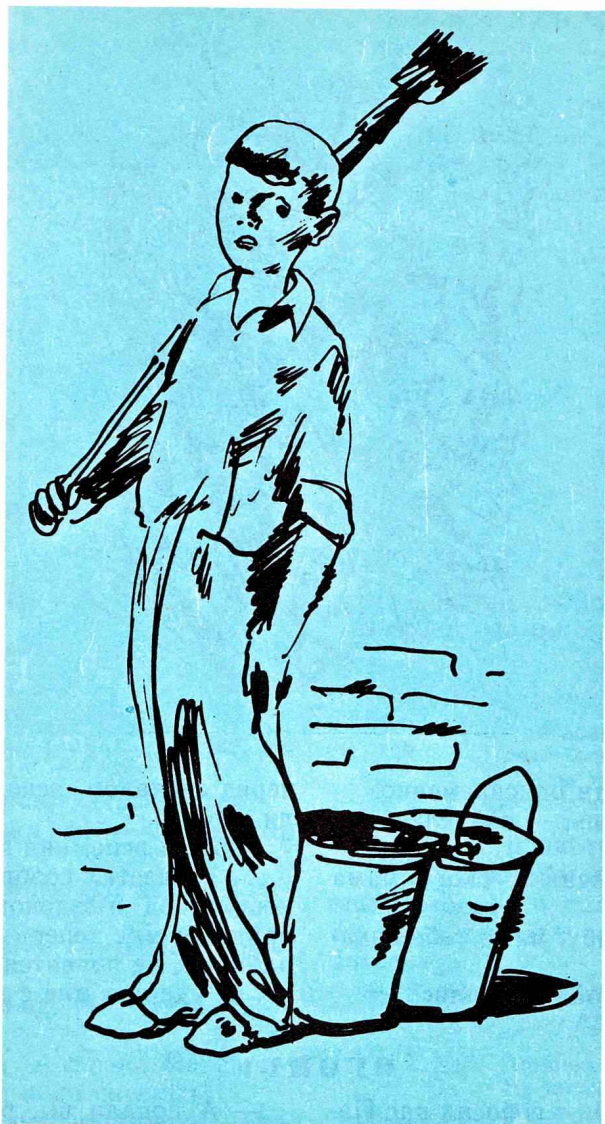
— А где пуля? Куда делась пуля? — орал Вовка, ползая по полу.

— Не знаю, — сказал я. Колокольчики все еще звенели у меня в ушах.

— Не в тебе ли она сидит? — сказал Павел, и ребята бросились меня щупать, осматривать.

Я так перепугался, что слова сказать не мог.

— Но где же она, где?

— Посмотрите в чайнике, — сказал я, — нет ли ее в чайнике?

— В чайнике нет.

— И дырки нету в чайнике?

Толик с Вовкой повертели его, осмотрели, пощупали, дырки нет, пули тоже нет.

— Может быть, она во мне? — сказал Павел.

Мы с ужасом смотрели на него. Вдруг он упадет и умрет...

Кинулись к нему, но Павел отстранил нас.

— Патроны еще есть? Чувствовал, неладное затеяли, да так оно и вышло... — и стал осматривать квартиру.

Патронов у нас больше не было, и мы ему об этом сказали.

Павел вытащил затвор карабина и положил в карман, и все молча. Надел нам на головы каски. Каска съехала мне на глаза, но я не шелохнулся, и ребята застыли, стояла мертвая тишина. Он постучал по каскам на наших головах, головы наши глухо зазвенели, и своей хромающей походкой пошел от нас прочь с нашим затвором, не хотел больше с нами говорить.

Я поплелся за ним, а он даже не обернулся.

— Все равно, если сунутся немцы, встретим их шквальным огнем! — заорал я в отчаянии, поняв, что нам уже не вернуть затвор. — В крайнем случае, подложим под дом мину и взорвемся вместе с врагами!

В страхе попятились от двери старушки Добрушкины, как будто вот-вот должен произойти взрыв. Им-то что здесь надо?

Дверь так и осталась открытой, скрипела на ветру, никто из нас не закрыл ее.

— Что он мелет?! — закричали старушки. — Он хочет нас взорвать! Держите его и не отпускайте ни в коем случае!

— Пока обошлось, — успокоил их Павел.

— Но когда нас взорвут — будет поздно! — сказали старушки.

— Здорово ты был бледный, когда мы вбежали, — сказал Вовка, как только старушки ушли вместе с Павлом.

— Внезапно бахнул, — сказал я. — От внезапности.

— Но где же пуля?

— Нет, нет, во мне ее нет...

— Интересно, — сказал Вовка.

Мы пересмотрели в кухне все углы, исследовали и передвинули в кухне все, что было возможно, порылись в мусорном ведре, но пули нигде не было.

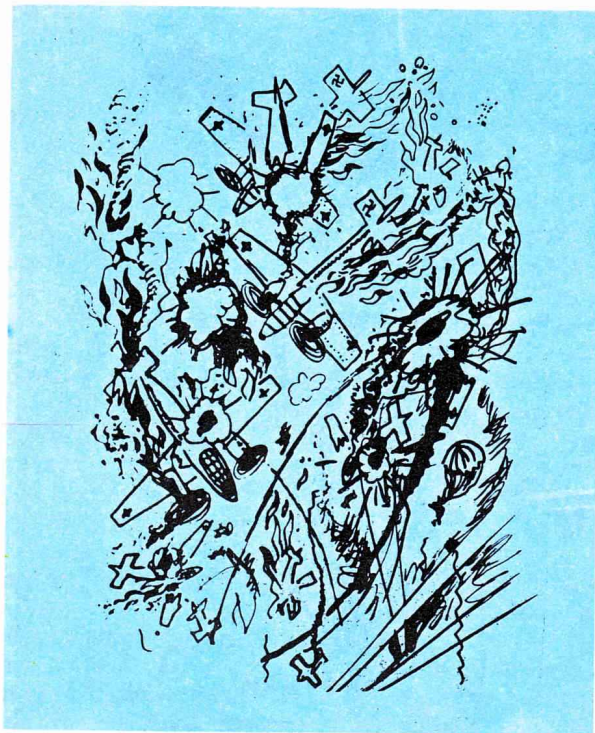
— Давайте-ка все отсюда, — сказал я ребятам. Они чуть в касках не ушли, до того разволновались. И я каску не снял. Мы вместе вдруг о касках вспомнили и сняли их почти одновременно.

— Сам звал и сам гонишь, — обиделись ребята.

— Звал, звал... ну и звал... скоро мама придет...

— Испортил всю квартиру, мама тебе покажет! — сказал Толик.

Я толкал их к двери, а они упирались.

Грозил нам костлявыми длинными пальцами старушки Добрушкины, заслонив проход на лестнице. Выскочили братья Измайловы из своей квартиры.

— Уйдем-ка отсюда поскорей, — сказал Толик, — человека, раненного на войне, чуть не убили, это же страшно подумать!

— Твоим настоящим патроном, — подначил его Вовка.

— Да если бы я знал, — сказал Толик, — никогда бы... в жизни никогда бы таким дуракам патрон не принес.

Они с силой захлопнули дверь. Оставшись один, я ощупал себя всего и долго вертелся

перед зеркалом, вспоминая слова Павла «пуля дура».

Вдруг я вспомнил про газеты...

... В газетах сообщалось, что немцев остановили под Моздоком, а это значит, что не придется мне теперь ложиться у порога с карабином, не появятся фашисты в нашем городе, не удастся мне с врагом сразиться...

ОГОНЬ!

— Уроки приготовлены? — спросил нас Павел. — Если уроки приготовлены, прошу за мной!

Не собирается ли он нам вернуть затвор?

... Сначала мы ехали на трамвае и не знали, куда едем. Потом шли немного пешком. Ему трудно было шагать, и мы его взяли под руки и без конца расспрашивали, а он молчал. С одной ногой вышагивать по кочкам — нешуточное дело, мы готовы были его на руках нести, если бы он только согласился. Раз он нас ведет, значит, нужно идти за ним, без всяких рассуждений. Таким загадочным мы его еще никогда не видели.

— Ну вот и пришли, — сказал он, хотя мы и сейчас не понимали, где находимся. Кругом поле. Какая-то вышка. Сарайчик.

Выходит из сарайчика одноглазый дядька, и они с Павлом обнимаются, как старые друзья.

— Ребята еще не знают, куда попали, — говорит ему Павел.

— А попали вы, ребята, на самое настоящее стрельбище, — говорит дядька, — хотите пострелять?

— А где винтовки? — спросил Вовка с недоверием.

— Займись сам с ними, Павел, — сказал одноглазый.

Павел вынес из сарайчика малокалиберки, и мы сразу потянулись к винтовкам, но он нас отстранил.

— Начнем с материальной части, — сказал Павел.

— А что это такое? — спросил Вовка.

— Начиная с материальной части, — сказал Павел, — мы узнаем, как устроена винтовка, как из нее целиться и стрелять.

Мы давно хотели стрелять, но ученье еще только начиналось.

— Это ствол, — объяснял Павел, — а вовсе не дуло, как некоторые думают.

И я думал — дуло.

— ...а это ложа.

Я думал — приклад.

— Войдем теперь в сарайчик, — сказал Павел.

Неужели стрелять в сарайчике?

— Протрем теперь затворы, — сказал Павел, — чтобы не было осечки.

«Далеко до стрельбы», — думал я.

— А теперь на линию огня, — сказал Павел.

Мы поплелись на линию огня.

— Лежа с упором, для начала, — сказал Павел. — Ложись, ребята, нечего стесняться, — и он показал, что значит «лежа с упором».

— Заряжай, — Павел показал, как заряжать.

Мы зарядили.

— Не дышать, — сказал Павел и засмеялся.

Мы и так не дышали.

— Не моргай, — сказал мне Павел, — какой ты глаз закрыл?

— А какой надо закрыть?

— Левый, — сказал Павел.

— А он у меня не закрывается.

— Вот те на! — сказал Павел. — Как же так?

— У меня оба глаза сразу закрываются.

— Так нельзя, — сказал он, — что же это такое?!

— Я только пальцем могу его закрыть, — сказал я.

— Палец должен быть на спусковом крючке, — сказал Павел.

— Попробую без пальца, — сказал я, — немножечко выходит...

— Старайся, старайся, — сказал Павел. — Выйдет. В таком деле не надо спешить.

— В каком деле? — спросил Вовка.

— Огонь! — сказал Павел.

Рядом палили из боевых винтовок, и я косился в их сторону. Левый глаз никак не закрывался, хотелось нажать на него пальцем, и я, не целясь, выстрелил.

Зарядили по второму разу, и опять непослушный глаз не закрывался.

— Огонь!

И опять я беспорядочно пальнул.

— Это вам не за веревочки дергать, — сказал Павел. — Встать!

Спустили с вышки флаг, и все пошли к мишеням. Да стоило ли ходить, и так все было ясно. Какая-то надежда все-таки имелась, и мы бесполезно долго наши мишени рассматривали.

— Все мимо, — сказал Павел, — в молоко.

— Куда? — не понял я.

— Намарал, — сказал Павел.

— И я намарал, — сказал Вовка, глупо улыбаясь.

— Оба намарали, — улыбнулся я так же глупо.

С такими результатами стыдно было домой возвращаться. Но сколько бы сейчас мы ни стреляли, ничего ведь не изменится. Для начала бы глаз закрывать научиться...

— А сейчас, ребята, — сказал Павел, — следует наше оружие смазать.

Когда война-метелица
Придет опять, —
Должны уметь мы целиться,
Уметь стрелять... —

прочел я на плакате в сарайчике.

— До стрельбы нам пока рановато, — сказал Павел, — в дальнейшем займемся теорией, сами сделаем станок, я готов с вами возиться.

— А сюда придем? — спросил я.

— Непременно придем.

Возьмем винтовки новые,
На штык флажки!
И с песнею в стрелковые
Пойдем кружки... —

вспомнил я начальные строчки.

Обратно шли молча. И ехали молча.

Так долго добирались, и промахнулись. Старались, целились, стреляли, и всё мимо...

ПОРУЧЕНИЕ

— Ты мне страшно нужен, — сказал мне управдом во дворе.

Никогда ему не был нужен, и вдруг нужен.

— Я тебя знаю, и ты меня знаешь, — сказал он, — достаточно ли мы друг друга за войну узнали?

— Достаточно, — сказал я.

— Безобразия твои не в счет, не стоит вспоминать.

— Какие безобразия?

— Не стоит вспоминать.

— Не стоит, так не стоит, тогда и говорить об этом не стоит.

— У меня к тебе поручение, — сказал он.

— Какое?

— Покрасить чердак.

Я думал, он шутит. Кому сейчас надо чердак красить, красоту там наводить.

— Очень нужно, — сказал он, — особая противопожарная краска с известью имеется, два ведра достал.

— Внутри красить или снаружи?

— Конечно, внутри, а не крышу. Смотри крышу мне не покрась.

— Да я и не собираюсь красить, — возразил я.

— Два ведра краски достал, — сказал он.

— Ну и что?

— А красить некому.

— А кисть есть?

— Все есть. Рабочих рук нет. Сам бы красил, да времени нет. То сюда, то туда — целый день.

— Не беспокойтесь, крышу не покрашу, — согласился я.

— Чтобы извести в глаза не попала, смотри.

— Не беспокойтесь, не попадет.

— Нужно срочно, — сказал он.

— Сейчас и начну.

— А потом доложи.

Я покрасил, ему доложил. Он проверил, похвалил и говорит:

— Есть еще один чердак, в другом доме, как ты на это смотришь?

— Нормально, — говорю, — а краска есть?

— Два ведра достал, — говорит, — не согласишься ли покрасить?

Я согласился.

— Потом доложишь, — говорит.

Покрасил я второй чердак и докладываю.

— Ты меня извини, — говорит, — но есть еще чердак. Два ведра еще есть. Нет рабочих. Как смотришь?

— Мне интересно, почему вы меня все время посылаете, а не других ребят?

— Нас-то двое, — говорит.

— Кого нас?

— Ты да я.

— Ребят-то полно во дворе.

— Мелюзга, попробуй собери их.

— Собирать-то их нечего, раз они сами во дворе собираются.

— Тем лучше.

— Да ну их, — сказал я, — ведь это мое поручение.

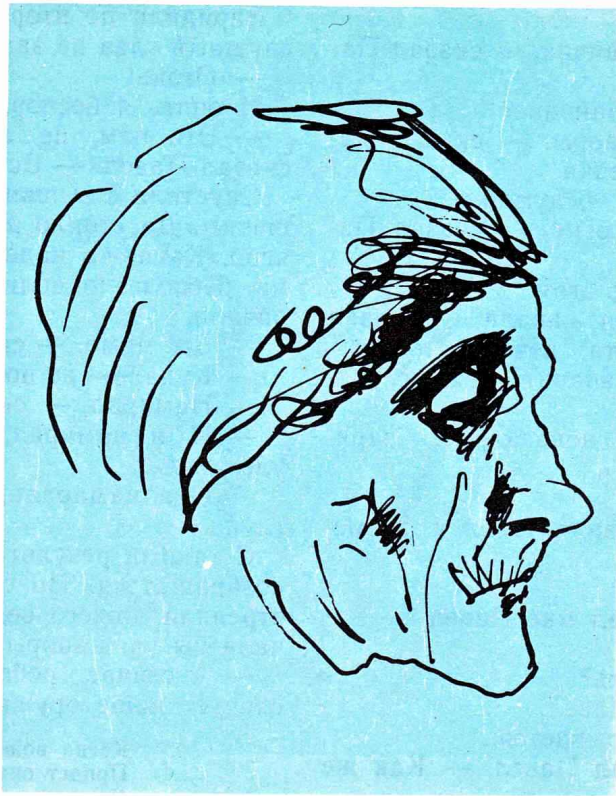
— Неужели так красить понравилось?

— Кому это может понравиться, сами посудите. Но, если я выполняю поручение, должен же я его до конца выполнить.

— Один чердак остался в моем хозяйстве, — сказал управдом, — на завтра отнесем.

— А вдруг ночью налет? Останется этот чердак непокрашенным...

Я вышагивал с кистью к своему последнему чердаку и наткнулся на братьев Измайловых.

— Даю вам поручение, — хотел я сплать им чердак, а самый старший, Рамис, сказал:

— Какое еще поручение?

— Вы даже не знаете, какое поручение, — сказал я.

— А мы и знать не хотим, — сказал Рамис.

— Ну и оставайтесь.

— А ты куда? — спросили Измайловы.

— А я поручение выполняю.

— И я хочу поручение, — сказал младший, Рафис.

— Не дорос еще! — сказал я, обозленный, и малыш заплакал.

Надоели мне эти чердаки, по правде сказать, но нельзя же бросать поручение. Нешутное дело — покра-

сить столько чердаков. Но выполнил я честно свое дело, замазал все как есть, до последнего местечка.

На чердак проникал слабый свет, освещая старинное кресло. Кто-то хотел от него избавиться и затащил сюда. Когда-то новое, красивое, богатое, сейчас оно стояло здесь в углу, покосившееся и трухлявое. Шерсть или морская трава вылезала из дыр вместе с пружинами, и я в него, усталый, плюхнулся. Взвилась пыль столбом, и я чихнул.

... Налетали вражеские самолеты, пикировали с воем, бомбы сыпались горохом, но сейчас же отскакивали от чердаков, и попадали обратно в самолеты. Горели, падали бомбардировщики, и страшно было на это смотреть.

— ...Он спит в кресле графини Потоцкой, — услышал я.

Мама с управдомом трясли меня за плечо, и я проснулся.

— Долго я тебя искала, — сказала мама.

— Осталось последнее поручение, — сказал управдом, — вынести кресло Потоцкой. Говорят, с семнадцатого года здесь стоит.

— Как интересно, — сказала мама, — что за Потоцкая?

— А чего тут интересного, — сказал управдом, — может, ее и не было. Вот сейчас мы его возьмем, вы поможете, и вынесем этот хлам.

И мы втроем взяли кресло и вынесли с чердака.

СТАРИКИ

Один за другим, целым классом, протиснулись мы в комнату и встали рядышком вдоль стен.

— Принес вам обещанные газеты, — сказал я наконец, собравшись с духом.

— Не забыл, — сказал старик, похлопывая меня по плечу, — так это ты привел ребят? Похвально.

— Вся школа знает вашу фамилию, — прочла староста класса по бумажке, — и еще рады сообщить, что у нас появилась дружина имени ваших сыновей... а сейчас мы пришли у вас делать генеральную уборку...

— Спасибо вам, — сказал старик, — никак не ожидал...

— Всегда готовы, — сказали мы вразброд.

— Вы только не подумайте, — сказал Вовка, — что нас директор послал или завуч... мы сами, от души.

— Ну, что вы, — сказал старик, — как можно.

Старуха рассматривала фотографию в газете.

— А кто вам сказал, что нам необходима генеральная уборка? — спросил старик.

— Никто нам ничего не говорил, — сказал я, — мы сами догадались.

— Наш долг вам помочь, — сказал Толик.

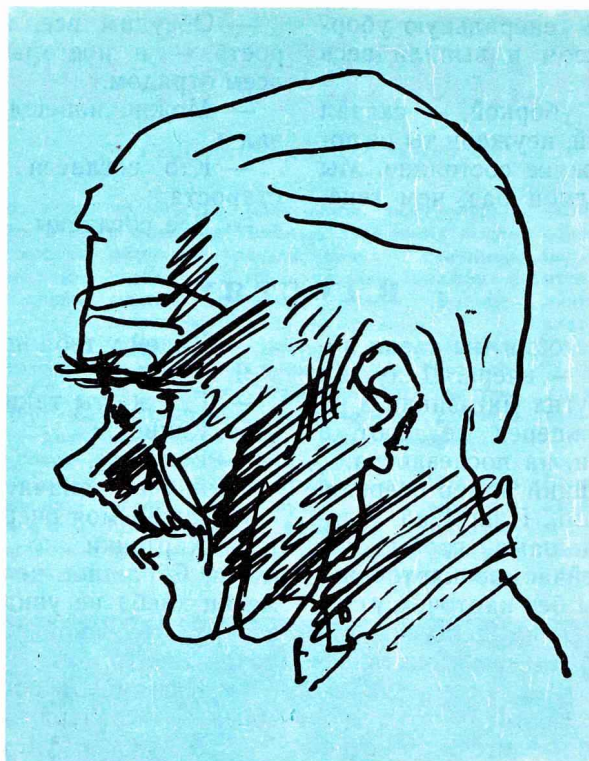
— Ни в коем случае не можем мы уйти ни с чем, — разволновалась староста, — разрешите нам, пожалуйста, сделать у вас генеральную уборку.

— Они настоящие люди, — сказал старик, обращаясь к хозяйке, — упорные, достойные ребята.

— Может быть, вам нужно что-нибудь другое? — спросил я.

— Ничего не нужно, — сказал старик, — садитесь все за стол, такая встреча! Я вижу ваши лица, что может быть прекрасней, — он каждого брал под руку, подводил к столу и усаживал. — Столько молодежи навестило стариков, ах какие вы молодцы, что может быть лучше!

— Нет, нет, мы не согласны, — увернулась

староста, — мы пришли работать, а не развлекаться, дедушка.

— Потом, потом, — упрасивал ее хозяин.

— Но мы хотели бы начать, — твердила староста.

— Чего начать?

— Уборку.

— Не надо, не надо, — успокаивал ее старик.

Она ужасно покраснела, никак не могла сесть за стол, до того настроилась на работу.

— Неужели вам ничего не надо? — допытывался Толик. — Не может ведь такого быть, прямо не верится.

— Может быть, надо сходить в магазин? — спросил я.

— Как же я буду жить, если в магазин за меня станут ходить другие? — сказал старик.

— Ах, вот что мы забыли! — закричала староста. — Про керосин забыли!

— Какие вы милые дети! Не стоит о нас беспокоиться, — сказала хозяйка, разливая чай, — мы очень вам признательны за все.

Хотелось старикам помочь, просто досада.

— Нам сейчас трудно помочь, — вздохнул старик.

— Нам ничего не трудно, — бойко заявила староста.

— Пейте, пейте, дети, — повторяла хозяйка.

Посредине стола лежала моя газета, развернутая так, чтобы была видна фотография сыновей. И мать смотрела на эту фотографию не отрываясь. Я заметил, как трясутся ее морщинистые щеки, подбородок, и трясутся ее руки, с трудом удерживая чашку, а сама она сдерживается, чтобы не заплакать. Закрыла лицо руками, старик увел ее в другую комнату. Мы встали из-за стола.

— После этой заметки, — сказал, прощаясь, старик, — от них не было вестей, а времени прошло порядочно.

— Мой папа тоже не писал, его сбивали, — сказал Вовка, — а потом как стал писать, только читать успевай.

Старик с нами вышел за порог, попрощался со всеми за руку.

— А ведь что же получается, ребята, — сказала на улице староста, — неизбежно им

придется после нас делать генеральную уборку. Наследили всем классом и выпили весь чай.

— Отстань ты со своей уборкой, — сказал Вовка, — при чем здесь чай, неужели ты не понимаешь, что у них тревожное состояние. Мы им больше нужны в миллион раз, чем генеральная уборка.

— Обсудим все, наметим, — сказала староста, — и постараемся их чаще навещать всем отрядом.

— Можно навещать и в одиночку, — сказал я.

— Кто согласен в одиночку? — спросила староста.

— Все согласны, — сказали ребята.

В ГОСТЯХ

Хлеб по карточкам на сегодня мы съели позавчера, а хлеб на завтра — вчера. Дадут ли мне на послезавтра? В других магазинах и на завтра не дают. Нигде вперед не дают, а здесь, в ларьке у пристани, на послезавтра.

На левой ладони вчерашний номер очереди, а на правой — сегодняшний. Пишут на ладони чернильными карандашами, чтобы очередь не потерять. Все сейчас по карточкам. Только на рынке продукты без карточек, у спекулянтов, да где у нас такие деньги... На хлеб можно вещи менять, да нам менять нечего. Давно все поменяли.

— На послезавтра дают?

— Если бы не давали, не стояли, — отвечают из очереди.

— Везде стоят, — говорю.

— Какой у тебя номер?

Я показал.

— Где же ты такие номера видел?

— Какие?

— Большие.

— А-а-а... значит, дают.

Подошла моя очередь, и хлеб кончился.

— Карточки не потерял? — беспокоится мама. Страшное дело карточки потерять. На месяц хлеба не увидим, не то что на послезавтра. Не такой уж я растяпа, чтобы карточки терять.

— Как-нибудь продержимся, — говорит мама, — а завтра нам дадут хлеб на завтра.

— А что мы будем есть сегодня?

— Поедем в гости к тете Соне, — сказала мама.

Окончание следует

ПАМЯТЬ

Игорь Фролов

Пойдем, я тебя поведу
по улицам узким и странным.
Там прошлое все на виду,
там стены в осколочных ранах.

Там черные дров штабеля,
и чьи-то пальто на просушке.
Лепечут листвою тополя,
сидят на скамейках старушки.

Пусть рядом ребячий галдеж —
нельзя помешать их беседе.
Ты с первого взгляда поймешь,
что это не просто соседи.

В болезни — проведать придут,
и души открыты, и двери.
Лекарство, еду принесут —
их так породнили потери.

И тысячи их сыновей,
оставшихся под Ленинградом,
все знают о жизни моей,
спасенном мальчишке блокадном.

В БЕЛУЮ НОЧЬ

Дремлет город устало,
кажется — нем и глух...
По темной воде каналов
плывет тополиный пух.

Не выдаст ни плеск, ни шорох —
все тишиной живет.
Снимается с якоря город
и тихо за солнцем плывет.

Под небом светлым, беззвездным
не видно вдали берегов.
Льется неведомый воздух
в раскрытые окна домов.

И маленькие капитаны
тем воздухом напоены,
им снятся дальние страны —
цветные и легкие сны.

ПОХОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Г. Десницкий, генерал-майор

Мне пришлось участвовать во всех слетах, которыми заканчивались этапы Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа.

Вспоминается Ульяновск...

На конкурс 5-го слета в Ульяновске учащиеся средней школы № 12 города Каунаса привезли отчет о том, как они изучали жизнь и деятельность В. И. Ленина. Ребята совершили поездки во все города, связанные с жизнью В. И. Ленина. Они изучили историю своей республики, собрали материал о тяжелой доле детей рабочих в буржуазной Литве.

Количество участников, поступивших в военные учебные заведения после окончания школы, связь с бывшими учащимися, проходящими службу в рядах Советской Армии, Военно-Морском Флоте, на границе.

Ценность похода увеличивается, если его участники находят неизвестных героев, устанавливают памятники, обелиски, мемориальные доски в местах, связанных со знаменательными событиями.

В прошлом году жюри получило отчеты 131 музея промышленных предприятий, колхозов, совхозов, высших учебных заведений, техникумов и общеобразовательных школ.

Этой школе тоже создан музей. В его совете семьдесят учащихся. Музей школы посещают все, кто приезжает в Ульяновск, а экскурсоводами являются школьники. Совет поддерживает постоянную связь со школами ГДР, Болгарии, Венгрии, Румынии.

Школа № 16 Минска и школа № 1 Ульяновска удостоены первой премии слета в Ульяновске.

Интересен музей Вагановской средней школы Всеволожского района Ленинградской области. Музей удостоен третьей премии. Здесь своя тема — подвиг моряков Ладужской флотилии.

Любая школа может создать у се-

Участники слета в Ульяновске

Их пионерская дружина носит имя Пранаса Зибертаса, революционера, о деятельности которого ребята узнали тоже очень многое. Память Пранаса Зибертаса свято чтут в школе.

Этой дружине на конкурсе в Ульяновске присуждена первая премия.

Для нового этапа Всесоюзного похода обязательна работа по созданию летописи своей школы. Составляя летопись, ребята обычно записывают рассказы бывших воспитанников своей школы. Чем больше ребят участвует в поиске, тем выше оценка жюри конкурса...

Пионеры и школьники всей страны любят Всесоюзную военно-спортивную игру «Зарница», а «Положение об игре» предусматривает участие юнармейцев во Всесоюзном походе, поэтому в отчетах надо написать о результатах игры в дружине.

Очень важно для решения жюри

Всего присуждено девять премий, из них семь получили школы.

Музей Маркса—Энгельса—Ленина школы № 16 города Минска существует более пяти лет. В нем восемнадцать отделов. Самые интересные материалы рассказывают о пребывании В. И. Ленина в Белоруссии. Более тысячи различных документов о М. В. Фрунзе собрано в этом музее. Это — результат поездок следопытов в Москву, Шую, Владимир, Иваново. В школе ежегодно проводится «Фрунзенская неделя», беседы, посвященные полководцу гражданской войны.

Мне довелось побывать в этой школе. Здесь очень хорошо поставлен учет всех музейных ценностей. Для материалов, не выставленных в экспозициях, создано хранилище.

В Ульяновске есть старинная школа № 1. Она носит имя В. И. Ленина и награждена орденом Ленина. В

этой школе тоже создан музей. Мне приходится бывать в школах и видеть, что ребята начинают с малого — с уголка или комнаты, а потом материал постепенно накапливается, работа захватывает всех... Само название — музей накладывает большую ответственность. В музее должны быть видны результаты серьезного поиска. Мне пришлось видеть один очень богатый музей: там и найденные в походах каски, и ручное оружие, и планшеты, и письма. Но, к сожалению, неизвестно, где, когда и кем найден тот или иной предмет. Если запись не вели с самого начала, восстановить сведения по памяти невозможно...

Я уверен, что каждая школа может иметь свой музей, каждая дружина может участвовать в конкурсах слета Всесоюзного похода. Итоги очередного этапа, посвященного 50-летию образования СССР, будут подведены в августе 1972 года.

РАССКАЗ О ДОСТОЕВСКОМ

К 150-летию со дня рождения

Б. Бурсов

Я хочу рассказать вам, ребята, о Федоре Михайловиче Достоевском. Уверен, что вы знаете это имя. Ведь Достоевский один из величайших русских писателей. Как Пушкин, как Гоголь, как Толстой. В них наша гордость и слава. Не зная их, нельзя научиться по-настоящему, сознательно любить свою родину, невозможно сделаться культурным человеком.

11 ноября этого года исполняется 150 лет со дня рождения Достоевского. Все люди на земле будут праздновать этот юбилей.

Если этот мой рассказ попадет в руки школьникам 9-го класса, задача моя будет несколько проще, так как им знаком учебник по литературе, написанный под моим руководством. Там есть и глава о Достоевском. И мне кажется, я имею представление о наших школьниках. Я бывал на уроках. Встречался с учителями. Могу представить себе, какие бы мне задали вопросы ребята 7-го и 6-го классов, если бы я стал им рассказывать о Достоевском: «А что было самого замечательного в его биографии? А чем в особенности он обогатил русскую литературу? А почему он до сих пор так интересует нас?»

Возможно, у вас появились бы ко мне и другие вопросы. Что ж, попытаюсь хотя бы отчасти удовлетворить ваше любопытство. Я не забываю, конечно, о том, что вы только начинаете свое знакомство с великой русской литературой. Какое счастье для вас, что у вас все еще впереди. Читать замечательные книги, как например, «Евгений Онегин» Пушкина, «Мертвые души» Гоголя, «Войну и мир» Толстого, интересно в любом возрасте. Но ни с чем нельзя сравнить первое чтение этих книг.

Человек всю жизнь учится. Это вам следует запомнить с детства. Но что значит учиться? Учиться — значит узнавать новое. Знаниям же нет конца. Узнавать новое необходимо для того, чтобы лучше делать свое дело, чтобы самому день ото дня становиться лучше и чище. Так поступали все великие люди. И потому они являлись нам примером. Писатели рассказывают нам о том, как человек исполняет свой человеческий долг. Какие трудности встречаются на этом пути. Как преодолевать их. Для этого самим писателям требуется хорошо знать людей и жизнь своего времени. И не только это, а и то, как люди боролись за все лучшее во все времена во всех странах.

Понятно, что у большого писателя и большая собственная жизнь. У него много знаний, но много и личных переживаний. Это всегда натура активная, деятельная. Его биография всегда интересна и насыщена событиями. Это обязательно

но человек смелый, решительный, правдивый. Он наделен даром точно, картинно, интересно обо всем рассказывать. Всегда строг к людям, начиная с самого себя.

Всеми этими качествами был наделен и Федор Михайлович Достоевский. И хотя он умер почти 90 лет назад, мы ощущаем его нашим современником. Он всегда рядом с нами, помогает нам в наших лучших намерениях и поступках. Для этого стоит только знать его книги, читать и перечитывать их. Он писал свои книги как бы кровью своего сердца. Искал правду и справедливость в этом мире. Защищал униженных и оскорбленных. Был всегда на стороне тех, кто нуждался в помощи.

Многие страницы его книг посвящены детям. Особенно тем, у которых была неблагоприятная судьба, которые жили в неблагоприятной семейной обстановке, имели, на свое несчастье, плохих родителей. Детям обиженным. Ведь проще всего обидеть ребенка. Я могу с уверенностью сказать, что никто не понимал так проникновенно душу страдающего ребенка, как ее понимал Достоевский.

Федор Михайлович Достоевский родился в Москве в 1821 году. Отец его был врачом, по нашему — врачом, в больнице для бедных. Да и сам он был не богат. С трудом выбился в люди. Семья у него была многодетной. Отцу приходилось трудно, в нем развилась скупость, страх перед нуждой. Этим заразил и детей своих, которых держал в большой строгости. Дом Достоевских был замкнутый, нелюдимый. Хотя отец Федора Михайловича любил свою жену, но относился к ней сурово, без конца в чем-либо подозревал. Он вообще никому не верил, в каждом человеке готов был видеть своего недоброжелателя. С малых лет Федор Михайлович, наделенный даром проникновения в чужие души, накапливал в своей памяти впечатления о том, как трудно понять друг друга и самым близким людям, как трудно бывает до конца поверить друг другу и к каким тяжким последствиям это может привести.

Когда Достоевскому шел шестнадцатый год, отец повез его, вместе со старшим братом Михаилом, в Петербург, чтобы отдать их на обучение в Главное Инженерное училище. Удалось поступить одному Федору Михайловичу. Училище помещалось в Инженерном замке, который стоит и поныне в Ленинграде, повернутый главным фасадом к Летнему саду и одной из боковых сторон к реке Фонтанке. В этом здании Достоевский провел пять лет. Здесь он сформировался в писателя. По ночам, когда все воспитан-

Ф. М. Достоевский. Гравюра В. А. Фаворского

ники спали непробудным сном, этот нелюдимый и застенчивый юноша садился у окна, что выходит на Фонтанку, и обдумывал свои первые произведения. От окна дуло, он набрасывал на плечи тощее казенное одеяльце. В голове юноши зарождались глубокие и невеселые мысли и образы, складывались сюжеты.

Пушкин и Гоголь были отцами Достоевского как писателя. Под их огромным влиянием написан его первый роман «Бедные люди». Белинский, самый знаменитый критик того времени, благословил Достоевского на трудный литературный подвиг.

К Пушкину Достоевский относился с благоговением в течение всей своей жизни, полюбив его с младенческих лет. В 1837 году он носил траур по умершей матери, но говорил, что если бы мать осталась в живых, то носил бы траур по умершему в том же году Пушкину.

Сочувствуя и сострадая униженным и оскорбленным, Достоевский сблизился с передовыми борцами за дело освобождения народа. Он был в дружеских отношениях с Белинским, который так много сделал для развития революционной

мысли в России. Потом вошел в кружок Петрашевского, представлявший собою угрозу самодержавию. Был арестован вместе со всеми членами кружка. Они были приговорены к смертной казни. Их вывели на Семеновский плац в Петербурге (теперь на этой площади Театр юного зрителя), облачили в балахоны смертников. Достоевский уже ждал, как их по очереди начнут расстреливать стоявшие с заряженными ружьями солдаты, но тут появился гонец с приказом царя заменить смертную казнь сибирской каторгой, а потом — солдатчиной. Это произошло 22 декабря 1849 года. До этого дня Достоевского держали восемь месяцев в одиночной камере Петропавловской крепости.

Достоевский познал всю бесчеловечность тюрьмы, каторги и ссылки. Несмотря на свое слабое здоровье, перенес все это с величайшим мужеством. По возвращении написал одну из самых замечательных книг в русской литературе — «Записки из мертвого дома». Сам Лев Толстой преклонялся перед этой книгой — с такой силой здесь показана высота и достоинство человеческого духа.

Из Сибири Достоевский вернулся в конце 1859 года, умер — в январе 1881 года. За этот период, то есть за двадцать один год, он написал все свои главные произведения: «Униженные и оскорбленные», «Записки из мертвого дома», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы». Его читала вся Россия. Когда умер — и хоронили вся Россия. А между тем он бедствовал всю жизнь. Журналы и издательства относились к нему с подозрением и недоверием. Гонорары ему платили небольшие.

Надо сказать, что Достоевский чрезвычайно «трудный» писатель. Его героев не разделить на хороших и плохих. У него и хороший герой часто наделен большими недостатками, и у плохого нередко имеются достоинства. Своего героя, который отстаивает правду и справедливость, он рисует перед нами как человека, который сам делает множество ошибок. Достоевский показывает, насколько легко человек, движимый самыми благородными порывами, может соскользнуть на неверный путь. Сами фамилии его героев показательны: Раскольников или Шатов. У Раскольникова душа и ум как бы расколоты на две половинки — на плохую и хорошую. У Шатова все понятия страдают шаткостью и неясностью. При этом оба они, Раскольников и Шатов, отлично понимают, что оказались на гибельном пути. Никакая ошибка не проходит человеку даром. Если он вовремя не исправит ее — например, не откажется от неверной мысли, — то может стать ее жертвой и погубить себя как человека.

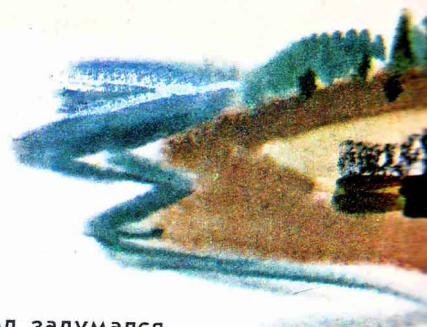
Многому учит нас Достоевский. Его книги проникнуты правдой и справедливостью.

ДЕДУШКИНЫ МЕДАЛИ

Серафим Попов

Рисунок Т. Васильевой

Ночь осенняя
на Севере длинна.
Если даже просидишь ты
целый вечер —
много времени
останется для сна:
знай сиди
да слушай дедушкины речи!

Борода
хотя у дедушки седа,
он внучат своих
подкидывает,
кружит...
Весела его душа
и молода,
потому он
так с ребятами и дружит.

Лезет к деду
тот и этот сорванец
(с кем играть им
интересней,
беззаботней?),
и зовут они его
«Большой Отец»:
нету имени
приятней и почетней!

Стянет пояс,
грудь у деда колесом —
не в строю ль
сейчас стоит он перед ними?
Ну, ей-богу,
не уступит он ни в чем,
если даже
встанет рядом с молодыми!

Как пойдет он
посреди своих внучат —
весь подтянутый,
силен еще и в теле, —
на груди его
медали зазвучат,
будто песенку
веселую запели...

Вот мальчишки —
с двух сторон по одному,
ну а девочка —
малюсенькая внучка —

всю дорогу
так и тянется к нему,
липнет к дедушке:
— Возьми меня на ручки!

Вот он девочку
сажает на плечо —
любо ей
перебирать его медали...
Внуки старшие
взмолились горячо:
— Расскажи-ка нам,
за что тебе их дали!

— Эта — первая —
дана за Ленинград:
мы его освобождали
от блокады.
Та — за Волгу:
много вражеских солдат
там осталось
на твердых Сталинграда!

После Днепр,
огнем объятый,
бушевал.
Тоже был денек
нелегко и невесел.
Переправились —
Ватутин-генерал
эту — новую —
на грудь мою повесил.

Углублялись мы
в неведомую даль,
вновь с боями
мы прошли огонь и воду.
Есть за Прагу,
за Варшаву есть медаль:
братским странам
возвратили мы свободу!

Много, много
порастеряно друзей;
сколько отдано
атакам да разведкам!
Много близких,
дорогих душе моей,
не вернулось
к своим женам,
к своим деткам...

Дед задумался
и выронил слезу —
всё удерживал,
да вот не удержалась,
будто места
не хватило ей в глазу,
будто лишней
там, под веком, оказалась...

И чего он только, дедушка,
не знал!
Всё, что помнит,
перескажет он нескоро...
Он еще
и революцию застал
в этой самой
деревушке у Печоры.

Много видел он
людских невзгод и слез...
Здесь про Ленина
услышал он впервые,
здесь потом
организовывал колхоз,
здесь межи
перепахал он вековые.

Это было все
задолго до войны,
а потом
их «деда» сделался
танкистом
и отправился
сметать с лица страны
озверелого
и злобного фашиста...

Звезды на небе
беседовать сошлись,
ну а мы —
натолковались да устали.
Нелегко, ребята,
деду обошлись
эти десять
замечательных медалей!

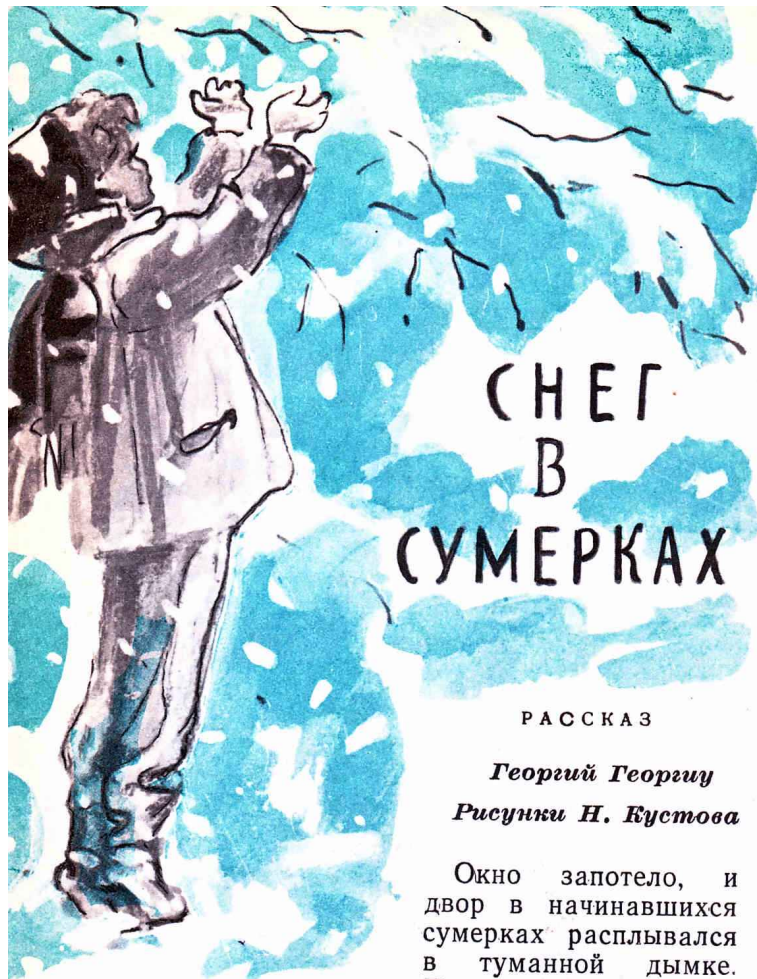
Снял награды свои дедушка,
убрал,
пригляделся
к замечавшимся ребятам:

— Вы не думайте,
не все я их забрал,
с той поры
их начеканили порядком!

Вот возьмитесь вы за дело
всем гуртом —
может, больше их
достанется,
не десять...
Подрастете
да заслужите трудом —
тоже сможете
на грудь себе повесить!

*Перевел с коми
Игорь Михайлов*

СНЕГ В СУМЕРКАХ

РАССКАЗ

Георгий Георгиу

Рисунки Н. Кустова

Окно запотело, и двор в начинавшихся сумерках расплывался в туманной дымке. Пальцем Тинкуца нацерила на стекле деревцо с разбежавшимися в стороны ветками, и в прозрачных полосках забелела покрытая снегом земля. Тинкуца протерла стекло ладонью и прижалась к нему.

Снег продолжал идти. Гонимые ветром снежинки кружились роем взбудораженных пчел. Снег побелил крыши, ложился на ветви тополей и на подоконники, узорчатыми кружевами покрывал плечи и шапки спешащих по домам людей.

Тинкуца любила, когда в день ее рождения шел снег, и снегопад принимала как удивительный подарок природы. Еще маленькой она в такой день, наскоро одевшись, бежала во двор. Там ждал ее, словно в белой пене, заснеженный сиреневый куст. По щиколотку в снегу, Тинкуца обегала куст кругом и задумывала какое-нибудь только ей известное желание. Проходили минуты, и она начинала казаться себе то снежинкой, то белочкой, то волшебницей — зимней феей.

Но стоило только размышлять и вообразить двор снежным царством, а покрытую белым ковром скамью — трон, как в доме наверху отворялась форточка и слышалось совсем не сказочное:

— Тинкуца!.. Ты что это — в своем уме?

Вся в снегу!.. Сейчас же марш домой!.. Хочешь схватить ангину?..

Но разве могла мама понять: природа так добра к Тинкуце, что никогда не станет ее простужать. «Фея» не спешила домой. Она еще кружилась в снежном вихре, накрывалась белыми чудесными шальями и набрасывала на голову снежные украшения необыкновенной красоты.

И тогда снова раздавалось сверху:

— Тинкуца! Почему не слушаешь?.. Тебя ждет дядя Василе.

Дядя Василе!

И фея сразу становилась Тинкуцей. Забыв об игре, она бежала в дом, ветром поднималась по лестнице и в промокшей одежде, с влажными косичками вбегала в квартиру.

— Правда, дядя Василе тут?

Он всегда появлялся неожиданно для Тинкуцы, будто спускался откуда-то сверху или проникал через каменные стены дома.

Дядя Василе хватал ее своими крепкими руками, высоко поднимал и целовал в розовые, холодные, как тронутое морозцем яблоко, щеки.

Потом они сидели на диване, а рядом оказывался презабавный зайчишка с длинными ушами и поднятыми вверх лапками — подарок Тинкуце.

Но главным подарком дяди Василе, сколько себя помнила Тинкуца, всегда была сказка. И девочка требовала:

— Сказку! Хорошую!

— Лучше быть не может, — смеялся дядя Василе и гладил ладонью еще не просохшие волосы Тинкуцы, неумело поправлял мокрые бантики. Он приказывал зайчишке сидеть смирно и говорил: «Ну, слушайте...» Тинкуца и заяц замирали, а дядя Василе начинал:

«Как-то шел я по лесу, задумался, и вдруг передо мной, откуда ни возьмись, вот этот зайчишка.

— Дяденька, вы не видели тут одну девочку?..»

В каждой сказке обязательно была какая-то девочка, похожая на Тинкуцу. А ту сказку про зайчика дядя Василе кончил так: «Ну вот, я и привез тебе зайчишку. Ведь, может быть, он искал тебя?»

Приходили и другие гости и дарили Тинкуце подарки, но разве могли их медвежата или куклы сравниться с зайчишкой из сказки дяди Василе?

Где только не побывал дядя Василе и о чем только не знал! И взрослые слушали его рассказы с таким же интересом, как Тинкуца — сказки. Он всегда, как бы ни было холодно, ходил без шапки, не боялся ни метелей, ни ураганов и казался Тинкуце чудодеем, которому покорялось все на свете.

Когда Тинкуца выросла и ей исполнилось десять лет, в доме, как и раньше — неожиданно, появился дядя Василе. В тот день он принес красивую книжку. На обложке сверху было напечатано: «Василе Матей», а пониже — «Сказки Тинки-Тинкуцы». Она схватила книжку, стала ее перелистывать и рассматривать картинки. Ведь это о ней, когда она была маленькой. Дядя Василе собрал и напечатал все то, о чем рассказывал столько лет. Почти все эти славные сказки Тинкуца знала наизусть. Она взглянула на дядю Василе и спросила:

— А новая сказка есть?

Дядя Василе засмеялся, а папа покачал головой и сказал:

— Ну и неблагоприятная же ты, Тинка! Дядя Василе столько лет трудился над книгой, чтобы подарить ее тебе, а ты еще требуешь...

Но дядя Василе остановил его.

— Стоп, стоп! — вскричал он, подняв руки. — Тинкуца права. Подарком должна быть новая сказка.

Потом он заходил по комнате, потирая рукой подбородок, словно проверял, хорошо ли побрился, и, остановившись возле Тинкуцы, сказал:

— Послушай... В одной тенистой дубовой роще жил несносный еж-драчун. Такого норовистого свет не видел...

Дядя Василе задумался, а Тинкуца, не выдержав, вскрикнула:

— Его, этого ежа, звали Думитру?! Митря-ежик, да?..

Дядя Василе посмотрел на Тинкуцу.

— Именно так. Откуда ты знаешь?

— У нас в классе есть один мальчишка. Его называют Ежом, потому что волосы у него как иголки. А по-настоящему он зовется Митрей. И еще потому, что он колючка и пристаёт... Он не дает мне прохода. На переменах хватается за косы. После уроков ждет на углу, а потом тащится за мной... Если я побегу, то сзади бежит и он. Девочки хотели его отлупить, но я сказала, что нисколько не боюсь этого Ежика. Пусть не думает. Он для меня просто не существует...

— Да, наверно, он и был тот самый еж, — как-то задумчиво произнес дядя Василе. Но тут его позвали к столу, и сказка о драчуне-ежике осталась незаконченной.

А вскоре после того дня Митря-Ежик исчез. Его родители получили квартиру в новом районе, и Митря перешел в другую школу.

Казалось бы — радоваться Тинкуце. Никто теперь не станет дергать за косы на переменах или перепрыгивать в другую парту ее портфельчик. Никто не будет плестись сзади. А ей почему-то вдруг сделалось скучно, и по-

рой, возвращаясь из школы, она оглядывалась, не идет ли следом Митря.

Она уже, казалось, позабыла про него, но вдруг однажды встретила его в книжном магазине. Тинкуца удивилась, как вырос Митря, пока они не виделись.

Она даже обрадовалась этой встрече. Но он будто лишился слов, как-то неловко поздоровался и, кажется, ничего не сказал Тинкуце. Стоял, наклонив голову, и все смотрел на книжку, которую купил, а на Тинкуцу почти не взглянул. Что это с ним? Ведь раньше был таким ежом-забиякой.

Так они тогда и расстались, будто мало знакомые...

«Еж, ежик», — задумчиво выводит Тинкуца мизинцем на запотевшем стекле. Крупные иглистые снежинки прибываются снаружи к окну и, прежде чем растаять, успевают полюбопытствовать, о чем думает эта нарядно одетая девочка в день своего рождения.

А Тинкуца уже думает о дяде Василе. Наверно, опять отправился в далекие края и забыл, что у Тинкуцы сегодня праздник. А может быть, он не знает, куда написать. Ведь пока дяди Василе не было, она с родителями переехала в новый дом на зеленом краю города.

— Тинкуца! — окликает ее мама. — Что ты там делаешь? Помогла бы мне. Скоро придут гости.

Гости!

По правде говоря, гости не очень интересуют Тинкуцу. Они только делают вид, что при-

ходят отметить ее день рождения, а на самом деле являются, чтобы посидеть за столом, выпить вина и послушать разные веселые истории. Не проходит и получаса, как про Тинкуцу все забывают. За столом начинается шум и смех. Идут разные разговоры... При чем тут Тинкуца? Никто, кроме мамы, даже не замечает, когда она отходит от стола. А сперва-то: «За нашу Тинкуцу!», «Будь здорова, расти большая!»

Только дядя Василе про нее никогда не забывает. Случается, сам улизнет от гостей и что-нибудь рассказывает Тинкуце в другой комнате, пока его не хватятся. Как жаль, что его не будет сегодня. Он бы удивился, какая Тинкуца стала большая. И туфли у нее на модном каблучке — мамин подарок.

— Где же ты, Тинка?

— Сейчас, мамочка!

И тут Тинкуца видит в окне... Кто это?... Неужели?! Кто-то появился во дворе. Без шапки, с копной темных волос. Смотрит снизу, шарит глазами по окнам. Кого-то ищет... Тинкуца прилипла лбом к холодному стеклу. Может быть, это дядя Василе ищет их квартиру? Снегопад и сгустившаяся синева за окном мешают рассмотреть вошедшего во двор.

— Я сейчас, мамочка!.. Я на минутку!..

Она бросилась в переднюю, схватила пальто и, накинув его на плечи, побежала по лестнице. Быстрее, быстрее!.. Новенькие каблучки дробью процокали по ступенькам. Их семьдесят две. Тинкуца давно сосчитала. Уже внизу услышала, как на их площадке отворилась дверь и мама взволнованно прокричала:

— Тинкуца, Тинка, куда ты?.. Что случилось?..

— Я сейчас!

Хлопнула дверь за спиной. Тинкуца выскочила во двор. Он все еще стоял, этот человек без шапки, и смотрел вверх. Но это был не дядя Василе. Это был... Откуда мог он здесь взяться?.. Тинкуца сразу же, по старой привычке, запрятала косы за воротник пальто. Это был он, Митря-Ежик...

Да, конечно же, он. Тинкуца узнала его сразу, хотя и было сумеречно, и мешал снег. Он кружил над колючим ежиком волос Митри. Но его черные быстрые глаза... Их Тинкуца всегда бы отличила из сотни пар других глаз. Как же он вытянулся... Стал совсем взрослым парнем.

И Митря, конечно, узнал ее сразу. Глядя на нее, отступил на один шаг. Будто удивляясь, проговорил:

— Тинкуца, ты?! Откуда ты тут взялась?

— Я с неба, со снежинками, — сказала Тинкуца и протянула вперед открытую ладонь, собирая в пригоршню падающий снег. Снежинки сыпались на ладонь и сразу же таяли.

Рука становилась влажной. И на лоб, приятно холодя его, падал снег, словно живой водой умывал лицо девочки. Она не смотрела на Митрю, но чувствовала — он не отрывает взгляда от ее лица.

— Надень пальто в рукава, простудишься, — сказал Митря.

Тинкуца послушалась и влезла в рукава. А косы теперь легли поверх воротника, и на них садились снежинки.

— Мы здесь живем, на четвертом этаже, мы переехали, — сказала Тинкуца.

Он кивнул головой, и Тинкуце показалось, что Митря уже знал, что она живет тут.

— Наш дом через два от твоего, — сказал Митря. — Ты перейдешь в нашу школу?

— Нет, не хочу. Учиться осталось недолго.

Тинкуца мотнула головой. Одна коса перекинулась через плечо и легла спереди. Снежинки сыпались на пальто. Кажется, Митря хотел протянуть к ней руку, но сразу же отдернул, будто чего-то испугавшись.

— Сегодня твой день рождения? — спросил он.

— Откуда ты знаешь?

— Отгадал.

— Ты что — тоже волшебник? — она рассмеялась и взглянула открыто, без боязни. Он теперь стал чуть ли не на голову выше ее. Как этот молчаливый, стеснительный парень был мало похож на того озорного Ежика! И все же это был он.

— А у тебя есть волшебник? — хмуро выдавил из себя Митря.

— Есть! — с вызовом произнесла Тинкуца. — Он такой, какого нет другого на свете. Но только он далеко. Он уехал.

— И не вернется сюда?

— Не знаю. Он, наверно, забыл обо мне.

Она зажмурила глаза, почувствовав на ресницах влагу снежинок. А когда разомкнула веки, Митря оказался совсем близко и смотрел на нее сверху, втянув голову в плечи и засунув руки в карманы.

— Замерз? — спросила она, но он только мотнул головой, и тогда Тинкуца продолжила: — Нет, правда, откуда ты все же узнал про мой день?

— Значит, ты забыла. Помнишь — в школе?.. Ты тогда принесла серого зайчика и сказала, что тебе его подарил твой дядя. Мы учились в третьем классе.

— Ты запомнил?

— Да.

— Я сказала, что привела зайца в школу, чтобы он научился читать, а ты... Ты поднял меня на смех и даже щелкнул по лбу.

Тинкуца засмеялась, а Митря наклонил голову, смотрел на снег.

Вдруг он нагнулся, взял комок снега, потом выпрямился и, замахнувшись, бросил снежок вверх. Тот полетел и метко ударился в ствол тополя, рассыпавшись в белую пыль. А Митря уже снова собирал снег в ком. На этот раз уже как большой детский мяч. Не говоря ни слова, он поставил этот ком перед Тинкуцей, сделал другой поменьше и посадил сверху. Она думала, что он лепит снеговика. Сейчас сделает голову, прилепнет нос и проткнет глаза. Но Митря не стал собирать третий ком. Он что-то проделывал со вторым, верхним... И вдруг Тинкуца увидела — это была мордочка зайца... Да, да! Вот и появились уши. Как ловко все получалось у Митри. Он вытянул из своего шарфа несколько ниточек — и готово!.. У зайца усы. Заяц смотрит на Тинкуцу и словно улыбается ей. Он похож на того зайчика, что подарил ей когда-то дядя Василе.

На дворе стемнело, в окнах засветились огни. Снег засверкал, и на волосах Митри вспыхивали снежные искорки.

— Это тебе, — сказал он и отступил от снежного зверюшки. — Мой подарок.

— Спасибо, — она почувствовала, что щеки ее запылали. — Но как же я отнесу его домой?

— Пусть стоит здесь. Ты станешь приходить и смотреть.

— А если его сломают мальчишки?

— Пусть только посмеют.

— Ты будешь охранять его день и ночь?

Ей сделалось весело, а Митря готов был обидеться.

— Это уж мое дело, — пробурчал он.

Тинкуца поняла: надо сказать что-то хорошее. Спросила:

— Это заяц из сказки?

Митря пожал плечами и ничего не ответил, а в этот момент откуда-то послышалось:

— Тинка-Тинкуца, где ты там? Я ищу тебя.

— Дядя Василе!

Нужно было бежать к нему, раскинуть руки и обнять его. Ведь дядя Василе все-таки приехал и нашел ее. Но странное дело, Тинкуца не двигалась с места и не позвала дядю. Ее рука как-то сама потянулась к Митриной руке. Он взял ее пальцы в свою горячую мокрую ладонь, а снег продолжал падать, будто осыпая ее белым конфетти.

— Кто это? — тихо спросил Митря.

— Дядя Василе — мой волшебник. Давай покажем ему нашего зайчика...

И тут в снежном вихре появился дядя Василе. Он и в самом деле возник в летящем

снеге, как волшебник в сказке. Он улыбался, идя навстречу Тинкуце, но, заметив Митрю, приостановился, посмотрел на них, словно не зная, что ему делать дальше.

— Ты здесь, Тинкуца, — сказал он, хотя, конечно же, видел, что это была она.

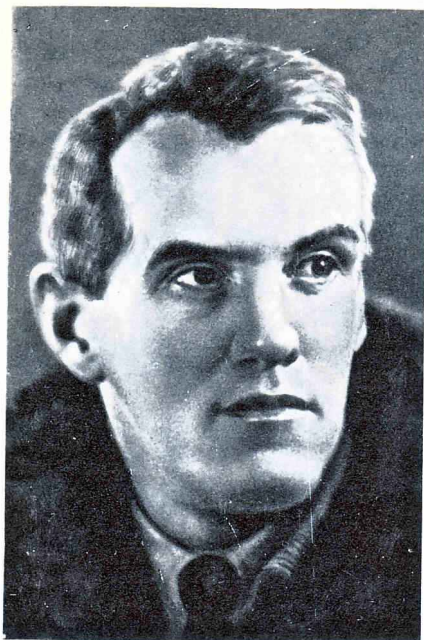
А Тинкуце захотелось, чтобы дядя Василе увидел Митриноho зайца, чтобы он признал, что Митря тоже чудодей, раз мог вылепить такую славную зверюшку. И она сказала:

— Дядя Василе, смотри, какой смешной зайка... Правда, он как тот, из твоей сказки?.. Его слепил Митря.

Василе Матей оглядел снежного зайца, потом взглянул на Тинкуцу и стоящего рядом с ней смущенного парнишку с белыми от снега головой и плечами, задумчиво улыбнулся.

— Правда, Тинка-Тинкуца, но это уже новая сказка, — слегка вздохнул дядя Василе и, дружески кивнув Тинкуце и Митре-Ежику, пошел сквозь метель к огням дома.

Перевод с молдавского Аркадия Минчиковского

ВО ИМЯ ЛУЧШИХ РАДОСТЕЙ НА СВЕТЕ

к 75-летию со дня рождения
Н. С. Тихонова

Однажды писатель Николай Семенович Тихонов оказался за праздничным столом в Осетии, на родине народного поэта Коста Хетагурова, в ауле Нар. В Осетии свято чтут обычаи. На Кавказе почетным гостем может быть только старейший. Тихонов был самым дорогим гостем, но его соседу слева было сто три года, соседу справа — сто четыре. «Значит, будем считать, — сказали ему, — что вам сто пять, и вы можете сесть во главе стола».

«Так, — вспоминает писатель, — мне было однажды сто пять лет...» Но и за свои семьдесят пять он увидел, услышал, пережил, написал так много, что хватило бы на несколько жизней.

...Вот он тащит вместе с артиллеристами тяжелую, облепленную грязью противотанковую пушку на Ка-

рельском перешейке. Вот он на катере прорывается под обстрелом из Ораниенбаума в Кронштадт. Вот подгоняет лошадей в афганских песках, возвращаясь из поездки на конференцию пакистанских писателей. Годы жизни — годы труда, борьбы, мужества.

Юношей он ушел на фронт первой мировой войны, стал кавалеристом. Он узнал цену жизни и смерти, воинской дружбы. Однажды его эскадрон стал по сигналу отступать. Все усакаали, а конь Тихонова вставал на дыбы и сесть в седло было невозможно. Пули свистели, гусар шел по лесу, ведя коня на поводу. Не прошел он и половины леска, как перед ним появился его командир Гладких. Оказывается, выбравшись на шоссе, всадники обнаружили отсутствие товарища. Кто-то сказал, что он, вероятно, убит. Но Гладких повернул обратно, он не мог оставить юношу в опасности. Тихонов сумел стать хорошим учеником в школе жизни. Он сумел стать храбрым, мужественным, честным, надежным товарищем. Когда полк выбирал солдатский комитет, 711 сабель было поднято за Тихонова. Молодой писатель не остался в долгу. Он воспеал подвиги солдат революции. И современники Тихонова узнавали себя в его героях.

Тонким кружевом голубым
Туман обвил виноградный сад,
Четвертый год мы ночей не спим,
Нас голод глодал, и огонь, и дым,
Но приказу верен солдат.

Верность революции ведет в смертельный бой моряков «Баллады о гвоздях». Верность революции вдохновляет героя «Баллады о синем пакете», который преодолевает все трудности, чтобы выполнить приказ.

Локти резали ветер, за полем — лог,
Человек добежал, почернел, лег.

Лег у огня, прохрипел: «Коня!»,
И стало холодно у огня.

А конь ударил, закусил мундштук,
Четыре копыта и пара рук.

Озеро в озеро, в карьер луга,
Небо согнулось, как дуга.

Как телеграмма, летит земля,
Ровным звоном звенят поля.

Но не птица сердце коня, не весы,
Оно заводится на часы.

Два шага — прыжок, и шаг хромал,
Человек один пришел на вокзал.

Писатель всегда был близок к своим героям, — солдатам революции, покорителям туркменской пустыни, полярных льдов, кавказских гор.

Однажды писатель Виктор Гольцев встретил Тихонова на высокогорном перевале:

— Николай Семенович! Почему вы здесь?

— О, это стоит рассказать, — усмехается Тихонов. — Мы надолго запомним этот перевал... Мы благополучно перешли весь Спимар, стали круто подниматься к гребню, как вдруг разразилась гроза, полил дождь, дождь перешел в град. «Скорее назад, — закричал проводник, — иначе погибнем!..»

— Но вы и впрямь могли погибнуть!

— Могли. Но что же нам оставалось делать?

Тихонов любит горы, потому что

Гравюра В. Ростовцева
к «Балладе о синем пакете»

ему по душе смелость, дерзание, неуспокоенность:

Лишь вверх альпинисту дорога одна,
И эти дороги умножь ты,
А жизнь — не такая ли точно стена,
Которую штурмом берешь ты!

Жизнь воздвигала перед героями поэта и перед ним самим все более трудные преграды...

В июне 1941 года Тихонов поехал на съезд писателей Советской Латвии. В разгар белых ночей фашистские бомбы упали на мирную Прибалтику. Началась Великая Отечественная война.

Старый солдат, Тихонов был подготовлен к военным будням. Его можно было видеть среди войск на дальних подступах к Ленинграду, под Новгородом, в редакциях фронтовых газет. Когда кольцо блокады вокруг

Ленинграда сомкнулось, Большая земля слышала мужественный голос Тихонова, ни на день не умолкавший. Он говорил о решимости бойцов Ленинграда, о том, что великая преданность Родине делает героев из людей, казалось бы, для подвигов не предназначенных.

Герои военных произведений Тихонова — это защитники города Ленина. Рассказывая о создании поэмы «Киров с нами», Тихонов писал: «Все новые и новые картины проносились в моем воображении... Я вспомнил Кировский завод, старейший форт пролетарской крепости, колыбель непреклонных борцов за революцию, вспомнил комсомольцев и комсомолок Кировского района, храбрых воинов армии ПВО, смело бросавшихся тушить пожары и выносить раненых...» И романтическая поэма «Киров с нами» наполнялась пафосом повседневной боевой действительности:

**И в ярости злой канонады
Немецкую гробить орду
В железных ночах Ленинграда
Полки ленинградцев идут.
И красное знамя над ними
Как знамя победы встает,
И Кирова грозное имя
Полки ленинградцев ведет!**

Тихоновская летопись военного Ленинграда — книга поистине героическая и величественная, свидетельство очевидца и участника.

Ленинградцы — сдержанные люди, от них трудно ждать южного темперамента, широкошумных изъятий страданий или восторга. Но как они пели на набережной Невы в тот час, когда победивший флот впервые после прорыва блокады уходил из города! Голоса моряков на палубах и голоса жителей на берегу сливались в одну неповторимую песню...

Истинный ленинградец, Тихонов сдержан и строг, как и герои его баллад. Но вчитайтесь в его строки, вы услышите в них биение страстного сердца.

Кончилась война. Отгремели орудия. Но не кончилась борьба за мир, за счастливое будущее всех народов. Какая в сущности романтическая и прекрасная мечта — сделать всех людей братьями, уничтожить войны, насилие, несправедливость. И как закономерно, что во главе советского движения за мир встал поэт-солдат Николай Семенович Тихонов.

**Во имя лучших радостей на свете
Собрались мы со всех сторон земли.
К нам на конгресс пришли с цветами
дети,
Как вестники весенние пришли.**

Н. С. Тихонов в годы войны

Поэт приветствует юное поколение жителей земли, которое не должно знать ни горя, ни голода, ни опустошительных войн. Ради их счастливого будущего участвовал он в отражении белогвардейских полчищ Юденича, сражался на фронтах Великой Отечественной войны, боролся за мир на международных конгрессах в Варшаве, Стокгольме, Вене, Париже, Вроцлаве.

4 декабря 1971 года Николаю Се-

меновичу Тихонову исполнилось семьдесят пять лет.

Еще полвека назад в окопах под Ригой солдат-латыш читал молодому гусару стихи латышского поэта Яна Райниса, и оба юноши мечтали о братстве людей всех национальностей. С тех пор вся жизнь Николая Тихонова посвящена борьбе за идеалы мужества, самоотверженности, борьбе за утверждение коммунистического строя, за дружбу народов.

В. Шошин

Н. С. Тихонов среди ребят

Семен Коган

Кому чего хочется

Кому-то
Хочется плясать,
Кому-то —
Песни петь,
Кому-то
Хочется писать,
Кому-то —
Так сидеть,
Кому-то
Хочется читать
Веселые стихи,
Кому-то
Хочется чихать:
— Ап-чихи!
— Ап-чихи!
— Ап-чихи!

Кому-то
Хочется бродить
С котомкою
В руке,
А мне
Охота поудить,
Я с удочкой —
К реке.
Читайте шепотом
Стихи
И не шумите
Здесь,
Иначе вечером
Ухи
Сегодня вам
Не есть.

Вздыхает старушка

Всю ночь
На болоте
Лягушки поют.
Лягушки старушке
Уснуть не дают.

Старушка вздыхает,
Старушка ворчит,
А хор лягушачий
Все громче звучит.

Старушка бормочет:
— Ну что за напасть!
Ах, чтоб вам
На вашем болоте
Пропасть!

Я очень устала,
Я еле жива,
Я просто оглохла
От этого «ква!» ...

И чудо случилось:
Все стихло вокруг,
Как будто лягушки
Всё поняли вдруг.

Не треснет сучок
И не вздрогнет
листва.
Лягушки молчат —
Ни единого «ква».

Старушка, вздыхая,
Лежит на спине —
Уснуть невозможно
В такой тишине.

Рисунки И. Казаковой

SOS

Илья Миксон

Рисунки Ю. Шабанова

«Ваганов», получив дополнительную сводку о силе и направлении урагана, изменил свой курс на семь румбов, почти на девяносто градусов.

«Можем отделаться легким испугом, — полчаса назад оптимистично предположил штурман Кудров. — Стороной пройдет». Капитан еще заметил тогда: «Не загадывайте».

Теперь, вместо того чтобы дальше бежать от пекла, неслись к нему на высшей скорости. Машина работала на полную мощность.

Координаты бедствующего судна почти совпадали с центром штормового района. Что там произошло — неизвестно. Сигналы о помощи явно подавал автомат: «SOS», позывные судна, координаты, и все.

Николаев, начальник судовой радиостанции, по справочнику определил, что гибнет «Биг Джон», торговое, Либерия. Последнее вовсе не означало, что «Биг Джон» либериец. Под флагом маленькой страны плавают суда многих пароходных компаний.

Ветер уже не завывал — ревел тысячей сирен. Волны вздымались все выше, и судно карабкалось вверх, словно к высокогорным снежным перевалам. На гребне судно на миг застывало, будто взвешиваемое на остром трехграннике.

Весы океана могли перетянуть в любую сторону. Океан мог и разломить стопятидесятичетырехметровый теплоход надвое.

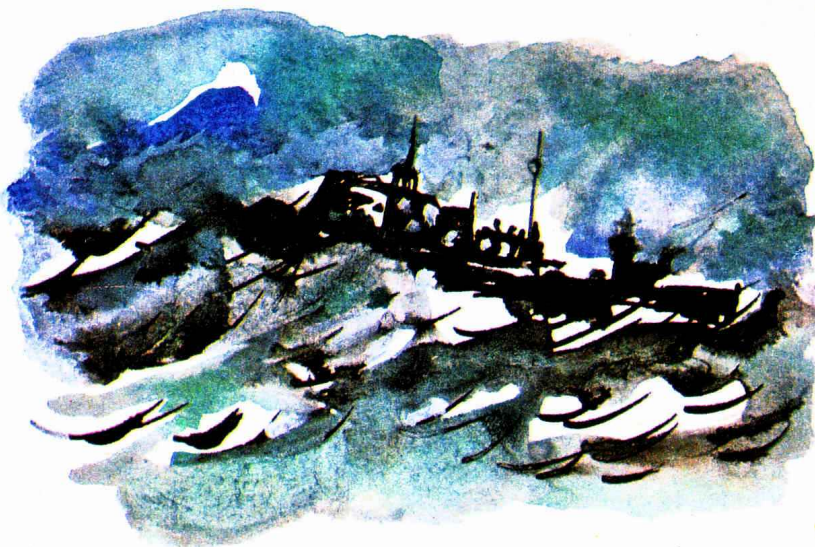
Стальные переборки скрипели и стонали, как разошедшие стулья. Палуба и борта гудели набатом. Надстройка дрожала будто в ознобе.

Взбесившийся океан захлестывал пеной иллюминаторы.

Хлынул тропический ливень, с громом, с молниями. Сверкало, грохотало, заливало снизу и сверху.

— Всем надеть жилеты. Аварийным командам быть в полной готовности, — распорядился капитан.

Главы из повести «Семь футов под килем», подготовленной к печати в издательстве «Детская литература»

Второй помощник взял микрофон.

— Внимание всему экипажу! Немедленно надеть нагрудники! Аварийным партиям быть наготове!

Внимание всему экипажу!..

Водяные громады одна за другой обрушивались на палубу, расшибались о тамбучины, мачты, захлестывали кипящими брызгами надстройку до пеленгаторного мостика.

— Завсегда в этом коридоре сквозняк, — хмуро и осуждающе сказал боцман Зозуля. Он сделал пять «кругосветок», раз десять обошел с юга Африку и был достаточно близко знаком с «ревушими сороковыми».

Никто не отозвался. Матросы аварийной партии, как десантники перед высадкой, сосредоточенно и напряженно прислушивались к штормовой канонаде. Все были в спасательных жилетах. Пенопластовые пластины распирали оранжевую обшивку. Нагрудники казались рыцарскими доспехами; высокий воротник на затылке — откинутым перед поединком забралом.

— Смирнов, — обратился боцман к Лешке, — ты на верхотуре был, что там?

— Автомат строчит.

— А морзянка?

— Не отзывается. Только автомат.

Автоматический сигнализатор «SOS» висит в штурманской. Небольшая металлическая коробка с радиопередатчиком. Под стеклянной крышкой — два цифровых набора. В случае опасности надо разбить стекло, установить координаты и нажать кнопку, — сигнал «SOS» и позывные судна заложены в программу заранее.

— Может, там никого и нет уже? — предположил Паша Кузовкин.

— Как это — нет? — вскинулся Лешка.

— На шлюпках спаслись, а мы зазря идем к ним...

— Ты!.. Ты думаешь, что говоришь?!

— Спокойно, Смирнов, — осадил Зозуля. — Идем не зря, Кузовкин. Шлюпки не спасение при таком волнении и ветре. А может, у них радиостанция из строя вышла, кто знает?

В красном уголке и столовой, как и на всем судне, иллюминаторы были наглухо задраены. Матросы ничего не видели, да и ничего нельзя было увидеть, даже из ходовой рубки.

Вращающиеся стеклянные диски прояснителей звенели от максимальных оборотов, но дождевые потоки и пенные заряды заливали иллюминаторы. Гром не утихал. Гигантские вспышки молний, словно белые ракеты, ослепляли, били в упор.

Зозуля поднял глаза к динамику. Судовая трансляция молчала.

— Ежели не поутихнет, на спасательные шлюпки рассчитывать трудно, — высказал вслух свою тревогу старший матрос. — Опрокинет или о борта расшибет.

— Залить может, — подтвердил Зозуля. — Море оно такое. А насчет автомата тоже бывает. Помню, танкер один на подводные скалы наскочил. Испанский или датский. Команда на шлюпках ушла, от взрыва подальше. На борту ни души, а автомат стрекочет, не выключили.

— Летучий Голландец, — сказал Лешка.

— То выдумка, призраки кораблей только в старых книжках и легендах плавают. А про танкер, что я рассказал, натуральный факт. — Зозуля повернулся к Паше. — Насчет же твоего «зазря» — это брось, из головы выкинь. Когда дело жизни касается, максимальная вера нужна. И тому, кто помощи просит, и тому, кто спасает. Выдохлась вера, запаниковал — пиши пропало. Моряк до последнего стоять должен. За себя, за других, за судно — наперед всего. Оно твой дом и главная защита.

Что-то щелкнуло. Все, как по команде, вскинули головы к динамику. Но оттуда — ни звука.

В ходовой рубке был почти весь командный состав: капитан, первый помощник, штурманы. Там же находился и Николаев, он пытался связаться с либерийцем по радиотелефону «Корабль».

«Корабль» — средство ближней связи с портом, другими судами, со шлюпочными радиостанциями.

— «Биг Джон», «Биг Джон». Я «Ваганов». Отвечайте. «Биг Джон», «Биг Джон»...

— Молчат, Василий Яковлевич? — спросил из темноты капитан.

— Молчат.

— Третий штурман, продолжайте вызывать. Василий Яковлевич, возвращайтесь к себе.

— Да, я пойду, — сказал Николаев, — вдруг морзянка заговорит.

— На румбе?

— На румбе 108 градусов! — доложил Федоровский.

«Ваганов» двигался на юго-восток.

— Так держать. Четвертый, есть что?

— Пока не видно, Сергей Петрович. Волна забивает.

Четвертый штурман Кудров, широко расставив для устойчивости ноги и цепко держась за поручни, не отрываясь вглядывался в экран. Дымчато-зеленый круг — сплошь в фосфоресцирующей ряби, как озеро в ветреную лунную ночь. По экрану кружил тонкий световой индикатор, зажигая зеленым огнем отраженные от волн сигналы. Когда индикатор отдалялся, вызывая новые всплески радиоэха, прежние затухали, плавно, протяжно. Лучевая стрелка, описав полный круг, опять возвращалась, притрагивалась, словно волшебная палочка, к угасшему эху и вновь возрождала его.

Волны, волны, волны...

Капитан и второй помощник прошли в штурманскую рубку, плотно задернули за собой портьеру и склонились над картой.

— Порядком еще, — вздохнул Пал Палыч, — и волна встречающая.

Он поднял глаза на контрольные приборы. Извилистая кривая на ленте барографа изменила направление.

— Давление повышается!

— Хорошо бы, — сказал капитан. — Машину загоним. При такой волне, на таких оборотах.

Капитан переживал за машину, за судно, за сорок шесть жизней, которые он подвергал сейчас серьезному риску. Но судно приняло сигнал «SOS». Судно шло на помощь.

В штурманскую ворвался Кудров.

— Вижу! — И бросился обратно к локатору.

Капитан и Пал Палыч поспешили за ним. В ходовой рубке, как обычно, стояла тьма. Лишь слабо трепыхались неоновые мотыльки сигнальных лампочек на панелях, светящейся медузой колыхалась на рулевой колонке картушка гироскопа.

От резкого перехода из света в темень перед глазами замельтешили золотые мухи. Капитан на ощупь добрался до камеры радиолокатора.

— Справа по курсу! — крикнул Кудров.

— Точнее.

— Справа десять!

В густой и мелкой чешуе волновых отражений четко выделялась крупная зеленая точка. Впереди и правее на десять градусов от курса «Ваганова».

— Сергей Петрович, Сергей Петрович! — взволнованно позвал Николаев.

Капитан проследовал в радиорубку. Возвратился он минут через десять.

— Лево руля!

Капитан быстро завертел маховичком дистанционной шкалы. От центра развернулась световая спираль, остановилась, замкнулась в окружность, прошла через зеленую точку.

— Сергей Петрович, — в голосе Пал Палыча недоумение и озабоченность. — Уточнил местоположение либерийца. Что-то не то. Координаты не совпадают с теми, которые передал автомат.

— Намного?

— Значительно. Их не могло так далеко снести.

Балансируя в полумраке рубки, капитан быстро прошел к радиолокатору.

— «Биг Джон», «Биг Джон»... — устало зывал голос третьего штурмана.

Капитан выпрямился, бросил через плечо: — Не надо больше. Поставьте на «прием», и все.

Атмосферный треск усилился. Третий штурман, очевидно, прибавил громкость.

— Есть лево руля.

Звякнул телеграф. Стрелка перескочила на «средний».

— Руль лево на борту! — доложил Федоровский.

— Хорошо. Курс 228, — приказал капитан и обратился к помощникам. — Команду приняли на борт норвежцы. «Биг Джон» затонул.

— Всех спасли?

— Кажется, всех.

Прижавшись щекой к наружной переборке, Зозуля с минуту прислушивался, затем уверенно объявил:

— Сдает, утихомиривается. А вообще, шторм что радикулит: никто не знает, когда начнется, когда кончится.

И, словно в подтверждение его слов, невидимая громада со всего маху двинула теплоход в скулу.

— Ого! «Стихает!» — охнул Левада.

— Напоследок огрызается.

Опять замолчали. Слушали. Вроде бы переборки не так скрипели. Тише.

В закупоренном помещении становилось душно. И ожидание изматывало. Клонило в сон. Но тут заговорила трансляция.

— Вниманию всего экипажа!

Все вскочили на ноги. Дремоты как не было.

— Наконец-то! — вырвалось у Лешки.

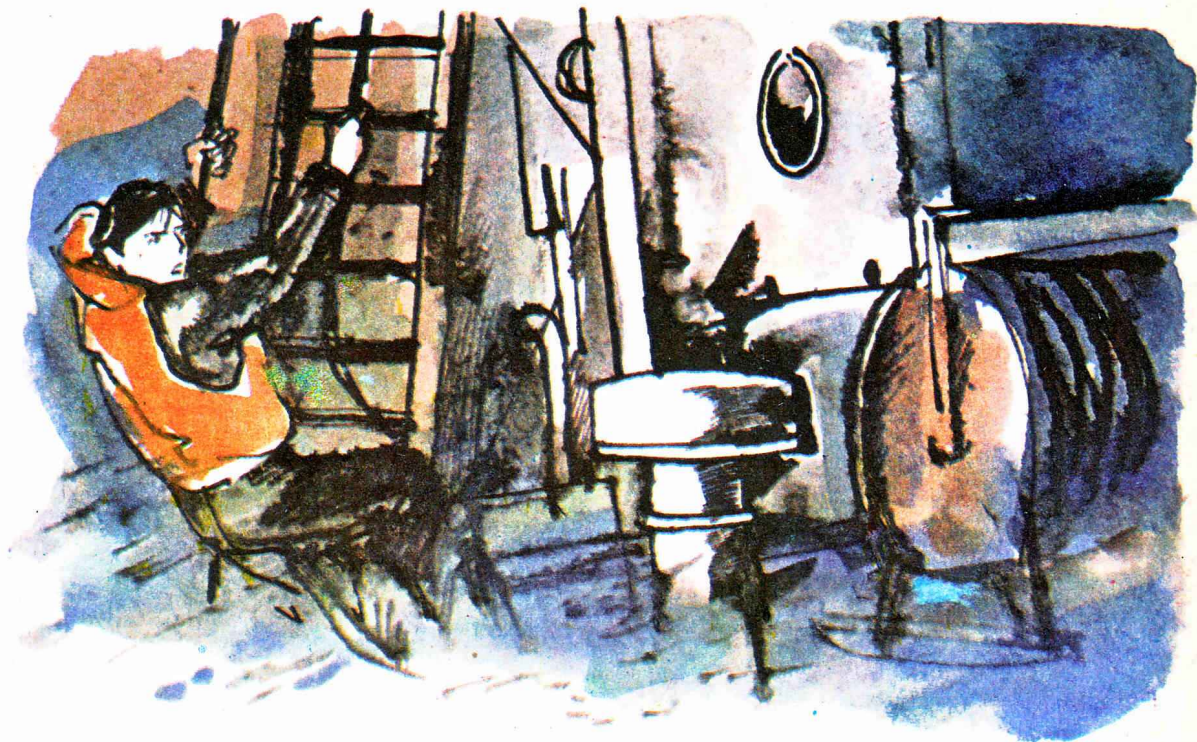
Было два часа тридцать пять минут по местному времени.

— Кто же их выручил?

— Выручили и ладно, — безразлично ответил Паша.

— Как это — ладно? — Лешка хотел еще что-то сказать, но замер.

И Паша насторожился. Откуда-то с кормы донеслись странные звуки, будто трещало под ветром расколотое сухое дерево.

Боцман предостерегающе поднял руку:

— Тихо!

— Вниманию всего экипажа! Бедствующему судну помощь оказана. Отбой общесудовой тревоги. Отбой тревоги. Нагрудники не снимать. Повторяю...

Люди повеселели. Даже Паша приободрился.

— Я уже думал рубаху чистую надевать!

— Ты у нас известный герой, — беззлобно пошутил боцман. — Можно разойтись. Нагрудники не снимать!

— Кто их выручил? — спросил Лешка.

— Океан не без добрых людей, — сказал боцман. — Расходись по каютам. — И опять напомнил: — Нагрудники не снимать!

Пластмассовое ведро для мусора каталось под ногами, подушки упали с коек. Лешка и Паша навели в каюте порядок и уселись на диване.

— Что это? — шепотом спросил Лешка.

— Не знаю... — голос Паши дрогнул.

Скрежет повторился.

— На корме, — определил Лешка. — Идем.

— Куда? — Паша побледнел.

— Посмотрим.

— Что ты, что ты! — затряс головой Паша. — И не положено...

Они были ближе всех других к кормовой части. Остальные могли и не услышать.

— Встать! — с неожиданной для себя властью приказал Лешка, и Паша подчинился.

Ветер упал значительно, но взбудораженный океан еще буйствовал. От дверей до трапа на ют пять шагов. И у трапа всего десять ступенек, но Лешка и Паша сразу вымокли.

Клокочущая, вспененная вода свободно перекатывалась по трюмным крышам. На юте нет ограждающей стены фальшборта, лишь релинги — стойки с прутьями в четыре ряда.

В воздухе снежными вихрями носились сорванные волновые гребни, будто мела пурга.

В сердце вполз холодный, жгучий страх. Скрежет исчез. Паша потянул Лешку назад. Волна ударила в противоположный борт, судно накренилось, и что-то длинное, блестящее с металлическим визгом метнулось влево.

— Стрела сорвалась! — крикнул Лешка и, не раздумывая, бросился вперед.

— Убьет! — завопил Паша.

Лешка навалился всем телом на грузовую стрелу и прижал ее книзу.

Павел Кузовкин, в ответе теперь за все. За аварию, за гибель...

Он полез наверх, высунулся по грудь, но высокий комингс трюмного люка закрывал палубу от глаз.

— Ле-е-ш!.. — как только смог громко позвал Паша.

Никто не ответил. Паша поднялся еще на две ступеньки.

На корме было непривычно голо. Ни рабо-

— Конец давай!

— Убьет! — Паша от страха ничего не сообщал. Руки его приросли к поручням трапа.

— Конец давай!

Судно повалилось на противоположный борт. Стрела, обдирая лючины трюма, потащила Лешку с собой.

Крутая волна обрушилась на корму. Все скрылось в белой кипени. Пашу тяжело ударило в лицо и грудь. Он хлебнул горькую воду, поперхнулся и, разжав пальцы, полетел назад и вниз. Волна протащила его между надстройкой и фальшбортом почти до самого камбуза и схлынула через шпигаты в море.

Пашу стошнило, он слабо застонал и пополз на четвереньках обратно.

— Леша, Леш!..

«Пропал, пропал Лешка!» — и Паша затрясся от беззвучных рыданий. Но тут его обожгла другая мысль, о себе. Ведь это он крепил стрелу. Это он виноват, что стрела вырвалась, сбросила накладку, оборвала застропку. Он,

чей шлюпки, ни бочек. Не было нигде и Леши Смирнова.

С ревом приближалась новая волна. Паша скатился вниз, ужом проскользнул в коридор.

— Помогите! Помогите!..

От него долго не могли ничего добиться. Он впал в истерику.

— А где Смирнов? — первым хватился боцман и послал матроса в каюту практикантов. Лешки там не было.

— Объявить по трансляции, — приказал капитан. — Обыскать судно.

Лешки не было нигде.

— Кто-то выходил на палубу, — доложил Зозуля. — Стальная дверь отдраена.

Доктор влил Паше в рот микстуру, сделал укол, и он, клацая зубами, выговорил, наконец, несколько слов: «Леша, корма, стрела»...

— Стоп машина!

По всему судну трижды длинно просигнализил звонок громкого боя.

— Тревога! Тревога! Человек за бортом! Человек за бортом!

В три часа пятнадцать минут радиостанция «Ваганова» начала передавать на волне «SOS»:

«Всем судам в юго-западном районе... долготы... широты, пропал моряк советского теп-

лохода «Ваганов». Прошу всех включиться в поиск. Ложусь на обратный курс. Мои координаты...»

Николаев с окаменевшим лицом стучал и стучал телеграфным ключом:

«Всем судам в юго-западном районе Индийского океана...»

Тревога

Океан фосфорически вспыхивал в голубых щупальцах прожекторов, кипел, бурлил, как расплавленный металл в ковше. Шквальные порывы ветра обдавали судно водяными зарядами.

Черные кучевые облака, громоздясь и толкая друг друга, неслись в одном направлении, на северо-восток. Далеко блистали молнии. Звуки грома уже не долетали сюда.

Оранжевый поплавок в холмистом океане и днем не просто увидеть. Тем более ночью, даже в свете прожектора. Человека за бортом не запеленговать, не засечь локатором. Проще иголку найти в стоге сена.

Почти весь экипаж, кроме вахтенных и дежурных наблюдателей, разместился в курительном салоне и в столовой.

Матросы и офицеры «Ваганова» спали сидя, тяжелым беспокойным сном, смертельно вымотанные двенадцатичасовым штормом и тревогами. Но стоило прийти за очередной сменой, коснуться плеча, моряки пробуждались мгновенно.

Во время тревоги «человек за бортом» вахтенные не меняются. Командиры не покидали своих постов ни на минуту. Никому не уступил штурвала и Федоровский. Чередовались только наблюдатели.

Николаев, в наушниках, неотлучно сидел в рабочем кресле. На призывы откликнулся только норвежский рудовоз, который снял моряков с утонувшего «Биг Джона». Норвежец не имел возможности включиться в поиск или считал это дело бессмысленным. С либерийца пропала одна шлюпка с моряками, и то не нашли.

«А мы найдем. Мы своего найдем!» — шептал Николаев, продолжая звать на помощь весь мир.

Свайка, судовая собака, будто понимала, что судьба одного из ее лучших друзей всецело зависит от людей в ходовой рубке, от капитана. Она жалась к его ногам, задирала острую мордочку, стараясь встретиться глазами, тихонько скулила и подвывала. Или пробиралась на дрожавших от напряжения ногах к открытой двери и лаяла в темноту.

— Уберите вы ее, наконец, — процедил старпом.

Свайка, ласковая, добрая, маленькая Свайка, оскалилась, зарычала, залаяла.

Капитан поморщился:

— Оставьте собаку в покое!

Из штурманской появился Пал Палыч.

— Где-то здесь, Сергей Петрович.

— Ветер, волны — всё учли?

— Всё. Течение в этом районе можно в расчет не брать.

— Стоп машина!

Старпом перевел ручку телеграфа в верхнее положение.

— Питание на все прожекторы. Тифон.

«Ту-у-у-у!» — понеслось в океан. — Ту-у-у-у-у!»

«Иду, товарищ, иду! Где ты? Отзовись!»

— Всему экипажу! Смотреть всем!

«Ваганов» стал описывать окружность, затем перешел на скручивающуюся спираль.

Рыскали прожекторы. Монотонно басил тифон.

Небо на северо-востоке посветлело. Сначала виднелась узкая неровная полоса бледно-зеленого цвета. Снизу, тяжело опираясь на горизонт, клубились иссиня-черные тучи, над ними и выше разливался по чистому небу солнечный румянец.

Океан высветился фиолетовым, лиловым, сиреневым, палевым. Зеркальная гладь — словно во веки веков не бывало никаких штормов!

Взошло солнце. Огромное, яркое, щедро источая на мир свет и тепло.

Прожекторы выключили. Поблекшие на солнце лучи исчезли незаметно.

Бескрайний слепящий простор выглядел безжизненной пустыней.

— Еще лево руля. Помалу! Всем смотреть! «Всем смотреть!» — разнесла по каютам и палубам судовая трансляция.

Смотрели все, кроме вахтенного механика и его мотористов.

Ни в одном уставе, инструкции, конвенции нет хотя бы ориентировочных сроков поиска человека за бортом. Нет даже неписанных традиционных законов. Капитан сам назначает время. Сообразуясь с конкретными обстоятельствами и условиями. Учитывается все: от состояния моря до физических качеств чело-

века за бортом. Есть и еще один фактор. Его не измерить никакими приборами и индикаторами. Фактор этот — совесть.

— Послать человека на салинг «елочки». Подстраховать.

Капитан мог приказать любому из сорока пяти, и каждый из них — кто спокойно, кто скрывая боязнь — выполнил бы приказ. Меньше всего из чувства повиновения. Человек за бортом!

Нет, капитан не приказал бы любому из сорока пяти. Только одному из сорока четырех. Сорок пятого, П. Кузовкина, экипаж «Ванганова» молча и единогласно исключил из коллектива. Кузовкин имел право работать, отдыхать, четыре раза в сутки питаться в матросской столовой, смотреть кино, но на судне он стал чужим. Для всех. Он еще не знал об этом негласном приговоре, беспробудно спал на своей койке. Судовой врач успокоил его каплями и снотворным.

Площадка на верху сигнальной мачты — самое высокое место судна. Оттуда до клотикового фонаря рукой подать. Сверху виднее, может быть...

Океан — в полном штиле. Ветер упал почти до нуля. И все же капитан не послал бы на ходу матроса на салинг, но тут — человек за бортом!

— Дозвольте мне.

Лицо Зозули не просто смуглое до черноты, оно будто обуглилось за ночь.

— Да, боцман.

— Я подстрахую, Николай Филиппович, — сказал артельный Левада.

Зозуля равнодушно кивнул.

Океан дымил, сжимался, на глазах пропал горизонт.

В посвежевшем воздухе «курилась» теплая вода. Низкий, под планшир фальшборта, туман стелился, клубясь, над самой гладью.

Казалось, судно бредет в утреннем тумане по осеннему лугу. Внизу, по пояс — сплошной молочный пар, наверху — небо без единого пятнышка.

— Всё, теперь всё... — убитым голосом сказал Левада.

— Ты чего? — нахмурился Зозуля. И рассердился. — А ну брось нюнить! Моряк ты или кто? Спасем Алексея. Иначе и быть не может.

— Извини, Николай Филиппович...

Боцман полез на мачту.

«Ту-у-у!.. Ту-у-у!.. Ту-у-у!» — равномерно, с короткими паузами, затрубил тифон. Он посылал свой зов в непроницаемый туман, как береговой ревун, как звуковой сигнал маяка.

Тифон будто отсчитывал время.

— Стоп машина!

Звякнул телеграф.

— Надо переждать, — сказал капитан.
— Да. Рискованно. Налететь можно.
Свайка выбежала на мостик и вытянула вперед острую мордочку. Судно по инерции скользило вперед.
— Малый назад.
Под кормой опять забурлил ходовой винт.
— Стоп машина!
Все стихло.
— Наблюдение продолжать!
Ожил смолкнувший было тифон: «Ту-у-у!.. Ту-у-у!»
«Ту-у-у! Ту-у-у!» — еще раз пробасил тифон и затих.
— Полная тишина! Всем слушать!

Свайка будто сбесилась. Скачет, бегаёт туда-сюда, прыгает на банкетку, кладет передние лапы на планшир, опять прыжком на палубу. Заливается, заходится лаем. Бросилась капитану в ноги, обратно стремглав — на крыло.

— Хозяина чует, — сказал капитан и не сумел скрыть волнения на осунувшемся лице. — Первую шлюпку на воду!

Пал Палыч кинулся к трапу.

— Второй помощник! Взять в шлюпку Свайку!

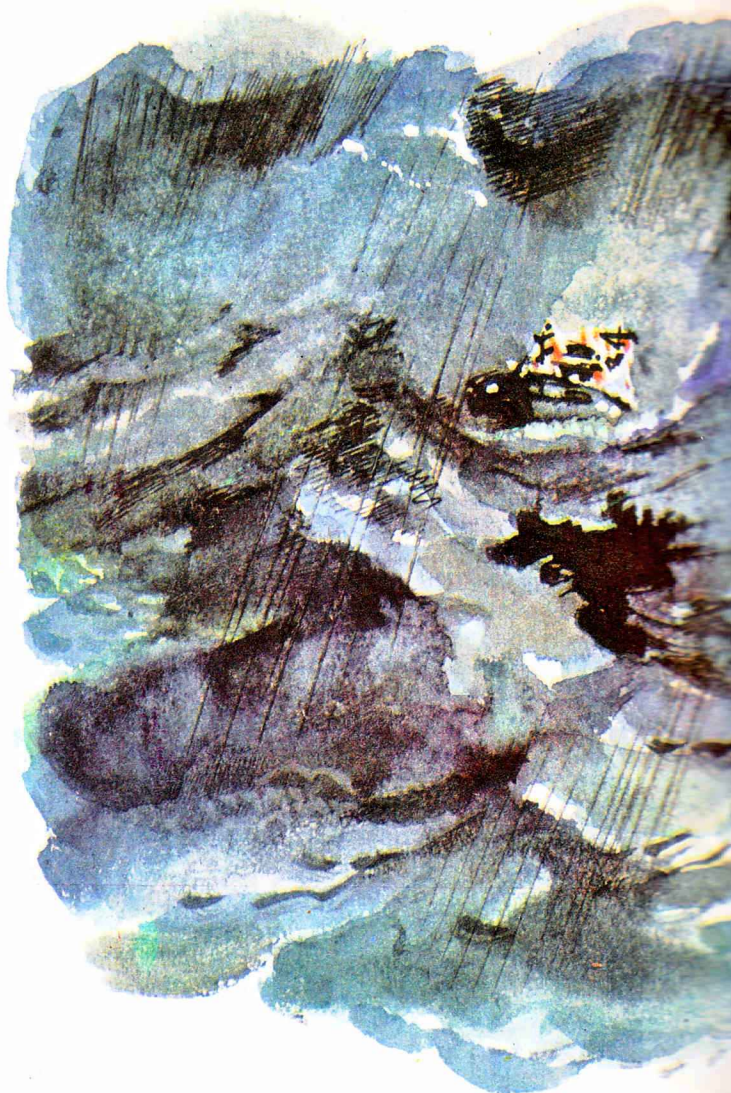
— Лай-локатор! — впервые за последние сутки сострил Гена Кудров и почему-то отвел глаза.

— Шлюпку вывалить!

Белая шлюпка с матросской дружиной в оранжевых нагрудниках погрузилась в туман.

Взревел движок, заглох, отчихался, зарокотал стойко и уверенно.

В синее небо жаворонком взлетел отчаянно веселый лай.

Человек за бортом

Он не успел даже крикнуть. Водяная гора навалилась, швырнула его вместе с длинной стрелой. Она была голой и мокрой, и Лешка скользнул по ней, как по лестничным перилам. Конец трубы с маху оборвал штормовой леер, сбил стойку релинга, волна подставила Лешке спину и — понесла.

Сначала вверх, потом в сторону, оттолкнулась от судна и схлынула в океан.

Он беспомощно кувыркался в плотной белой кипени, судорожно хватал ртом воздух, когда на секунду оказывался на поверхности, и опять погружался с головой в бурлящую тугую массу.

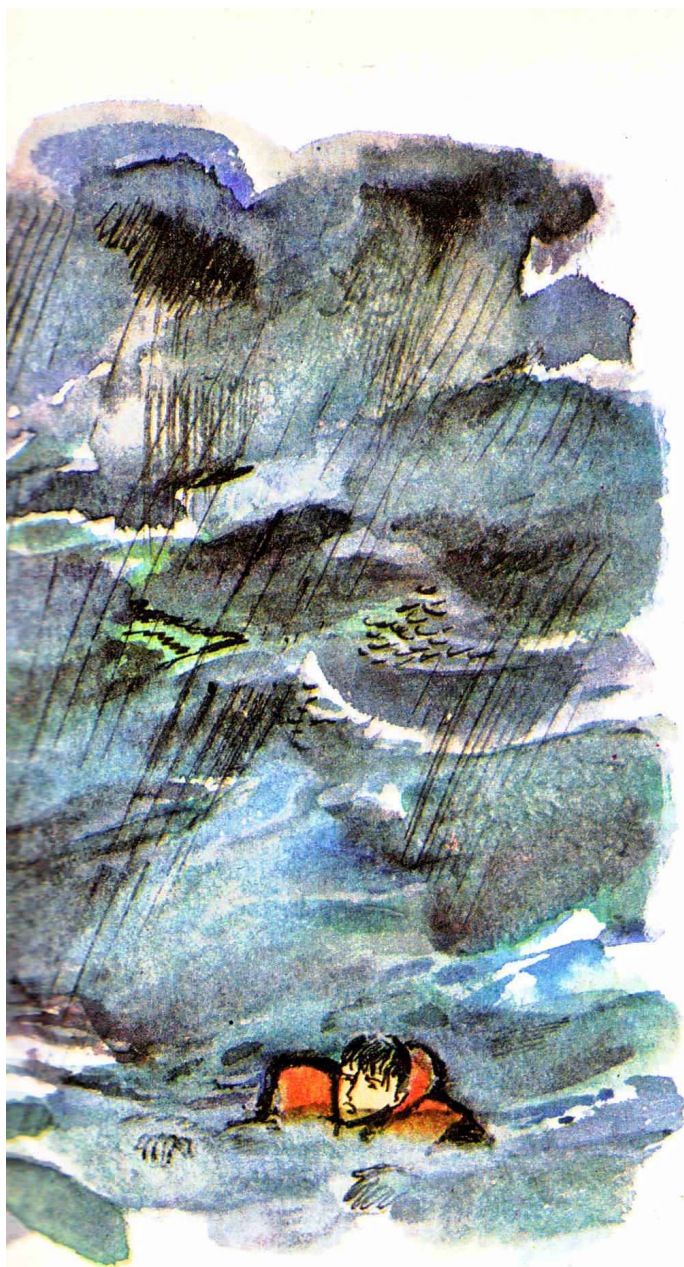
Волна несла его, как чаечное перо, несла с сумасшедшей скоростью, волна могла домчать его до Африки или Мадагаскара, но вдруг круто наклонила белую голову, и Лешка по

инерции полетел над водой, полетел и — провалился. Белогривая волна, словно лошадь, сбросившая наездника, легко устремилась дальше, а Лешка остался позади, на малых волнах, как незадачливый седок на взрыхленной земле.

Силуэт залитого огнями «Ваганова» маячил в недоступном далеке. И лишь тогда Лешка до конца осознал, что произошло. Он был один в океане, и спасение, если только можно было рассчитывать на спасение, зависело от него самого. Прежде всего от него самого.

Сколько придется или сколько он сумеет продержаться, трудно загадывать, но держаться надо до конца.

В голове промелькнули случаи, о которых Лешка когда-то читал, слышал, видел в кино. Главное — выдержка.

Беречь силы. Беречь силы. Не растрачиваться в бесполезном барахтанье, в безумной попытке доплыть куда-нибудь, догнать пароход. Максимально бездействовать. Но не впадать в безысходность, не поддаваться парализующему страху.

Беречь силы. Сигналить фонариком — впустую. На таком расстоянии и топовые огни едва желтеют во мгле. Никто не услышит и твои крики о помощи.

Все-таки он изрядно наглотался горькой, как микстура, воды. В животе булькало, в горле стоял тошнотворный ком.

Наконец его вывернуло, всего, наизнанку. Отдышавшись, он почувствовал облегчение, а вместе с ним слабость. На берегу от такой слабости подламываются колени.

Свинцовый груз ботинок тянул вниз. Лешка перевернулся на живот, скрючился, расшнуровал и сбросил с ног набухшие ботинки. Брю-

ки он решил не снимать. Заштилит, объявятся медузы. В океане они всякие водятся.

Акул он пока не опасался. Просто не думал о них. И глубина не тревожила. Не все ли равно, сколько под тобою: два, двадцать или две тысячи метров?

Беречь силы. Океан стихает, притворяется тихим и благонравным, сделал свое дело и спокойно укладывается на отдых. Ложись и ты, лежи, пока можно. Раскинь крестом руки, выпрями ноги. Голова — на затыльнике спасательного жилета.

Отлеживаться подолгу не удавалось: лицо захлестывало. Плыл он «по-собачьи», лениво и плавно подгребая под себя руками, и чуть-чуть ногами пошевеливал. Лишь бы держаться на плаву.

Океан смирился и смирился. Остатки кучевых громад ушли за горизонт. Тропическое небо было все в звездах — как в планетарии.

Он стал искать знакомые планеты и созвездия, которые показывал ему Пал Палыч. Вытянутый ромб Ориона, тлеющий Марс, Скорпион с загнутым вовнутрь хвостом, созвездие Льва. Звездное небо похоже на огни большого ночного города, когда на него сверху, с самолета, глядишь. Огромный старинный город с кривыми запутанными улицами. Только главный проспект — Млечный путь — широкий, просторный. Звездный проспект качался и пружинил. Тяжелая дремота расслабляла тело.

«Не спать!» — вовремя очнулся Лешка. Он потряс головой, проплыл несколько метров саженками.

Наступил рассвет. Небо линяло, звезды, одна за другой, исчезали. Лишь блистательная Венера гордо встречала солнце.

Однажды, тоже где-то в тропиках, Лешка принял Венеру за огонь маяка. Такая она крупная и яркая в этих широтах!

Геннадий Нилович, наверное, обыскивает океан радиолокатором. На «Ваганове» установлена станция «Донец», а «Донцом», как известно, человека не засечешь и при малейшем волнении.

«Бедная мама; как она перенесет это!»

Острая, безмерная жалость к матери охватила Лешку. Он тихо заплакал, горько и безысходно, как маленький ребенок. Он был совсем один, стесняться в океане некого. Его не видят ни люди, ни звезды — никто.

Легкие, невесомые облака, вспорхнувшие выше кучевой массы, вспыхнули, будто солома. Океан порозовел, заискрился, вода потеплела. Губы пересохли, покрылись солью.

Солнце породило новые муки: ослепляющую яркость и жажду.

Глаза воспалились и покраснели. Гортань, казалось, ссохлась от жажды. Сдавило горло, всю шею. В висках сильно билась кровь.

Лешка зажмурился. И тут он вспомнил Аллана Бомбара, который своей жизнью и даже смертью доказал, что человек может и должен выжить в океане. Бомбар в одиночку пересек Атлантический океан в маленькой резиновой лодке, утоляя жажду сырой рыбой и морской водой. Один-два глотка безвредны для человека...

Он набрал в рот воды, но выплюнул обратно. Самое трудное — в первый раз переступить через собственное предубеждение. Но Бомбар ведь смог! Зачем же он рисковал и жертвовал собой? Для примера! Для тебя, для других, для всех, потерпевших бедствие в море.

Руки болят, пальцы сморщились от соли. Соль! Вот в чем трагедия. Тебе нужна пресная вода. Самая обыкновенная, пусть из умывальника, не питьевая, но пресная!

Поблизости что-то стремительно вспорхнуло. Лешка разлепил белые от соли ресницы. Над ним, распустив прозрачные и блестящие, как целлофан, крылья, пронеслась радужная летучая рыба. За ней вторая, третья. Они шли на бреющем полете несколько десятков метров и плюхались в воду. Потом вновь взлетали, как стрекозы.

«Крылатая рыба на три четверти состоит из пресной воды». Лешка повернул голову и набрал в рот воды, совсем немного. Он проглотил ее в два приема. Вкуса не ощутил, а горлу сразу стало легче. И горлу, и голове, и сердцу.

«Почему они так разлетались? От врагов спасаются. Кто-то преследует их. Кто? Дельфины? Акулы?»

Об акулах не надо думать.

Он перевернулся на живот, огляделся вокруг. Нигде ничего. Океан размеренно вздымался и опадал. Слегка парило. Редкие низкие кудели тумана заволакивали горизонт, скрадывали расстояние. На миг показалось, что в белесой дали сверкнула белой эмалью пароходная надстройка.

Опять галлюцинация, мираж.

Он лег на спину, но через минуту снова посмотрел в ту сторону. Никакого судна, низкий сплошной туман.

Туман густел, рос. Теперь, если пароход и не померещился, все равно конец. Поиск в тумане бесполезен и опасен. В таком киселе молочном и корабли сталкиваются. Даже тифон не помогает. А разве услышишь за гулом машины, плеском воды у бортов и разговорами слабый человеческий крик. Не крик, стон, хрипение иссушенной гортани.

«А что с Пашей? Его не смыло? Нет, он же ушел за концом, за тросом. Если бы Паша успел принести конец, может, они бы смогли закрепить стрелу...»

Все-таки то была не галлюцинация. Он видел, видел, видел свой пароход. Конечно, свой! Он не сомневался: свои ищут и найдут его. Моряки не бросают товарищей в беде.

Где-то там, за невидимым горизонтом — земля, Африка, мыс Доброй Надежды. Для многих и многих он стал мысом Крушения, но моряки верили, что найдут путь в Индию. Люди не теряли веры в успех и добились своего.

Кто и когда первым обогнул мыс Доброй Надежды? Капитан Диас, Бартоломео Диас. Но и он не открыл морского пути в Индию. Это сделал Васко де Гама. Пятьсот лет назад...

Пятьсот. 500 килогерц — частота волны «SOS».

Товарищи, ребята, спешите! Скорее на помощь. Плохо мне, мысли начинают путаться. Скорее!

... В летающей рыбке много воды, а у соседа, доктора Федора Федоровича, бас как у пароходного тифона: «Ту-у-у, ту-у-у, ту-у-у».

Лешка очнулся от горячего бреда.

В густом тумане трубным басом звал пароход. «Ту-у, ту-у-у, ту-у-уу».

Он узнал бы этот голос в тысяче других, как рабочие узнают свой заводской гудок, как радисты — позывные своего судна.

«Иду-у! Иду-у!» — кричал ему «Ваганов».

Вода зарокотала, забила моторным грохотом.

Невидимая в белой мгле моторная шлюпка выла и лаяла, как собака.

«Здесь я, здесь», — хотел отозваться Лешка, но язык присох к небу, окаменели просоленные растрескавшиеся губы.

Сильные матросские руки втащили его в шлюпку. Свайка лизнула в соленый нос. Лешка чихнул и открыл глаза.

ЗЕЛЕНЫЙ ПЕС

Нонна Слепакóва

Зеленый, с черным вдоль спины,
С глазами цвета ветчины —
То был ужасный пес!
И место отвели ему
На полке — только потому,
Что Дед его принес.

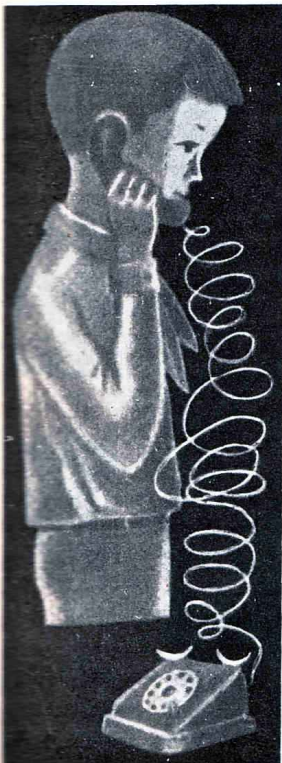
Он там стоял — не ел, не пил.
И кто-то краску облупил
С зеленого хвоста.
И кто-то ухо псу отбил.
И только Дед его любил —
Должно быть, неспроста.

Бывало, псу мигнет мой Дед
Поверх развернутых газет,
И дымом дунет в нос.

...Какой-то в этом был секрет,
Который знали только Дед
И только этот пес.

Дед на слова «Кошмарный пес!» —
«Прекрасный!» — отвечал всерьез.
А пес молчал, терпел.
Все собирался мой отец
Разведать тайну, наконец,
Да так и не успел.

...Давно на свете Деда нет.
Секрет — по-прежнему секрет.
На полке пес торчит,
И, слыша наши голоса,
Что в мире нет прекрасней пса,
По-прежнему молчит.

КОСтя ТЕРкин берет интервью

Коллективам шести ленинградских научно-исследовательских институтов и четырнадцати заводов было поручено в кратчайшие сроки сконструировать гигантскую дождевальную установку — «Фрегат». Сейчас первые «Фрегаты» уже созданы.

Что это за чудо-машина?

Отвечает главный конструктор «Фрегата» Александр Иванович Борисоглебский.

— Русские поля веками страдали от засух и суховеев. В старину в засушливый год миллионы людей голодали. Сейчас этого, конечно, быть не может, но от засух страна теряет только одного зерна миллиарды пудов...

Наша установка «Фрегат» должна помочь колхозникам и рабочим совхозов победить это зло. Установка проста: шестнадцать тележек на колесах держат длинную — почти в полкилометра — трубу, соединенную насосом с источником воды. На трубе установлено 49 дождевальных аппаратов. Дождь, исходящий из них, покрывает засеянное поле радиусом в полкилометра. Двигается «Фрегат» по кругу при помощи гидродвигателей, т. е., по существу, энергией напора той же самой воды.

— Действительно, на вид установка несложная...

— И эта простота устройства, по нашему мнению, — главное ее достоинство. Один человек сможет обслужить пять или шесть «Фрегатов», и каждая из машин будет работать не менее десяти лет без замены.

— А когда армия «Фрегатов» появится на полях?

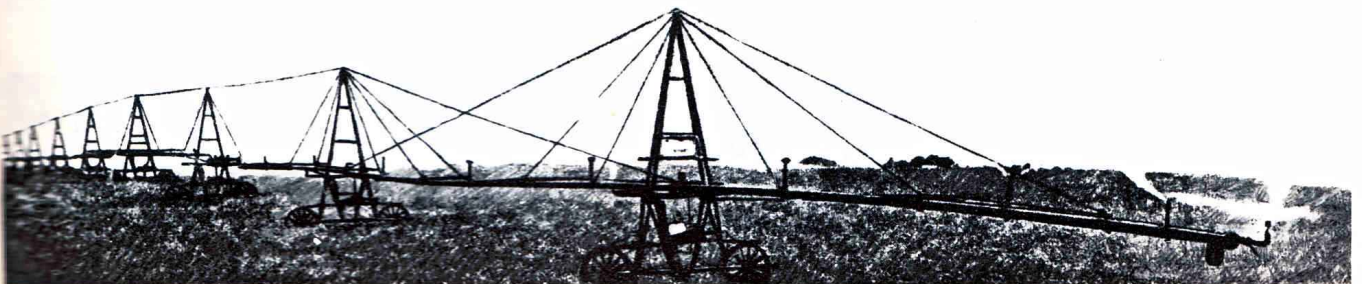
— Судите сами: в прошлом году их выпустили шесть штук на весь Союз.

В этом году — сто штук.

В будущем выпустят шестьсот.

В 1975 году — две с половиной тысячи!

Наш «Фрегат» может поливать поля и бахчи, луга и пастбища. Министр мелиорации и водного хозяйства товарищ Алексеевский, увидев его на испытаниях, сказал: «Это качественно новый шаг вперед в технике полива в СССР». Но мы продолжаем усовершенствовать установку. Она должна научиться ходить не только по ровному полю, как сейчас, но и по сопкам, по пересеченной местности. Это — очередная задача конструкторов. И мы надеемся выполнить ее.

ДЕКРЕТ О МАРКАХ

*Эпизод из истории советской
филателии*

Это было в 1921 году — первом мирном году после семи лет непрерывных войн.

...Из здания Народного Комиссариата (министерства) просвещения медленно вышел немолодой человек с портфелем. В лице его без труда угадывались усталость, раздражение и... упрямство. Товарищи из Наркомпроса в его идею не поверили! Что ж, он будет бороться дальше.

Как они говорили?!

— Чучин предлагает передать в руки государства всю торговлю гашёными марками, старыми монетами и прочими предметами коллекционирования. А вы подсчитали, Федор Григорьевич, сколько средств придется вложить в создание особых магазинов для коллекционеров, в подготовку честных и знающих коллекционное дело товароведов, продавцов? Прибыль от гашёной марки — дело сомнительное, выручим гроши, хорошо, если не проторгуемся...

И вывод: дело несвоевременное.

Несвоевременное? Федор Григорьевич машинально остановился перед плакатом на стене. «Помоги!» — взывал оттуда изможденный крестьянин... Засуха, какой не помнили деды, сожгла весь урожай на полях Поволжья и Украины. Голодная смерть грозила людям, грозила семи миллионам детей.

Каждый день Чучин читал в газетах о чрезвычайных мерах помощи голодающим. Вот появился декрет о сокращении вооруженных сил страны втрое (сэкономленные средства пошли голодающим); его сменило постановление профсоюзов

об отчислении нескольких процентов от заработка трудящихся в пользу голодающих; потом постановление ЦК о посылке коммунистов на помощь голодающим губерниям...

Где можно купить хлеб и продовольствие для голодающих людей, для голодающих детей Поволжья? За границей. Но для таких закупок требовалось золото, ценности, иностранная валюта. Правительство

постановило конфисковать золотую и серебряную утварь из церквей и монастырей. Мало! Ведь надо было кормить целые области, целые края, кормить долгие месяцы, до нового урожая. Все коммунисты и сознательные граждане республики жертвовали свои золотые и серебряные вещи — кольца, портсигары, брошки — в фонд «Помгола» («Помощь голодающим»). Мало! Ленин обратил-

ПОМОГИ

ся к международному пролетариату: помогите голодающим России! Помогите детям! Миллионы пудов продовольствия, миллионы долларов, марок, крон пришло в ответ на призыв. Но денег нужно было все больше и больше.

... Федор Григорьевич отвернулся от плаката и пошел дальше. Остановился он в переулке, возле невысокого старинного московского особняка, открыл массивную дверь с медной ручкой и прошел к своему кабинету, украшенному табличкой: «Правительственный уполномоченный по филателии и бонам Ф. Г. Чучин». Да, именно ему, старому большевику-подпольщику, партия поручила руководить всеми делами в республике, связанными с коллекционированием.

На столе лежал свежий номер «Правды». «Когда садишься обедать, — кричала первая полоса, — вспомни о тех, кому не хватает лебеды для утоления голода». На четвертой странице объявлялся сбор средств в новый фонд — «фонд одной папиросы»: «Курильщик, не докури хотя бы одну папиросу в каждой пачке и сэкономленные деньги переводи в помощь голодающим».

Вся страна думала, как помочь голодному Поволжью. Думал об этом и Чучин. На сегодняшнюю беседу в Наркомпросе он возлагал такие надежды, но... видимо, сам виноват, что не сумел убедить товарищей. Следовало бы рассказать им случай с царским ювелиром Фаберже. Когда в 1918 году к Фаберже пришли конфисковывать золото и бриллианты, ювелир легко отдал все, до последнего камешка. С собой же попросил разрешения взять только альбом любимых марок. Ему, не раздумывая, позволили... И лишь когда Фаберже оказался за границей, выяснилось, что стоят эти марки больше, чем зо-

лото и бриллианты придворного ювелира.

Вот такие же ценности, пока еще не учтенные, за которые заграничные коллекционеры заплатят республике золотом, валютой, а значит, хлебом для голодающих детей Поволжья, — наверняка находились во многих местах Советской России. Эти ценности нельзя терять! И если его проект не оценили в Наркомпросе, что ж, придется писать туда, где поймут.

Федор Григорьевич решительно придвинул лист со штампом, аккуратно вытер перо и, старательно обмакнув его в чернильницу, вывел: «Председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину».

... Через несколько лет, уже после смерти Владимира Ильича, Чучин рассказал в журнале «Советский коллекционер» (№ 1 за 1925 год) об ответе Ленина на его докладную записку. «Владимир Ильич, — писал Чучин, — равно великий и в большом, и в малом», сразу понял, какую большую выгоду сулит проект правительственного уполномоченного по филателии и бонам. Он вернул этот проект со своей запиской: «В малый Совнарком, т. Киселеву, провести декретом, распространить на боны и поручить тов. Чучину приурочить к помощи детям».

Так был издан этот декрет.

По словам Чучина, Ленин помог коллекционерам не только декретом. В организацию филателистов Владимир Ильич стал присылать конверты с марками, получаемыми им лично, и мало того: на этих конвертах он делал надписи. Понятно, какую огромную ценность приобретали такие конверты в глазах коллекционеров всего мира и сколько продуктов получало за них Советское государство для голодающих детей.

Примеру Ленина последова-

ли выдающиеся деятели партии и государства: Смидович, Красин, Луначарский и другие.

«Резолюцией товарища Ленина и был определен весь дальнейший ход развития советской филателии»,¹ — вспоминал Чучин.

Как же происходил обмен марок и старинных монет, собранных организацией советских коллекционеров, на хлеб и продовольствие? Кто этим занимался?

Советской России очень помогла в том году Международная организация помощи голодающим. Ее возглавил знаменитый полярный путешественник Фритьоф Нансен. Он же и организовывал обмен советских марок на... шоколад для детей. Об этом мы узнали, в частности, из текста приказа выдающегося деятеля Советского государства, человека, арестовывавшего Временное правительство, — Антонова-Овсеенко. Тогда ему было поручено руководить помощью голодающим Поволжья. 22 апреля 1921 года он писал: «Организация... доктора Нансена предложила... обменять триста тысяч таблеток шоколада на такое же количество штемпелеванных русских марок нового образца...» Антонов-Овсеенко призвал всех граждан Поволжья пожертвовать свои марки и коллекции — обменять их на шоколад для голодающих детей.

Миллион плиток шоколада — именно столько, по некоторым сведениям, достали для голодающих детей первые советские филателисты.

Это и было осуществление ленинской идеи — «приурочить филателию к помощи детям».

Кандидат исторических наук

Г. Романов,
Т. Дживелегова

¹ «Советский коллекционер», 1925 г., № 1, стр. 6.

Рассказы
наших
читателей

ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА РЫБАЛКЕ

РАССКАЗ

Однажды мы с папой собрались на рыбалку.

Мы надули и спустили на воду резиновую лодку, поплыли вдоль берега. На подвижной и гладкой поверхности реки Ик не было ни малейшей ряби. Мы выбрали хорошее, тихое место: омут под скалой. К полудню наловили хариусов, голавлей, пескарей, иногда попадались окуни.

Воздух здесь очень чист. Было так тихо, что даже становилось жутко, всплески живых рыб в ведре заставляли меня вздрагивать.

Вдруг тишину прервали какие-то странные звуки — не то визг, не то ворчание. Папа придержал меня за локоть, прислушался и сказал, что, наверное, это медведь. Мне стало страшно, но хотелось посмотреть на медведя. Мы подошли к лодке ближе, сошли тихонько

на берег и вскоре увидели зверя. Большой-пребольшой медведь возился у большого дерева. Оно росло, как лестница, вплотную около скалы, почти над самой рекой. Медведь вставал на задние лапы, тянулся к дереву и опять опускался на все четыре лапы. Ворчал и тряс дерево изо всех сил, оно даже трещало. Потом медведь валялся по земле и «кричал» ребячьим голосом. Чего он хотел, мы не поняли. Решили поугатать его. Папа, заложив пальцы в рот, как свистнет — у меня даже уши заложжило. Медведь оглянулся и быстро скрылся за скалой.

Мы решили подняться на берег и понаблюдать за медведем. Договорились: если медведь погонится за нами, сразу броситься к лодке и плыть. Лодку подогнали на удобное место, поднялись на берег. Смотрим — небольшая поляна, затем кустарник и лес, а медведя нет, куда-то исчез.

Вдруг из кустарника бегут, мыча, коровы и телки. Мимо нас как пуля пронеслась собака, поджав хвост. Мы поманили ее, она быстро вернулась и, прижимаясь к земле и дрожа, улеглась около нас.

Смотрим — медведь догнал телку и сразу свалил, а в это время пастухи верхом на лошадях показались из кустов. У медведя вся морда в крови. Молодой пастух — без шапки, в майке — соскочил с лошади и, не целясь, выстрелил в медведя, но уже было поздно: медведя и след простыл.

Мы подошли к задранной телке. Она уже была мертва.

Пастухи собрали стадо. Решили позвать охотников, и один из пастухов, которого звали Ташбулатом, на лошади помчался галопом в деревню.

Мы вернулись к лодке, но рыбачить больше не хотелось. Было уже поздно, и решили мы переночевать в будке пастухов. Я начала чистить рыбу, а папа — собирать сучья для костра.

Над костром в ведре уже закипала уха, когда появились охотники, старшего из них звали Ахмет-агай. Я растелила плащ-палатку, а сверху — листья лопухов, и мы расселись вокруг «стола». Уха пришлась охотникам по вкусу.

Ахмет-агай сказал:

— Где разорваны корова и телка, пусть там и лежат. Медведь зверь хитрый, но охотник еще хитрее. Медведь никогда не ест свежее мясо. Спрячет его под хворостом, а когда мясо чуток станет залежавшим, тогда и станет есть его. Нужно выбрать место, где можно удобно замаскироваться, а медведь обязательно придет ночью за добычей.

Охотники стали осматривать местность, а мы пошли в будку ночевать.

Еще только начинался рассвет, когда я почувствовала, что кто-то трясет меня за плечо. Проснулась я, а папа говорит: «Пойдем, посмотрим. Только с условием — не шуметь». Я быстро оделась и вместе с папой вышла на берег реки.

Только легли на траву, как раздался выстрел. Я вздрогнула от неожиданности. Вдруг — рев медведя, медведь ранен. Нам было хорошо видно, как медведь идет в сторону выстрела и как летят пучки трав из-под его мощных лап. Рев отдавался эхом по всему лесу. Медведь направился туда, где сидел Ахмет-агай. Два молодых охотника, решив обезопасить Ахмет-агай, стали приближаться к медведю. Это заставило зверя броситься то в одну, то в другую сторону. Тут раздался второй и третий выстрелы. Медведь рухнул.

Долго мы ждали, не встанет ли медведь. Наконец подошли к нему.

Охотники стали разделывать тушу и заметили в шерсти медведя много раздавленных пчел. Мы догадались, зачем медведь возился у большого дерева, что росло вплотную около скалы.

Мы с отцом пошли посмотреть на дерево. Не успели подойти, как услышали жужжание пчел. Пчелы налетели на нас, мы бросились бежать, они жалили нам лицо и шею. Пришлось броситься в воду. Когда мы вышли из воды, ужаленные места начали опухать. Я не хотела плакать, но слезы сами катились из глаз. Один из охотников посоветовал натереть ужаленные места луком. Мы быстро отыскали лук, который взяли с собой для ухи, натерли ужаленные места, и боль утихла.

Охотники разделали медведя, в ведре над костром уже варилось мясо. Когда оно было готово, мы сели есть. Мясо оказалось жирное и чуть сладковатое, и оно пришлось мне не по вкусу. Охотники шутили и смеялись, приглашая нас на сбор дикого меда.

Спустя полчаса мы уже плыли вниз по течению реки. Вместо рыбы везли домой медвежье мясо. Бывают же такие приключения на рыбалке!

Альфия Сибатуллина,
г. Стерлитамак

Рисунок Е. Захарова

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Сейчас на этой странице прославленный Ферзьбери, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, проведет прессконференцию, где сообщит важную приятную новость!

Итак, слово знаменитому шахмат-адмиралу.

— Уважаемые корреспонденты! Доблестные рыцари! Дорогие читатели! Вам известно, что 1972-й год — Олимпийский. Достоинно встретит его и наша победоносная Армия Рыцарей Черно-Белых Клеток: сегодня я торжественно объявляю о записи в Олимпийский турнир шахматистов и шашистов!

— Кто будет допущен? Все, все, все! Как в него записаться? Нужно по окончании прессконференции немедленно взять бумагу, перо — и писать:

«Прошу считать меня рыцарем и включить в Олимпийский турнир, так как я хочу...» (стать лучшим шахматистом или шашистом в ...), (получить спортивный разряд), (завоевать приз).

Нацельтесь на что-нибудь одно. Впрочем, если вы настроены на полную победу, то можете поставить перед собой все цели сразу.

Не забудьте в письме указать фамилию, имя, класс, а также пометить на конверте «АРЧЕБЕК» и опустить его в почтовый ящик.

Теперь я готов ответить на вопросы.

Корреспондент ТАШШ (Телеграфное агентство шахматистов и шашистов): — А как быть не умеющим играть?

Ферзьбери: — Это не помеха! Они будут приняты в особый подготовительный турнир рыцарят, где быстро станут заправскими рыцарями.

Корреспондент газеты «Шах и мат»: — Когда откроется Олимпийский турнир?

Ферзьбери: — В январском номере «Костра». Там же будут объявлены все условия.

АРЧЕБЕК

Корреспондент журнала «Рокировка»: — Как сообщат о зачислении тем, кого примут?

Ферзьбери: — Я уже сказал, что примут всех! Поэтому каждый написавший просьбу о приеме должен выполнить боевое задание в «Костре» № 1 и послать мне рапорт.

Прессконференция закончена.

Помните: начало Олимпийского турнира — в январе, запись уже открыта!

НА ПОЛИГОНЕ

Как известно, на полигоне АРЧЕБЕКА испытывают быстроматы — главное оружие наших ры-

№ 2, Валерия — на диаграмме № 3, Игоря здесь — белые: Kph5, Фе3, Kg3, пп. d3, e2; черные: Kpf6, п. f7.

Испытывая каждый образец, нужно в нем определить во сколько ходов белые сумеют дать мат при самом отчаянном сопротивлении черных.

КИОСК

„МГНОВЕННАЯ СПРАВКА“

— В каких случаях шахматная партия признается сыгранной ничью?

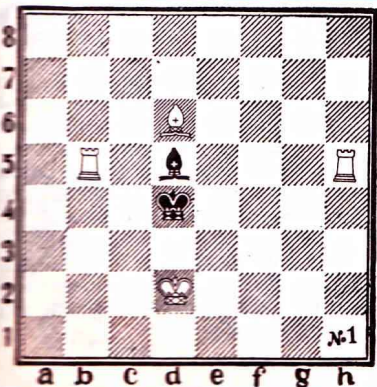
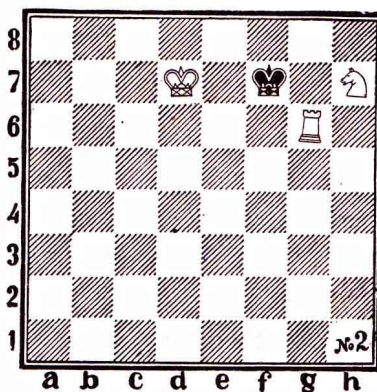
— Таких случаев пять. Вот они:

1. Когда на ничью согласны оба противника;
2. Когда получился пат;
3. Когда на доске остались такие фигуры, что мат невозможен даже при любой ошибке (король против короля, или король и слон против короля, или король и конь против короля и т. п.);
4. Когда трижды повторяется одна и та же позиция;
5. Когда в течение 50 ходов ни одна фигура или пешка не была побита и ни одна из пешек не двигалась.

СТОЛ НАХОДОК

Сюда доставили шашечную позицию — белые: а7, черные: с3. Да, да! Всего по шашке! Ничья? Однако подпись гласила — «Белые выигрывают». Это было странно: разве же могут тут белые выиграть?! И лишь когда явился автор — владелец позиции ленинградский шашист Виктор Ершов, выяснилось, что доставившие ее в стол находок по дороге утерли две черные простые...

Вот и определите: где стояли утеранные шашки, если известно, что с ними белые выигрывали?

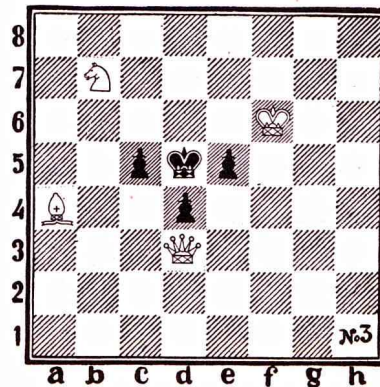

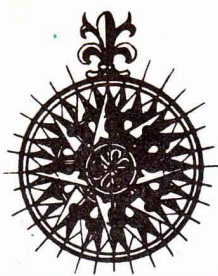
царей. Огонь из быстромата ведется по черному королю.

Сегодня на полигон прибыли новейшие образцы быстроматов, созданные славными архебековцами — Юрой Селявкиным из Воронежа, Бекеном Тайбуровым из села Георгиевка Чимкентской области, Валерием Прониным из Одессы, Игорем Подопрigorой из Янгьера.

Кто желает участвовать в испытании? Выходите на линию огня!

Быстромат Юры — на диаграмме № 1, Бекена — на диаграмме

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

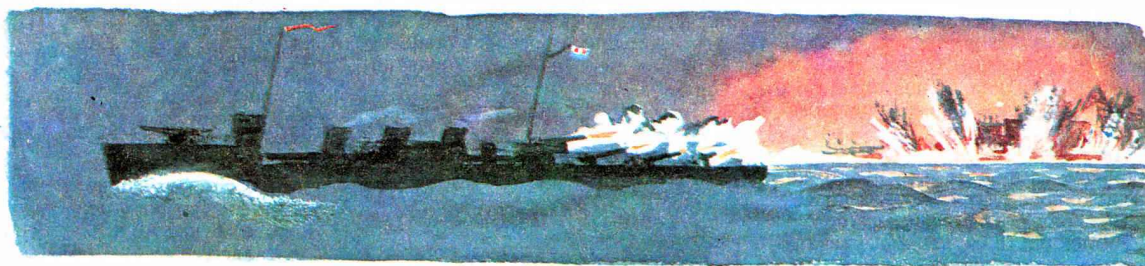
Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарова

Год издания 15-й

Как эсминец „Шаумян“ заправился у фашистов горючим

... Шел 1941 год. На эсминце «Шаумян» было на исходе горючее. Эсминец стоял у причала Одесского порта безмолвный и затемненный. Что-то нужно бы-

ло предпринять. Но что? И командир решил: пойти в Очаков, который был занят фашистами, и заправиться в порту. Еще командир думал: фашисты не догадаются, что у русских хватит смелости войти во вражеский порт и заправиться горючим на глазах у врага. А может быть, ночью фашисты примут эсминец за свой.

ло предпринять. Но что? И командир решил: пойти в Очаков, который был занят фашистами, и заправиться в порту. Еще командир думал: фашисты не догадаются, что у русских хватит смелости войти во вражеский порт и заправиться горючим на глазах у врага. А может быть, ночью фашисты примут эсминец за свой.

Зашумели за кормой винты, мелькнул волнолом с маяком. Эсминец вышел в море.

Очаковский порт командир знал хорошо, и эсминец ошвартовался точно у трубопроводов. Заклеко-

жет быть, и вправду приняли эсминец за свой корабль.

Наконец цистерны были наполнены. И в это время с берега раздался сонный и испуганный голос: «Верист да?» (Кто здесь?). Потом послышались выстрелы и топот ног. В небо полетели ракеты, освещая причалы и эсминец. Взошла корабельная сирена. Последние матросы вскочили на борт, и «Шаумян», отвечая огнем всех орудий, маневрируя, ушел из бухты.

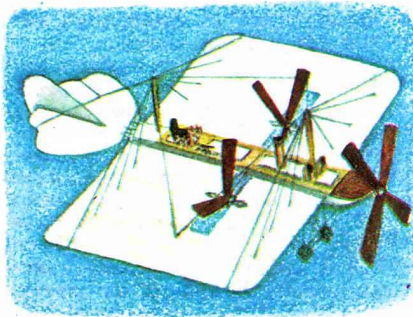
Д. Баханцев

НАШ КАЛЕНДАРЬ

3 ноября 1881 года военный моряк, изобретатель Александр Федорович Можайский получил привилегию (патент) на изобретенный им самолет.

Недаром Можайский был моряком — корпус его самолета напоминал лодку.

Еще много раньше Александр Федорович делал модели самолетов, и они хорошо летали. А вместо груза к модели изобретатель подвешивал свой морской кортик...

Объявление пневматика

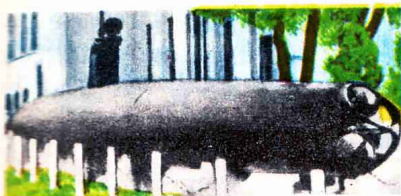
«Морская газета» награждает за лучшие юнкорские материалы 1971 года:

1. Книгой «Корабли-герои» — Толю Никифорова (порт Ванино), Сашу Топоркова (Москва), Володю Заблочного (Николаев);

2. Книгой «Крейсер „Аврора“» — Марину Капустину (Пушкин), Сашу Низова (Свердловск), Олю Солдатенкову (зерносовхоз «Красный Октябрь»).

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

В Тихом океане, неподалеку от американского военного порта Пирл-Харбор, аквалангисты нашли затонувшую японскую подлодку-малютку. Вместе с двумя боевыми торпедами она пролежала на дне со времен последней мировой войны.

Запас хода у этих подлодок был невелик: только добраться до противника. А затем — погибнуть вместе с ним.

Подлодку вытащили на поверхность и передали японским властям.

Японские военные велели почистить ее и покрасить заново, а потом выставили возле Японской Морской Академии, чтобы новое поколение японских военных моряков старалось походить на прежних самураев-самоубийц.

Японский народ борется за мир, а у японских военных свои заботы: о пушечном мясе.

РЕДКАЯ РЫБКА

«Касидорон эдом» можно смело называть самой редкой рыбой на Земле. Ее поймали в Саргассовом море на большой глубине, среди водорослей.

Длина рыбки около трех сантиметров. Цвет ее угольно-черный, светятся только серебристые кончики плавников.

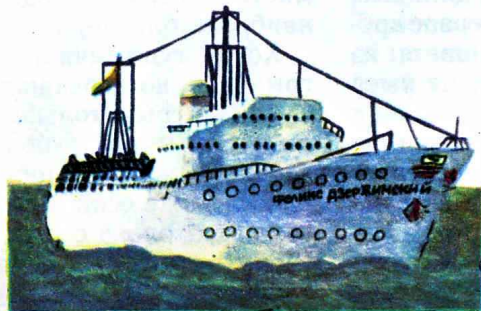
Ученых удивил нижний плавник рыбки: он похож на трал. Но действительно ли этот трал ловит добычу, ученые пока сказать точно не могут...

С выставки „Морской газеты“

Этот рисунок прислала из Архангельска Надя Шерлыгина. Она пишет: «Дорогой Пингвин! Вы не подумайте, что я захотела получить премии и дипломы, нет. Я просто очень люблю рисовать и поэтому пишу этот рисунок...»

Отвечает председатель жюри Пингвин:

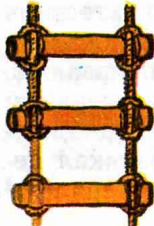
«Дорогая Надя! Рисунок нам понравился. Решено наградить тебя призом и отметить рисунок дипломом «Голубой пингвин».

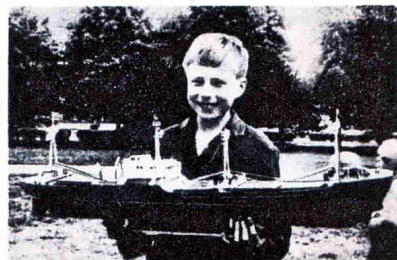
СДЕЛАЙ САМ

Штормтрап

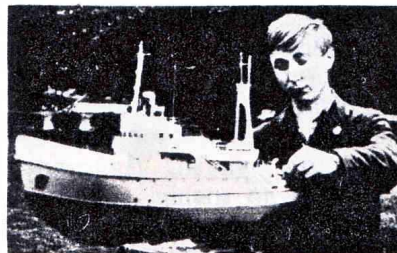
Как сделать штормтрап, видно из нашего рисунка. А пригодится он может везде — и на борту катера, и в летнем походе по лесам и оврагам, и в пионерском лагере.

МЫ — ИЗ СМОЛЬНИНСКОГО...

Леня Минаев, 2-е место по гражданским судам на городских соревнованиях

Саша Зуев с моделью морского буксира

Леня Минаев и Г. Шейхет готовят модель к соревнованиям.

«Мы — из Смольнинского...» — так говорят о себе наши ребята из судомодельного кружка Смольнинского Дома пионеров. В этом году на городских соревнованиях мы победили. Саша Зуев занял первое место по движущимся военным кораблям. Леня Минаев — второе по гражданским судам. Соревнования длились недолго, запуск моделей вообще секунды, но для того чтобы победить, нам понадобилось три долгих года... Но зато за эти три года наши ребята стали настоящими мастерами.

Вы думаете, все, кто занимается в судомодельном, непременно станут кораблестроителями? Или моряками? Совсем не обязательно. Но наши ребята станут умелыми людьми, они на всю жизнь полюбят тонкую, кропотливую работу модельстов. ОНИ НАУЧАТСЯ ДЕЛАТЬ ВЕЩИ СВОИМИ СОБСТВЕННЫМИ РУКАМИ. Вот что главное. Ну и конечно, победить, это тоже неплохо... Так говорят наши ребята.

Руководитель кружка Г. Шейхет
Фото Н. Кокуриной

А. Батцес

Рисунки Е. Захарова

Друзья-зоологи привезли мне из Тувы тушканчика-прыгуна. Какой это был своеобразный зверек! Он производил впечатление меховой игрушки-карикатуры, сделанной неопытными руками. Действительно: представьте себе тело мыши, голову белки (но со свиным рылом и заячьими ушами), ноги кенгуру, а хвост как у какого-то необыкновенно маленького теленка. Глаза большие, черные, как у белки-летяги. Зверек делал метровые прыжки и несся с такой скоростью, что и собаке его не догнать.

Тушканчикам очень вредна сырость. Посадив грызуна в большую просторную клетку и засыпав дно песком — опилки для этого обитателя пустынь не годятся, — я поставил туда маленький деревянный домик (12×12 см) и положил сено. Мой новый знакомый сейчас же забрался в домик, словно он всегда жил в такой квартире. Назвал я зверька Тувиком. Ночью он бодрствовал, а днем спал, принимая во сне самые фантастические позы. Бывало, спит в своем деревянном домике, а две длинные, словно босые, ноги торчат наружу. Первое время меня даже пугали эти высунувшиеся из «двери» сиротливые голые пятки. Да не умер ли мой Тувик?!

Я осторожно трогал эти живые ходульки, но зверек спал так крепко, что слабое подергивание за ноги не будило его. Озабоченный, я начинал тянуть соню сильнее, и только тогда ноги нехотя подбирались в домик, а через секунду оттуда появлялась заспанная физиономия со свиным пяточком и уши, похожие на завядшие лепестки цветка. Интересно, что уши у тушканчика болтались только первое время после пробуждения, но стоило зверьку поскакать по клетке, и они обретали упругость и форму заячьих.

Тувик оказался строителем по призванию. Когда он не спал, то занимался переустройством своего жилья. Всю ночь что-то скреб, шебаршил, а наутро возле домика возникал целый курган из сена и песка. Я всегда терялся в

догадках, как ему удастся, сидя в домике, соорудить такую насыпь снаружи. Удивительный искусник!

Ел он семечки подсолнуха, траву, сено, яблоки, но особенно любил грецкие орехи и молоко. Занятно было смотреть, как Тувик обедает! Кусочек раздавленного ореха или семечко он брал своими коротенькими передними лапками, словно руками, и не спеша лакомился. Молоко он черпал, сделав горсть из лапок, совсем как мы, когда пьем воду из ключа.

Тушканчик почти все время стоял на задних ногах и опирался на длинный сильный хвост, при этом крохотные передние лапки были так тесно прижаты к телу, что могло показаться: их совсем нет.

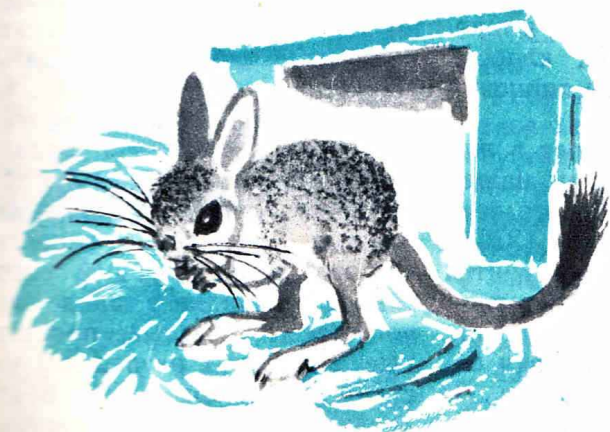
Вначале Тувик меня побаивался, но вскоре привык и стал брать корм из рук. Мне очень понравился мой новый приятель, и я постарался, чтобы ему было хорошо. Клетку поставил на высокий шкаф, ведь теплый воздух поднимается вверх, — создал ему, как говорится, наиболее благоприятный «микроклимат».

Хотя тушканчики принадлежат к отряду грызунов, но деревянную клетку и свой домик Тувик не грыз: только кое-где чуть-чуть виднелись следы его зубов. Надо сказать, что он всегда был очень добродушен, никогда не кусался. Даже если я пытался достать его из домика, он только сердито выталкивал мою руку своим пяточком и передними лапками, не пытаясь укусить. Меня всегда удивляло, как это Тувик, постоянно роясь в песке и сенной трухе, не засоряет свои огромные глаза; но, видимо, жизнь в пустыне, в мире песчаных бурь, научила этих зверьков такому искусству.

Как-то маленькая девочка, пришедшая со своей мамой посмотреть на моих питомцев, увидев Тувика, стала просить мать: «Мамочка, купи мне такого заводного зайчика!» Наши уверения, что это не игрушка, а живой зверек, долго казались ей надувательством: до такой степени Тувик и своей внешностью, и

движениями не похож на обычных зверьков. Только увидев, как тушканчик пьет молоко, малышка поверила, что это — «настоящий зайчик».

Однажды Тувика снимали на пленку сотрудники телевидения. Решетка клетки мешала съемке, и они соорудили нечто вроде загона. Мне очень не нравилась эта затея, но в конце концов я уступил. В ход пошли чертежная и гладильная доски, различные коробки и целые брустверы книг. Выпущенный Тувик спокойно остановился посреди загона «столбиком» и стал нюхать воздух, время от времени почесывая пяточек крошечной передней лапкой. Но когда вспыхнул яркий свет и застрекотал киноаппарат, он заметался и вдруг, сделав совершенно невероятный прыжок, оказался за барьером. Сам Валерий Брумель, наверное, восхитился бы таким «взятием планки»! Мы принялись ловить «рекордсмена», но не тут-то было! И не то что бы Тувик нас боялся. Наоборот, он давал совсем близко протянуть к себе руку, но в по-

следний момент, словно издеваясь над нашей неповоротливостью, ловко отпрыгивал и каждый раз — в совершенно неожиданном направлении. В пылу ловли два моих помощника столкнулись лбами, но даже после этого их рвение не ослабло. Скоро мы взмокли, гоня-

ясь за маленьким зверьком. Наконец сотрудники телевидения сняли пиджаки, давая этим мне понять, что решили бороться до конца. Но мне надоела эта игра в «кошки-мышки»: я знал, что мы слишком неповоротливы для состязания с Тувиком. Надо было прибегнуть к хитрости. И я осторожно поставил перед Тувиком его домик.

Тушканчик застыл неподвижно, глядя на непонятно откуда взявшееся жилище. Было похоже, что он обдумывает, достаточно ли он над нами потешился, или еще рано кончать игру в пятнашки. Мы с трепетом ждали «решения», и оно оказалось «положительным». Тувик вдруг присел и нырнул в домик. Вдох облегчения вырвался у нас троих, когда эта мучительная погоня закончилась. Так и не пришлось снять Тувика на воле, а сняли его через открытую дверцу клетки.

Уже второй год живет у меня Тувик, но до сих пор я не могу понять некоторых его фокусов. Все мы не раз видели, как фокусники вытягивают из маленькой коробочки целые горы лент или платков, и всегда возникает недоумение, как же эта гора могла поместиться в такой маленькой коробочке. Нечто похожее умудряется делать и Тувик, только он не вытаскивает, а втаскивает в домик столько травы и сена, что, кажется, туда и наперсток не влезет; но он сам каким-то образом забирается внутрь, спит в такой сверх-тесноте, и, видимо, это ему даже нравится... Вот какой, оказывается, удивительный зверек — тушканчик!

Фото автора

Я — Кацуми. Сегодня мне исполнилось восемь лет

В небольшой советской делегации, побывавшей в Японии, были люди почти всех профессий, связанных с воспитанием ребят; детские писатели и поэты, педагоги, композиторы, художники детской книги, библиотекари. Возглавлял делегацию Лев Кассиль, книги которого переведены и на японский язык.

Мы прибыли в Токио 7 мая, а 5 мая в Японии праздновали День детей.

В этой стране высчитывают по-своему возраст ребенка: только по годам, месяц и день рождения не учитываются. Празднуют как бы коллективный день рождения всех детей. В этот день ребятам дарят игрушки и сласти, угощают мороженым, водят в зоопарк, театр или цирк.

Раньше это был праздник только мальчиков. По старинному обычаю за несколько дней до праздника, над домами, где есть мальчики, вывешивают на высоких шестах больших бумажных или матерчатых карпов. Карп — *койнобори* — олицетворение воли, настойчивости, мужества. Вероятно, потому, что весной эта рыба упорно плывет против течения...

На праздник детей мы немного опоздали. Но карпы еще висели над многими домами Токио. Ветер колыхал их красные с золотом пузатые тела.

Ребята высоко задирали головы, любуясь похожими на бумажного змея рыбами...

... Однажды наши друзья повезли меня и художников —

Бориса Неменского и Тамару Шпикалову — в Танаси, в школу, где в младших классах учился знакомый мне японский мальчик Сатоми.

Отца Сатоми уже нет в живых, но он был другом нашей страны и хотел, чтобы его дети получили образование в СССР. Его десятилетний сын учится теперь в московской школе.

Городок Танаси — спутник Токио, как бы его далекая окраина. Ехали мы долго. В школе нас уже ждали. Директор школы и бывший классный воспитатель Сатоми интересовались успехами мальчика, подробностями его жизни в Москве. Я рассказал учителям и матери Сатоми все, что знал о нем. Ведь я разговаривал с мальчиком всего за три дня до приезда.

Дети

Весть о приезде дяди из России, который видел Сатоми, молниеносно облетела школу. На большой перемене в открытое окно директорского кабинета заглядывало много любопытных. Директор понимал, что друзьям Сатоми хочется узнать о нем побольше, и никого не прогонял.

Когда мы вышли на узенький школьный дворик, нас обступили пятиклассники — сверстники Сатоми. Они засыпали меня вопросами о своем товарище. Видно, ребята гордились другом. Даже немного «задавались» перед остальными школьниками тем, что у них такой знаменитый одноклассник.

Потом я познакомился с сестрой Сатоми — Кацуми. Эта славная, чуть застенчивая девочка восьмью лет учится в той же школе.

Школа — длинное деревянное одноэтажное здание. Входят в школу так же, как в японский дом, предварительно сняв обувь. В коридорах и классах чисто. Нас удивило, что парты, столы и классные доски такие же, как в наших школах. Ведь в японском жилом доме мебели нет. Семья обедает и отдыхает, сидя на полу, на циновках, поджав под себя ноги. Ребята готовят уроки тоже сидя на полу.

Хорошо оборудованных кабинетов, столовой, гимнастического зала, хорошей спортивной площадки в школе нет, но классы светлые, просторные. На стенах развешены рисунки и гравюры ребят. Везде аквариумы с рыбками, живые цветы.

Во время уроков — тишина. Дисциплина и сосредоточенность на уроке — удивительные. На перемене дети шумят, играют, даже дерутся. На уроке заняты только учебой.

На прощанье я получил в подарок тряпичную куклу —

Япония

храброго мальчика Момотаро, героя японской легенды.

Вторую школу мы посетили в городе Осака — побратиме Ленинграда, большом промышленном центре. Между обоими городами давняя дружба.

На школьной площадке наша группа разделилась: кто направился в здание начальной школы, на урок рисования, кто — в соседний корпус, на урок музыки старшеклассников.

Последние минуты перемены. Звонок. Ребята бегут со

Когда мама занята, я ей не мешаю

Первоклассники на уроке рисования

всех ног в классы. Явиться в класс вместе с учителем или опоздать на урок — позор.

Несмотря на гостей, да еще иностранцев, ребяташки отвлеклись лишь на минуту. И потом снова принялись за работу. Задание учителя — прежде всего!

Рисовали акварельными красками. Тема рисунка — «Моя мама». Один мальчуган

оказался не в ладах с палитрой. В дырку, предназначенную для большого пальца, он упорно совал три других. Лев Абрамович Кассиль показал парню, как взять палитру правильно. Тот подумал и опять сунул в отверстие все три пальца...

На цыпочках обходим парты и наблюдаем за работой детей. Наши художники обращают внимание на классную доску. На ней от прошлого урока остались цветы, великолепно выполненные цветными мелками. Рисовала учительница ботаники.

Ребята в Японии веселые и приветливые. Но мы встречали и усталые, озабоченные лица. Многие японские дети рано приобщаются к труду. И по хозяйству помогают, и заботятся о младших братьях и сестрах. Если же родителям трудно свести концы с концами и приходится брать работу еще и на дом, то за такой работой — выделкой мелких деталей, кустарных изделий, сувениров — вечерами сидит вся семья, да же дети.

Рано утром мы видели на улицах мальчиков-почтальонов. Им приходилось разносить газеты до начала школьных занятий. А для этого надо подниматься в 4—5 утра. По-

лучают такие ребята гроши. Но и это — подспорье в семье.

Во время встречи с японскими учителями и родителями мы рассказывали японским друзьям о жизни детей в СССР. Рассказывали о детских клубах, библиотеках, Дворцах пионеров. Японцы слушали нас с огромным вниманием.

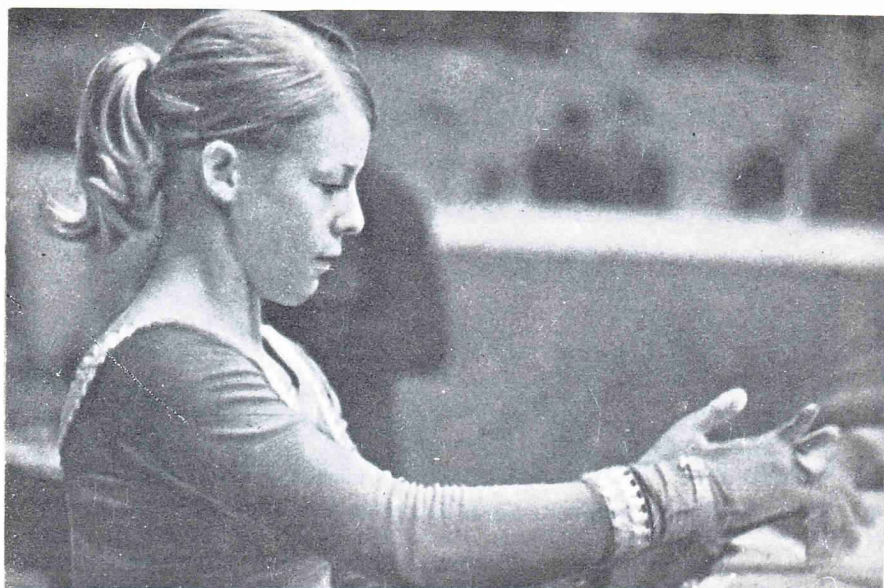
Трудно было расставаться нам с японскими ребятами. Наш теплоход «Байкал» отплыл из порта Иокогама. Провожали нас и дети. Приехала и девочка Кацуми. Я уже стоял на палубе, но с Кацуми нас еще связывала тонкая ленточка серпантина. Я дергал за ленточку, и Кацуми улыбалась, махая мне рукой.

Теплоход отвалил от пирса. Ленточки, соединявшие нас с

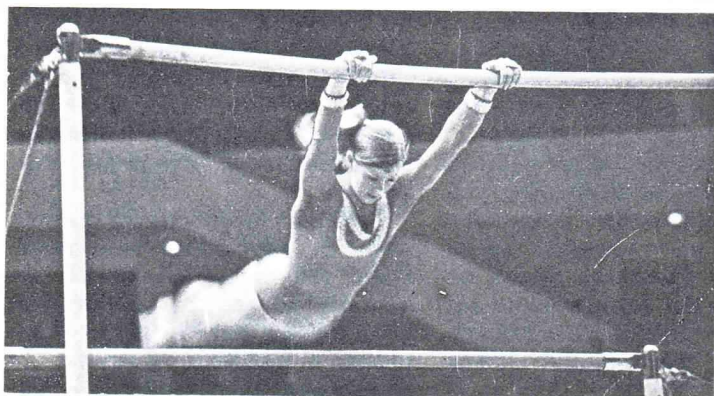

берегом, оборвались. Но добрая дружба со славными детьми Японии, их родителями и воспитателями — друзьями Советского Союза, не прервется никогда.

А. Якубенко

*Последние приготовления — натереть руки канифолью.
Мозолей у классного мастера не бывает!*

Бесшумная работа — тоже признак мастерства

Любимый вид — опорный прыжок

Чемпионка спартакиады и ее друзья

В школах Витебска раздавался последний звонок. Ребята высыпали на улицу. У одного из портфеля торчит теннисная ракетка, у другого — шнурки от боксерских перчаток, у третьего в авоське — шапочка для плавания. Кто куда, а девочки — на гимнастику!

В зал детской спортивной школы при Дворце пионеров мы пришли за несколько минут до начала занятий. Под потолком тускло мерцали блоки и крепления. Пианино застыло в углу. Пахло канифолью.

Зал выглядел пустынным, и только голубая ленточка, забытая на крышке пианино, напоминала о тех, кто был здесь накануне.

Ждать пришлось недолго. Распахнулись двери, и в зал вбежали девчонки в спортивных костюмах. Тотчас же они затеяли игру в пятнашки. Это были необычные пятнашки. Ну где вы видели, чтобы человек, спасаясь от пятны, вдруг прошелся на руках, скользнул по брусьям или в два счета оказался верхом на перекладине? Так, наверное, играют в эту игру белки или птицы.

Детская спортивная школа № 1 славится своими гимнастками. В вестибюле висят две фотографии. На одной — молодая женщина с красивой прической. Это Лариса Петрик, олимпийская чемпионка, капитан сборной команды СССР. На другой — юная девушка с косичками. Это десятиклассница Тамара Лазакович, чемпионка страны.

Лариса Петрик начала свой спортивный путь в этой школе, а Тамара и сейчас тренируется здесь у Викентия Дмитриевича Дмитриева.

В этом году Тамара стала абсолютной чемпионкой Спартакиады народов СССР. За несколько лет занятий спортивной гимнастикой она удостоилась всех спортивных титулов, кроме одного — титула олимпийской чемпионки. Но это еще впереди.

Из всех гимнастических упражнений у Тамары лучше всего получается опорный прыжок. Он-то и принес ей в Риге золотую медаль. Тамаре ближе атлетические элементы гимнастики. Вольные упражнения, примыкающие к акробатике и даже хореографии, она выполняет с меньшим успехом.

Когда Тамара работает на снарядах, в зале наступает полная тишина. Даже «бревно», которое только что скрипело, словно жалуюсь на чью-то неопытность, даже брусья, которые только что недовольно грохотали, теперь затихли, замерли. Между прочим, беззвучная работа на снарядах — один из показателей высокого мастерства.

Пусть о Тамаре скажут те, кто знает ее давно и хорошо.

Тренировки
затягиваются дотемна

Старшая подруга —
Лариса Петрик

Директор спортивной школы Михаил Васильевич Урвачев:

— Тамара не из тех, кому нужно говорить: «Еще! Давай! Поднажми!» Наоборот, ее приходится удерживать, останавливать, заставлять немного отдохнуть.

Тренер Викентий Дмитриевич Дмитриев:

— У Тамары сильный характер. Есть в нем одна занятная черта. Если на первом снаряде она делает небольшой промах, то после этого собирает все силы и выступает с особым блеском. Так что, если на первом же снаряде Тамара работает безупречно, я все равно нахожу, к чему придраться, иду на эту маленькую спортивную хитрость.

Капитан сборной команды страны Лариса Петрик:

— У Тамары блестящая спортивная биография. В тринадцать лет она уже выходила в финал «взрослых» соревнований.

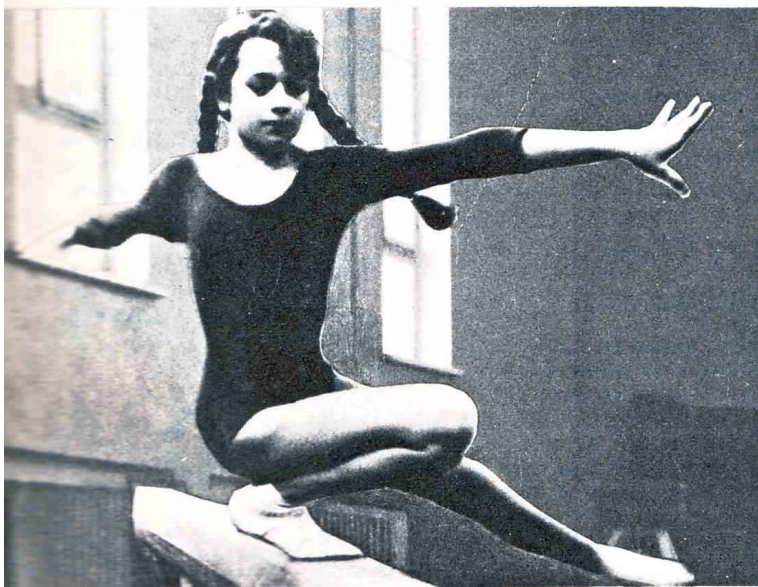
Иногда Тамара плачет после неудачного выступления, но это не слезы слабости и отчая-

Тренер Дмитриев: «У Тамары сильный характер...»

Иногда Тамара плачет,
но это не слезы слабости...

Оксана Углова: «...хочется походить на нее»

ния, а выражение хорошей спортивной злости. Она — прекрасный товарищ. Иной раз, когда мы выступаем за границей, кому-то приходится отказываться от личных лавров, пропустить вперед подругу, у которой больше шансов выйти на первое место. Тамара всегда готова пойти на это в интересах команды. На соревнованиях внутри страны мы соперницы, а за пределами ее — верные союзницы.

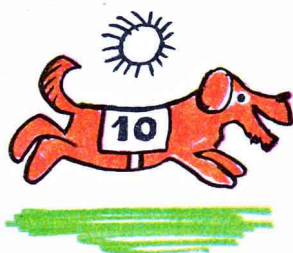
Концертмейстер Раиса Наумовна Зарецкая:

— Когда-то, еще до того как построили эту красивую спортшколу, мы занимались в подвальном помещении на улице Суворова. Было тесно, холодно. Снаряды стояли почти вплотную друг к другу, как школьные парты. Гимнастки кутались в пальто, и только восьмилетняя Тамара была всегда в тренировочном костюме. И не уйдет из зала, пока не выполнит все упражнения на «отлично», упрямая девчонка, вернее, упорная.

Семиклассница Оксана Углова:

— Тамара — пример для всех нас. Ее упорству, смелости завидуешь. Каждой хочется походить на нее.

Фотоочерк Гер. Бердова

Спорт № 1

Какой вид спорта самый популярный в Англии? Всякий ответит — футбол. Но вот статистики придерживаются иного мнения. Они высчитали, что наиболее посещаемым состязанием в стране являются конные скачки и ... собачьи бега. Этим выкладкам можно поверить, ведь в Лондоне издается специальная газета, которая пишет только о собачьих бегах.

Как стать альпинистом

Английское королевское общество альпинизма зачислило в свои ряды почетным членом Уилфрида Криппса, служащего знаменитого лондонского собора «Сент-Пол». За 34 года работы Криппс преодолел 2 миллиона 250 тысяч ступенек, ежедневно заводя вручную часовую механизм знаменитой башни. Теперь в строй вступил электро-автоматический заводной механизм, и Криппс ушел на покой. Тогда-то о нем вспомнили альпинисты, справедливо посчитавшие, что Криппс достоин быть членом их общества.

Единое мнение

«Остричь всем привы!» — такую команду дали своим подопечным руководители всех клубов английской футбольной лиги. И подкрепили свой строгий приказ таким обоснованием: «Во-первых, судьи с предубеждением относятся к футболистам, носящим длинные прически. Во-вторых, с точки зрения тренеров, длинные волосы мешают спортсменам как следует играть головой. В-третьих, недовольны зрители: волосатых футболистов развелось так много, что трудно отличить одного от другого».

Ты рассеян? Невнимателен? Неусидчив?

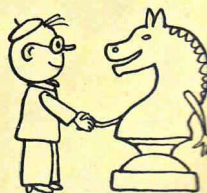
Тогда знай: помогут тебе 32 фигурки и доска с белыми и черными клетками. Шахматы!

Рассеянных в шахматной игре бьют. Невнимательных — бьют. А кому же приятно в каждой партии повторять слово «сдаюсь»? Поневоле научишься быть сосредоточенным и работоспособным. Сначала, может быть, только за доской. Но затем эти качества привьются, и ты сможешь хоть целый урок, несколько не отвлекаясь, слушать учителя, а если уж сел за домашние задания, то намертво — тебя ни капли и не тянет выскочить из-за стола и оторваться от занятий.

Но не только это подарят тебе шахматы. Шахматист ведет на доске сражение, в котором его постоянно подстерегают опасности. Он должен уметь хладнокровно отражать угрозы и не терять самообладания, если борьба складывается не в его пользу. Так шахматы сделают тебя более мужественным, укрепят силу воли, выдержанность, стойкость.

Как совершить в шахматах первые шаги — научит тебя АРЧЕБЕК. Но вот ты постиг основы и твердо намерен продолжить свое шахматное развитие. Что предпринять? Дорог немало... А одна из них — существующая в Москве при ДСО «Труд» Школа спортивного совершенствования по шахматам под руководством гроссмейстеров М. Ботвинника, В. Корчного, Л. Шамковича. Добейся необходимых успехов и с направлением приезжай на вступительные экзамены!

Г. Гольдберг,
заслуженный тренер СССР,
общественный директор
шахматной школы «Труд»

Рисунки Л. Каминского

ДЕРЕВО ТРИНИДАД

РАССКАЗ

В одну московскую школу приехала иностранная делегация. Школа была новая, только год как открыта. Вокруг пустырь — ни деревца, ни кустика. И кому-то пришла в голову хорошая мысль: начать разбивать вокруг школы парк и назвать его Парком Дружбы. Сажать деревья пригласили и иностранную делегацию. Во время посадки и произошёл этот случай...

Высокий иссиня-чёрный негр держал в руках белоствольную березку. Лунка была уже готова. Оставалось опустить туда деревцо и закопать корень.

Негр наклонился, бережно опустил березку в лунку и начал быстро работать заступом, улыбаясь и восторженно повторяя:

— Тринидад... Тринидад... Тринидад...

Ребята из второго класса никак не могли понять, что означает это слово. Посоветались и решили, что «Тринидад» на языке гостя — «березка»...

Один мальчик — очень серьёзный, в очках — сказал негру:

— Познакомьтесь: ученица нашей школы Рита Игнатьева. Ей поручено растить ваше дерево. Дайте Рите свой адрес, и она сообщит вам, как привился ваш «Тринидад».

Негр услышал слово «Тринидад» и снова заулыбался.

Второклассники ещё накануне условились: дать каждому делегату, посадившему дерево, письменное обязательство — «Я торжественно обещаю растить дерево, посаженное в знак дружбы...»

Протянула такое обязательство негру и Рита. К обязательству она приложила свой адрес.

Негр посмотрел на бумажки и понял, что на одной из них — Ритин адрес, и стал писать свой:

«Тринидад. Порт-оф-Спейн...»

И тогда мальчик в очках закричал с досадой:

— Ребята! Ведь Тринидад — это государство! На Малых Антильских островах. В Вест-Индии. А мы-то!..

В. Торопыгин

1

ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ КОСМОС?

„Где начинается космос?“ —
Спрашивал папу Костя.
Папа ответил: „Как будто
Он начинается утром,
Когда ты встаёшь с постели,
И зайчики скачут по стенам,
И солнце лежит на стеклах,
На одеяле стеганом.
Он продолжается снегом,
Соснами, скрипом лыж.
А вырастёшь, — станет небом,
В которое ты полетишь!“

Татьяна Филановская

Рисунки Б. Семенова

Гуляя,
Пушистый цыпленок
Встретил в траве
Котенка.

Гуляя,
Пушистый котенок
Встретил в траве
Цыпленка.

Долго они стояли
И друг на друга
Глядели,

И в этой траве высокой
Друг друга узнать
Хотели.

Цыпленок
Сказал котенку:
— Я никакой не цыпленок,
Мне говорила мама,
Что сын у нее —
Орленок.

Котенок
Сказал цыпленку:

— А я совсем не котенок,
Мне говорила мама,
Что я у нее —
Тигренок.

Они целый год
Дружили,
Друг с другом играть
Любили —
Котенок,
Что был тигренком,
Цыпленок,
Что был орленком.

В. Лисичкин

Иса и Муса

Рашид Рашидов

Говорит Мусе Иса:
«Эй, послушай, брат Муса!
Я, лишь только захочу,
Все селенье закручу!
Все забудут про дела,
Закружатся, как юла!..»

Стал кружиться тут Иса,
Он кружился полчаса;
С ним кружился лес, поля —
Завертелась вся земля!..

И сказал Исе Муса:
«Эй, послушай, брат Иса!
Захочу я — веришь, нет? —
Станет черным белый свет!
Будет в нем такая мгла —
Не дойдешь и до угла!»

И закрыл Муса глаза,
Начал жмуриться Муса:
Так зажмурился, что тьма
Поглотила все дома,
Поглотила все поля —
Стала темною Земля!..

Но почуял вдруг Иса,
И почуял вдруг Муса,
Что на них вода попала —
Это что за чудеса?!
На дворе палящий зной,
В небе тучки ни одной —
Так откуда ж эти капли,
Этот дождик проливной?!

Обернулся тут Иса,
Обернулся тут Муса —
Видят: чей-то нос знакомый
И знакомая коса!..

Кто же там невдалеке
Ходит с кружкою в руке
И водой на братьев брызжет —
Плещет, прямо как в реке?!

Пригляделся тут Иса,
Пригляделся тут Муса —
Зазвучали возмущенно
Мокрых братьев голоса:
«Что за глупая игра!
Убирайся со двора!»
«Я хотела сделать дождик», —
Отвечала им сестра.

Перевод с даргинского
Юрия Хазанова
Рисунок Ю. Бочкарева

От Гнома-Гастронома вам привет! Спасибо за чудеснейший обед!

Дорогие друзья-кашевары! Читая присланные вами на конкурс рецепты, я глотал слюнки. Чтобы выбрать из них лучшие, я три месяца готовил блюда только по вашим указаниям. Пробуя их, я облизывал пальчики.

И в конце концов чуть не проглотил язык.

Звание «Искусный кашевар» я присуждаю:

Ире Кузьминых, г. Павлодар, В. Койкову, г. Киров, Андрею Лебедеву, г. Ленинград, А. Букаренко, г. Куба Аз. ССР, Ане Вдовиной и Лере Ходаковской, г. Николаев, Ане Крупновой, г. Москва, Гале Субботиной, г. Новокузнецк, Наде Овчинниковой, с. Першино Курганской обл., Гале Иманжановой, г. Омск, Тане Шаймардановой, г. Ермак Павлодарской обл., Саше Скрябину, г. Донецк, Рите Рудовой и Кате Матенковой, г. Северный Свердловской обл., Вере П., совхоз им. Ленина ТАССР, Наташе Серебряковой, совхоз Ермак Омской обл., Вале Вансович, г. Печоры Псковской обл., Зое Черновой, г. Кемерово, Лиде Чижиковой, г. Зима Иркутской обл., Гале Филимоновой, совхоз «Обильный» Краснодарского края, Кате Частокол, г. Новоукраинка Кировоградской обл., Вале Илюхину, г. Солнечногорск Московской обл., Рав Мартыненко, г. Новогородовка Донецкой обл., Соляновой Лене, п. Усть-Омчуг Магаданской обл.

Особенно угодили вы мне тем, что большинство включило в меню подачу рассольник. Признаюсь: это мое любимое блюдо. Лучший рецепт рассольника прислала Ира Кузьмина из Павлодара: тушеная говядина, 1 кг картофеля, 150 г перловой крупы, 350 г огурцов, масло, соль, лук, лавровый лист, укроп, петрушка. Ей присуждается приз за лучшее первое блюдо — большая разливательная ложка.

Приз за самое вкусное второе блюдо — памятная солонка — присуждается Вале Илюхину за рецепт грудинки «со сложным гарниром»: грудинка, огурцы, картофель, горошек.

За самые экономные и оригинальные меню походного обеда призы — именные миски — присуждаются:

Вале Вансович (суп с крупой, салат, молоко), Лиде Чижиковой (те же блюда), Гале Субботиной (рассольник, салат), Наташе Серебряковой (рассольник, каша, салат), Саше Скрябину (салат, каша с мясом), Кате Частокол (молочный суп, салат «Весна»).

Друзья мои! С какой охотой Развел бы я костер походный! Я с вами мысленно повсюду Хожу, взяв ложку и посуду. Котел клубится вкусным паром. Привет искусным кашеварам!

ВАШ
ГНОМ-ГАСТРОНОМ

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ПРЕДЫДУЩИХ НОМЕРОВ

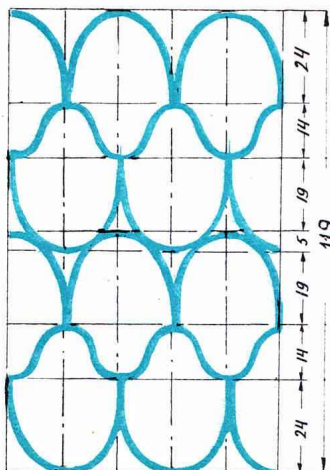
№ 9. В Алешином гербарии лишние: садовый нарцисс и садовый тюльпан. Все остальные экземпляры — дикорастущие цветы лугов и лесов.

№ 10.

1. Из выкройки получится сарафан вот такого фасона:

2. Расположение выкроек передничков на отрезе:

3. Таблица меток для платков:

бабочка	цветок
1. красная	красный
2. красная	желтый
3. красная	голубой
4. красная	сиреневый
5. желтая	красный
6. желтая	желтый
7. желтая	голубой
8. желтая	сиреневый
9. голубая	красный
10. голубая	желтый
11. голубая	голубой
12. голубая	сиреневый
13. сиреневая	красный
14. сиреневая	желтый
15. сиреневая	голубой
16. сиреневая	сиреневый

СОДЕРЖАНИЕ

Штаб на Двине	
глава из книги	
В. Румянцевой	
рисунки В. Орлова	1
Солдатская каша	
рассказ Б. Никольского	
рисунки М. Беломлинского	5
Как я спускался в шахту	
репортаж К. Феноменова	
рисунки А. Януса	8
Дети, будьте, как маяк	
очерк Л. Пожидаевой	12
Полосы на окнах	
повесть В. Голявкина	
рисунки автора	14
Память. В белую ночь	
стихи И. Фролова	24
Поход продолжается	
беседа генерал-майора	
Г. Десницкого	25
Рассказ о Достоевском	
очерк Б. Бурсова	26
Дедушкины медали	
стихи С. Попова	
рисунки Т. Васильевой	28
Снег в сумерках	
рассказ Г. Георгию	
рисунки Н. Кустова	30
Во имя лучших радостей на свете	
очерк В. Шошина	34
Стихи С. Когана	
рисунки И. Казаковой	36
SOS	
главы из повести	
И. Миксона	
рисунки Ю. Шабанова	37
Костя Теркин берет интервью	
Зеленый пес	
стихи Н. Слепаковой	47
Декрет о марках	
рассказывают Г. Романов	
и Т. Дживелегова	48
У костра	
рассказы наших читателей	50
Арчебек	
шахматы	51
Морская газета	52
Тувик	
рассказ А. Батуева	
рисунки Е. Захарова	54
Дети Японии	
очерк А. Якубенко	56
Чемпионка спартакиады и ее друзья	
фотоочерк Гер. Бердова	58
Спортивный чемоданчик	60
Уголёк	
журнал для малышей	61
Квартира № 64	63
На третьей странице обложки —	
«Океан-2»	

КОГДА СТРЕЛЯТЬ?

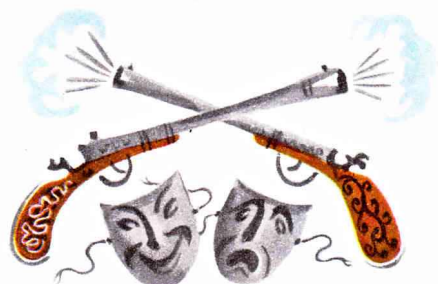
Известному русскому провинциальному актеру Булаховичу пришлось как-то играть в паре с совершенно бездарным молодым человеком, сыном хозяина гастрольного театра. Драма, в которой они оба участвовали, кончалась трагически: Булахович должен был убить юношу выстрелом из пистолета! Увы! Игра молодого актера была настолько плоха, что ничего не было слышно из-за свиста и шиканья публики. Наконец, Булаховичу все это надоело. Не успел кончиться первый акт, как он выхватил пистолет и выстрелил в незадачливого дебютанта, которому не оставалось ничего иного, как упасть «замертво».

— Я решил разделаться с ним раньше, чем до него доберется публика, — спокойно объяснил Булахович взбешенному хозяину театра.

И ЕЩЕ ПРО ВЫСТРЕЛ

Актер Н. был не из тех, кто любит утруждать себя. Поэтому он даже обрадовался, когда ему поручили в очередной пьесе роль белогвардейца, появляющегося только в самом начале первого акта. Он быстро отвечал на вопросы актера, играющего роль комиссара, потом комиссар произносил: «Увести его!» — конвоиры уводили Н. со сцены, он торопливо разгримировывался и преспокойно отправлялся домой или на прогулку. Товарищей возмущало такое равнодушие к судьбе спектакля, и однажды они решили проучить Н.

Комиссар задал Н. привычные вопросы и, когда тот уже начал коситься на выход, неожиданно, вместо «Увести его!», вскрикнул и крикнул: «Вот тебе за все!» Грянул по-театральному оглушительный выстрел. Пришлось бедняге Н. рухнуть на пыльные доски сцены и пролежать, не шевелясь, до конца длинного первого действия.

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтульев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. Пороиков, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Тербинская (ответственный секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор
В. А. Маевская

Технический редактор
В. И. Мецатунова

Рукописи и фотографии не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37, телефон 14-57-76.

М-36269

Тираж 600 000 экз.

Подписано к печати 22/IX-1971 г.

Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 8+обл.

Заказ № 1061

8,8 уч.-изд. л.

Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР
Ленинград, Кронверкская ул., 7.

Стихи «Марш „Океан-2“» прислала командир ракетно-артиллерийского корабля «Потемкин-8» Оля Солдатникова (зерносовхоз «Красный Октябрь»). Оля сочинила стихи, а мы попросили композитора Сергея Орлова к этим стихам написать музыку. Так появился марш «Океан-2».

1. Летят нам навстречу соленые брызги, Суровый стоит капитан. Поет за коромою Индийский, Индийский, Индийский седой океан...

2. Поет он о дружбе и славе матросской, О пенных путях кораблей, О том, что нас встретят суровые волны Неведомых дальних морей...

3. Учения наши пройдут без снарядов, Но храбростью флот наш богат. Улыбка и дружба, смекалка и честность Пусть в этом бою победят...

4. (Повторение первого куплета)

ИЗ ДОНЕСЕНИЙ КОМАНДИРОВ КОРАБЛЕЙ

...Изучением Мирового океана занимаются: океанография, гидрология, морская метеорология, иктиология, сейсмография, география...

Командир экспедиционного океанографического судна «Витязь-4» Володя Белов

...Во время плавания советские океанографические суда встречали: немагнитную зону «Сары», научно-исследовательские суда «Витязь», «Академик Курчатов», «Профессор Вино», экспедиционное океанографическое судно «Николай Зубов»...

Командир подводной лодки «Северянка-2» Нина Михалева

...В море обитает более 16 000 видов рыб. Иктиологи нашего фрегата собрали большую коллекцию. Удалось выловить образцы живородящих рыб: акул, скатов, бельдю-... морского усача.

Исследования продолжаем.

Командир фрегата «Паллада-7» Сергей Ижболдин.

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 11

Тяжелые флотилии завершают дальнейшее плавание. Экипажи кораблей добились отличных результатов в боевой подготовке и в проведении научных исследований. Приближаясь к родным берегам, юные моряки готовятся салютовать Советской Отчизне с выполнением заданий походного штаба...

Долгожданный:

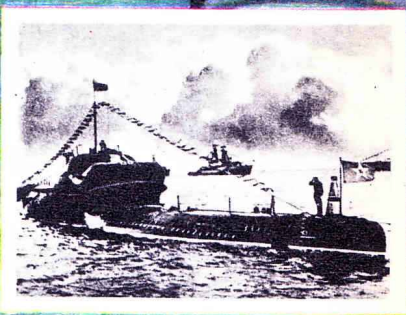
1. Знавшие вы имена военных моряков, участников штурма Зимнего дворца во время вооруженного восстания в Петрограде 25 октября 1917 года.

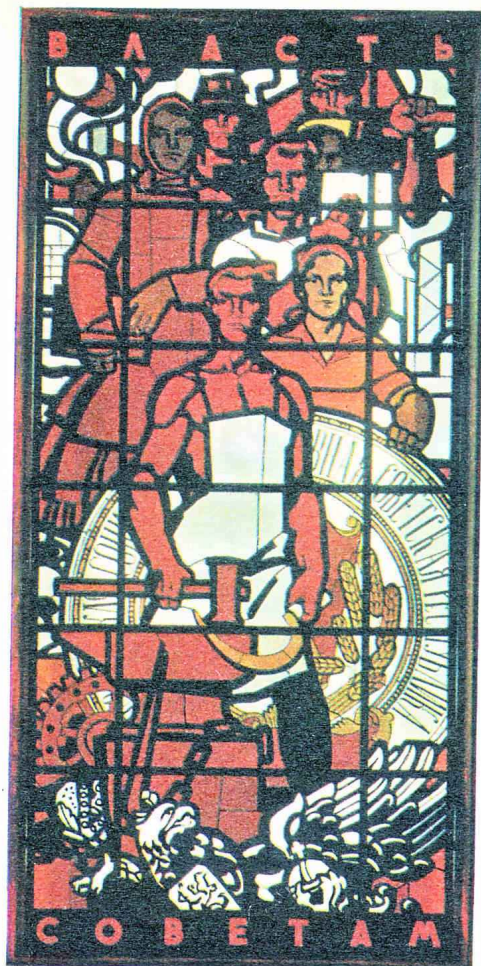
2. Какие корабли советского флота в память об их революционных заслугах поставлены на вечную стоянку. Где они стоят? Что вы еще знаете о них?

3. Когда, где и кем основана традиция советских подводников артиллерийскими выстрелами возвестить о числе потопленных вражеских кораблей?

„ОКЕАН-2“

Эти витражи (картины, выполненные из стекла) встретят вас в Ленинграде, в вестибюле Государственного музея Великой Октябрьской социалистической революции (рисунок на обложке). Профессор живописи А. Королев, мастера-витражисты Г. Петерсон и Ю. Смирнов создали их к столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Для изготовления витражей была использована древняя, очень трудоемкая, но зато самая выразительная техника. Сначала художник написал все пять картин маслом, потом мастер подобрал по цвету картин стекла и нарезал их кусками в точном соответствии с цветовыми пятнами оригиналов. Наконец, соединил эти куски прочным свинцовым переплетом. Теперь витражи будут стоять, не тускнея, веками, — стоять и радовать зрителей многоцветными эффектными световыми потоками.

